

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL.3, №1
TOM 3, №1

2021

16+

Востоковедение

Asian-Pacific Region

international cooperation
philosophy
cultural exchange
informatics
сотрудничество

orientalis
ations

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 25.04.2021. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8. Общий тираж 500 экз. Заказ №___ Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Вёрстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: **Мартынов Дмитрий Евгеньевич**, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: **Валеев Рамиль Миргасимович**, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: **Аликберова Альфия Рафисовна**, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: **Мухаметзянов Рустем Равилевич**, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственный секретарь: **Балакин Дмитрий Александрович**, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: **Хабидулина Эльмира Камилевна**, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока,

ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эльмира Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджун, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланьи Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date: 25.04.2021. Offset paper. Digital printing. Format 60x84 1/8. The total circulation is 500 copies. Order No. ____ Printed from the finished layout at the «Фэн» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionisis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: **Dmitry Martynov**, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: **Ramil Valeev**, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: **Alfiya Alikberova**, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: **Rustem Mukhametzyanov**, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: **Dmitry Balakin**, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: **Elmira Khabibullina**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute

of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Elmira Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рахматуллаева Д.М. Фонетика китайского языка и проблемы ее преподавания (на примере студентов Республики Узбекистан) – 6

Ишутина Ю.А., Брижатый О.Е. Специфика перевода воинских званий Народно-освободительной армии Китая и Вооруженных сил Российской Федерации на современном этапе – 14

Dongtao Yu. Сравнение китайских и английских связей в устных повествованиях – 22

Кадырова Л.И. Основные ошибки англоговорящих при изучении китайского языка и их причины – 37

Митькина Е.И. Изучение китайского языка на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета в начале XX века – 44

PHILOLOGICAL SCIENCES

Rakhmatullaeva D.M. 汉语语音及它的教学问题 (乌兹别克斯坦学生为例) – 6

Ishutina Yu.A., Brizhatyi O.Ye. The peculiarities of rendition of military ranks of the People's Republic of China and those of the Armed Forces of the Russian Federation at the current – 14

Dongtao Yu. A comparison between Chinese and English linkages in oral narratives – 22

Kadyrova L.I. The main mistakes of English speakers in learning Chinese and their causes – 37

Mitkina E.I. Chinese studies at the faculty of oriental languages of Saint-Petersburg University at the early twentieth century – 44

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гунский А.Ю. "Протестантский буддизм", «креольская вера» и буддийский модернизм. Концепции модернизации буддизма в работах зарубежных буддологов последней трети XX века – 55

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Gunsky, A. Y. "Protestant Buddhism", "Creole faith" and Buddhist modernism. Concepts of modernization of Buddhism in the works of western buddhologists of the last third of the XX century – 55

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цзян Чао, Ян Кэ. Распространение трактата Сунь-цзы «Искусство войны» за пределами Китая – 74

Семенов А.В., Семенов И.А. Российско-китайское взаимодействие на фоне подготовки к президентским выборам в США – 85

Цзе Ли. Брежнев и Сталин в китайской советологии 1990-х гг. – 100

Борисенко М.Д. Проблемы адаптации брачных мигранток из Вьетнама в Южной Корее – 116

Перов А.А. Позиция Китая в отношении российско-японской территориальной проблемы – 120

HISTORICAL SCIENCES

Jiang Chao, Yang Ke. Distribution of Sun Tzu's treatise "The art of war" outside of China – 74

Semenov A.V., Semenov I.A. Russian-Chinese cooperation in front of preparations for the presidential elections in the United States – 85

Jie Li. Brezhnev and Stalin in 1990s Chinese Sovietology – 100

Borisenko M.D. Problems of adaptation of married migrants from Vietnam in South Korea – 116

Perov A.A. China's position on the Russian-Japanese territorial issue – 120

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Басханов Д.Р. Сотрудничество и конкуренция Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере атомной энергетики – 132

Вахрамеева К.А. Шугейз в Китае – 143

Ван Цюсинь. Танские новеллы в работах В.Б. Шкловского – 150

YOUNG SCIENTISTS

Baskhanov D.R. Cooperation and competition between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of nuclear energy – 132

Vakhrameeva K.A. Shoegaze in China – 143

王秋新. 什克洛夫斯基批评视野中的“唐代传奇” – 150

РЕЦЕНЗИИ

Осокин А.В. Рецензия: «Трактаты о чае эпох Тан и Сун» в русском переводе Ю. Дрейзис и изучение китайской культуры чая в России – 162

REVIEW

Osokin A.V. Review: Treatises on «Tea of the Tang and Song Eras» in Russian Translation by Y. Dreyzis and Study of Chinese Tea Culture in Russia – 162

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сегодня Вы держите в руках первый номер журнала «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES» за 2021 год. Журнал становится известным не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом, доказательством тому служат статьи наших иностранных коллег и обновленный расширенный состав редакционной коллегии. Благодаря Вашим статьям и серьезной научно-исследовательской работе мы совместными усилиями создаем новые перспективы для творчества, укрепляем имеющиеся связи и коллаборации. Отрадно видеть среди наших авторов молодых коллег, только начинающих свою научную деятельность, но уже ведущих актуальные, высокопрофессиональные и практикоориентированные исследования в области востоковедения. Так, в этом номере в разделе «Молодые ученые» вошли три лучшие работы, победители международного конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу «Россия- Китай: история и перспективы», который завершился в январе 2021 г. Более подробную информацию о нем можно прочитать на нашем сайте.

За последний месяц Редакционной коллегией сделано много для улучшения качества проведения экспертизы текста, создается сайт журнала, подготовлены документы по вхождению в различные базы данных, ведутся переговоры по сотрудничеству с зарубежными журналами. В этом году мы готовим наш журнал под требования ВАК, в связи с этим просим обратить внимание на измененные требования к Вашим рукописям. Также у нас появился подписной индекс, и Вы можете оформить подписку и получать свои номера журнала без лишних хлопот.

Мы открыты к диалогу со своими авторами и хотели бы получать обратную связь. Если у Вас есть предложения или комментарии, касающиеся деятельности журнала, или Вы заинтересованы в проведение дополнительной экспертизы текста, рецензировании статей, тогда пишите на электронную почту Редакционной коллегии: modernorientalstudies@gmail.com.

*С уважением, Редакционная коллегия
журнала «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»*

Фонетика китайского языка и проблемы ее преподавания (на примере студентов Республики Узбекистан)

Phonetics of the Chinese language and teaching problems related to them (on the example of students of the Republic of Uzbekistan)

汉语语音及它的教学问题（乌兹别克斯坦学生为例）

Рахматуллаева Дилшада Маратовна

Ташкентский государственный университет востоковедения

rahmatullayeva-dilshoda@mail.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-6-13

АННОТАЦИЯ

Китайская фонетика имеет свои особенности и включает в себя три элемента, такие как «инициал», «финал» и «тон». Эти аспекты играют ключевую роль в процессе обучения китайскому языку как иностранному, а фонетика является одним из самых сложных аспектов при усвоении китайского языка. В связи с этим, в данной статье проведен анализ возникающих проблем в процессе обучения фонетическому аспекту. В основной части статьи отражены некоторые наиболее важные сведения о фонетике китайского языка, а также результаты фонетического эксперимента, направленного главным образом на решение проблемы преодоления трудностей, возникающих в фонетическом аспекте у студентов Республики Узбекистан. Содержание первой части статьи — сведения о фонетической системе китайского языка, а второй — результаты фонетического эксперимента. В третьей части приведены методические рекомендации. В заключительной части приведены выводы и видение автора на решение проблемы преодоления фонетических трудностей при обучении китайскому языку узбекским студентам.

Ключевые слова: китайская фонетика, согласная фонема, гласная фонема, слог, тон, изменение тона, методы обучения фонетике.

Для цитирования: Рахматуллаева Д.М. Фонетика китайского языка и проблемы ее преподавания (на примере студентов Республики Узбекистан). Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 6-13

摘要

汉语语音不同于拼音文字的语音，有自己独特的特点。汉语语音的声、韵、调三要素以及轻声、儿化的变调问题在整个对外汉语语音教学过程中占主导地位，是语音教学的重难点，也是语音研究的主要部分。因此，本文讲的是关于汉语语音及它的教学问题。主要部分是汉语语音特点及语音实验研究结果，笔者语音实验主要是针对乌兹别克斯坦汉语学习者的声调问题。文章第一部分所讲的内容是汉语语音体系有关的信息及乌兹别克语的不同点。第二部分是语音实验过程和结果。第三部分是根据上面的部分提出教学建议。结语部分总结出了比较重要的内容。

关键词: 汉语语音, 辅音, 元音, 音节, 声调, 变调, 教学

For citation: Rakhmatullaeva D.M. 汉语语音及它的教学问题（乌兹别克斯坦学生为例）。Modern Oriental Studies. 2021; 3(1). 6-13

序言

语音是语言的基础。它可以从不同的角度来加以考察，所观察到的可以分为语音现象、语音能力和语音行为。我们从语言获得的角度关注语音能力。美国著名教育学家罗伯特·加涅 (R. Gagne) 《学习的条件和学习论》中指出：“学习是可以持久保持且不能归因于生长过程的人的倾向或能力的变化” [R. Gagne 1999, 3页]。语言获得从根本上说是培养学习者的语言能力，语音获得同样语音能力的发展和提高。由此可见，有效的提高学习者的语音能力，纠正已存在的错误，找出其他问题语言和语音教学中尤为重要。

本文针对母语卫乌兹别克语的汉语学习者的汉语语音的发音问题。

第一部分 汉语语音体系及特点

汉语语音体系不仅包含汉语拼音，也包含有规律性很强的音节结构。汉语语音特点是音节结构简单、音节界限分明，声调是音节的重要组成部分，因为汉语中一个音节分为声母、韵母和声调的三个部分，其中声母指的是音节开头的辅音，韵母指的是音节中声母后面的成分，声调指的是整个音节调值的高低升降，因此它具有辨义作用。如bā (八)、bá (拔)、bǎ (把)、bà (爸)，还有多音词shíjiān (时间)、shìjiàn (事件)，都是根据声调的不同来区别意义的。

一、汉语中的元音与辅音

元音一般从舌位的前后，舌位的高低，是否圆唇三个维度来进行分类。把三个维度综合起来可以

制成一个元音四边图，舌面元音都能在这四边图上找到合适的位置 (图1)。此图显示了普通话的7个舌面元音，但无法显示舌尖元音。舌面元音分别是a[A]、o[O]、e[ɤ]、ê[ɛ]、i[i]、u[u]、ü [y]，舌尖元音包括i[ɿ]、i[ʅ]、er[ə~]，其中舌尖元音也可以从舌尖位置的前后、高低和是否圆唇来加以区分。因此，普通话的10个元音音位，无论舌面元音还是舌尖元音都可以用这样的三个维度来表征。

普通话中包含22个辅音音位，其主要根据发音方法和发音部位来进行分类的。所谓的发音方法包含阻碍的状况、声带振动与除阻的时间关系、气流的强弱三方面的内容。所谓的发音部位是指对气流形成阻碍的那个“某处”，从发音部位的情况来看，普通的辅音分为7组。

从声道中阻碍的状况来看，普通话的辅音分为5类：塞音：b、p、d、t、g、k；擦音：f、s、sh、r、x、h；塞擦音：z、c、s、zh、ch、j、x；鼻音：m、n、ng；边音：l。

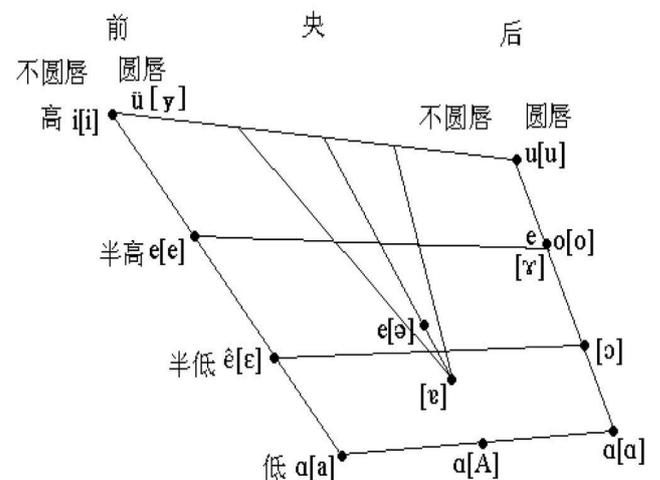

Рис.1
图1 汉语舌面元音四边图

二、汉语中的音节

在汉语里，除了极个别例外情形，每个方块汉字都是一个音节，不过并不是有多少汉字就有多少音节，因为有很多同音字。普通话音节有三个部分构成：声母、韵母和声调，共有1300多个不同音节，其中单念的音节有1268个。汉语的音节是固定的，因为汉语音节单独发音时有一定的声调，假如声调改变了，音节就失去意义了，由该音节组成的词义也会相应改变。比如：普通话的mǎima两个音，若念成mǎimá，指的“买麻”——付钱去买麻，若念成màimá，指的是“卖麻”——拿麻去卖钱，结果买进与卖出的意义刚好相反，但是它们不是音素有差别而只是声调不同罢了。普通话的声调跟元音、辅音同样具有区别字义的作用，向来为语言学者所重视，因此对它的研究较深入，成果较多。

三、声调与变调

汉语语音系统最显著的特征是声调的音位，声调是外国留学生学习汉语语音的最大难点。教学普通话的平升曲降四种调值并不难，但是调类的训练就难多了，因为外国留学生学汉语完全没有字调归类的语感，要通过声调来区分字是十分困难的，通常是结合一个个单音词的学习来记住字调，这只能是一个漫长的过程。

普通话共有四种声调：音高分为五级，从最低的1到最高的5。每种声调都有固定的调值。其中一声阴平高平调，调值55；二声阳平中升调，调值35；三声上声降升调，调值214；四声去声全降

调，调值51。

普通话中的音节不是单独存在的，音节的读出，声调相互影响，或多或少会发生变化，不能保持原来的调值，这是一种自然音变现象，叫做变调，对语言的表达没有影响。普通话的变调主要分为五种情况：上声，即三声变调；“一”、“不”变调；轻声变调；儿化音变调；“啊”等助词变调。

“一、七、八、不”这四个字单念时，“一、七、八”都念阴平声，“不”念去声，用在语句中，就要由后面的一个音节的声调而定，变化比较复杂。

上声的变调：普通话上声在阴平（T1）、阳平（T2）、上声（T3）、去声（T4）前都会产生变调，读上声原调的机率很少，只有在单念或处在词语、句子的末尾才有可能读原调[4]。在其它情况下，一般要作变调处理，具体分为：

（一）T3+非T3

1. T3+T1（211+55）饼干、反思、本身、手抄、启发。
 2. T3+T2（211+35）可能、本人、请求、抵达、点头。
 3. T3+T4（211+51）古怪、反抗、马上、警惕、整个。
 4. T3+轻声（211+轻声）。姥姥、耳朵、暖和、宝宝、喇叭。
- T3+T3（35+214）考古、母语、打扫、古典、总统。

三个上声相连的变调：如果在词语的后面没有其它音节和语气词，在开头和中间的上声音节有两种变调。但是本研究针对的是双音节词，所以此处例第二章乌汉两语语音系统描写及对比子省略。

除了以上所陈述的变调现象，也有一些不复杂的变调现象，它们是普通话双音节的阴平、阳平和去声的变调现象。

（二）阴平的变调

阴平的变调规律是阴平音节在非阳平前绝对不变，但当两个阴平相连时，前一个音节变44，第二个音节不变。比如：孤单、期间、公开、倾听、观光。

（三）阳平的变调

阳平的变调规律是两个阳平相连，前一音节不变，但是两个阳平相连时第一个变34而第二个保持35，比如：情节、长城、和谐、哲学、结合。

（四）去声的变调

去声的变调规律是去声音节在非去声音节前不变，但是两个去声相连时第一个音节变53，第二个音节保持51，比如：大概、动态、热烈、特色、照耀。

第二部分 乌兹别克斯坦学生的汉语发音的语音实验和语音实验结果

一、汉语语音实验

汉语语音实验主要包括声母、韵母、声调等方面。本文用的汉语语料文本是声调组合类型的，双音节声调组合覆盖 16 种声调基本搭配，如T1+T1、

T1+T2.....T4+T4，也包含四声与轻声 4 种搭配，如 T1+T5 等，共计 20 种声调组合，这个文本重点关注声调组合的全面性，兼顾汉语语音系统的所有声韵母。

在实验室分别对20个天津大学乌兹别克斯坦留学生进行录音。笔者用AUDACITY电脑版软件进行录音，声道选择单声道，采样精度为16位，采样率选择11, 025Hz，实验完成后，要进行对所收集的语料录音，处理录音时笔者用Mini Speech Lab声学处理软件进行声调格局、辅音格局分析，声调格局实验分析需要取每个声调的五度值（T值）。

二、阴平组合（T1+T1\T2\T3\T4\轻声）的语音实验结果

阴平声高而平，起点和终点都为5度，所以简称为55度，阴平的变调：在非阳平前阴平音节并非绝对不变，两个阴平相连前一个音节变44，第二个音节不变，保持55。

乌兹别克斯坦学生的声调不够正确，因为每个学生的音高强度不同，所以他们的阴平不一定会在五度。笔者在Excel表里求乌兹别克斯坦学生所念的阴平组合的平均值来和标准声调规律对比。乌兹别克斯坦学生的阴平调数据（表2-1）

表2-1阴平组平均调值

Табл. 2-1

T1+T1	T1+T2	T1+T3	T1+T4	+轻声
32+33	32+23	42+113	32+32	32+32

三、阳平组合 (T2+T1\T2\T3\T4\轻声) 的语音实验结果

阳平也叫中升调，起点和终点的平均度为3 度到 5 度，简称为 35 度 普通话阳平的变调现象：阳平比非阳平的，前一音节不变；两个阳平相连时第一个变 34，第二个保持35。乌兹别克斯坦学生的阳平调数据（表2-2）

表2-2阳平组平均调值

Табл. 2-2

T2+T1	T2+T2	T2+T3	T2+T4	+轻声
32+33	32+23	32+223	42+33	32+32

三、上声组合 (T3+T1\T2\T3\T4\轻声) 的语音实验结果

普通话上声变调规律：（214+55/35/51）当上声处于阴平、阳平去或声前时，念成211，（214+214）当上声处于另一个上声音前的时候，念成35。乌兹别克斯坦学生的上声调数据（表2-3）：

表2-3上声组平均调值

Табл. 2-3

T3+T1	T3+T2	T3+T3	T3+T4	+轻声
322+33	322+23	32+223	321+32	211+22

五、去声组合 (T4+T1\T2\T3\T4\轻声) 的语音实验结果

去声也叫全降调它的调值为51度，因为起点1度和

终点 5 度 普通话去声音节在非去声音节前不变，两个去声相连，前音变53后音 保持 51。乌兹别克斯坦学生的去声调数据（表2-4）

表2-4去声组平均调值

Табл. 2-4

T4+T1	T4+T2	T4+T3	T4+T4	+轻声
32+33	32+23	42+213	32+32	32+22

六、小结论

本文对20名乌兹别克斯坦留学生朗读的200个双音节词进行声调分析。按照以上的声调分析和偏误，后音节阴阳上去四声平均音高的高点不会比前音的高，低点反而比前音节的降低的。后音节的调值和标准规律调值接近，所以比较完整的。根据四声表（表2-1、2-2、2-3和2-4）可以看到乌兹别克斯坦学生的每一声调组合前音大部分的调值是32度，很少下降到1度（上声T3+T4/轻声和去声T4+T3下降到1度）似乎没有上升到5度的组合。

乌兹别克语具有词重音，它的词重音一律落在词的最后一个音节上，这种固定重音造成了乌兹别克语词调的前轻后“重”的固定形式，并因此而产生词与词之间的语音间隔感觉。汉语中没有词重音，但根据词素所表达的意义，可具有轻声，现代汉语以双音词为词语的多数形态，而双音词的大多数又有第二个词素词义弱化的倾向。这种表现在语音上即是轻声或轻读，因为汉语词虽没有词重音，所以在发声时有前重后“轻”的感觉。本研究的调查对象（发音者）不管已经学过一年多

(大部分学生)的汉语对声调还没熟悉和熟练。所以在教学过程中对乌兹别克斯坦学生的声调偏误要格外注意。

提高声调的教学的关键之处在于通过对教学方法和教学手段的改进。要清楚汉语的声调是什么,准确的把控每个声调的控制区,大多外国人对汉语声调深层面方面的了解并不是很透彻,只通过模仿进行声调的学习,但是模仿不能达到深层次学习的目的,它不是完全掌握声调的手段。为了掌握声调学生首先要理解汉语声调的调号、调域、调型和声调的相对音高,因此声调教学关键的两点是认识声调和控制声带,注重声调教学的顺序,掌握声调第一步应该是认识声调的调号,控制声带和音高,对此老师应该用可以训练声调的教材并展示给学生有关声带和音高的图片,用一些声学软件展示最好不过。

第三部分 针对乌兹别克斯坦汉语语音教学策略

一、汉语语音教学

众所周知,汉语语音教学教不仅只是理论知识,更是要求学习者通过声韵调的反复学习形成语言技能,其难度不言而喻。语音教学是汉语教学中关键作用——“起头儿”。教师教授语音知识要讲究一定的策略和方法。尤其是教授外国学生的时候要用可操作性的教学策略。

对于乌兹别克斯坦学生来说,汉语语音很难学,很多学生在发音时会遇到语音问题。但是通过采取一些有效的教学方法可以在很大程度上帮助学生纠正一些偏误。汉语语音教学中心主体是声母、韵母和

声调教学,因此本文提出以下相关对策。本文主要讲的是就教学内容的策略及采用的方法,例如:由易到难;声韵结合(单音节、双音节跟读法);音义结合(四声定调法);听说结合(模仿法:先听后说);对比教学;反复操练法等。

二、声母教学对策

声母教学也设计分解教学步骤:声母的发音(如:bo, po, mo, fo, de, te, ne, le, ge, ke, he, ji, qi, xi, zhi, shi, ri, zi, ci, si);声母辨正(如:z, c, s; zh, ch, sh; j, q, x);零声母(如:ai, yi, wu, yu)。此外需要用发音易错的声母模仿(跟老师或录音读)和反复操练法,才能掌握正确的发音方法或纠正发音偏误。

三、韵母教学对策

为了让学生发音标准,老师要讲每个韵母的细节及展示。此外,加强鼻韵母对比练习也可以助于有效的纠正发音不准的现象。比如:亲生——轻生、金质——精致、人民——人名.....绕口令练习,比如:学习就怕满、懒、难,心里有了满、懒、难,不看不钻就不前。心里去掉满、懒、难,边学边干,蚂蚁也能爬泰山.....这种练习方法不但能让学生改善发音偏误,而且能丰富他们的词汇量(对比)和口才(绕口令、句子、歌曲等)。

四、声调教学对策

汉语声调对于留学生来说是非常难以掌握的,因此汉语声调教学的有效教学可以进一步促进汉语国际教育的发展。

按照乌兹别克斯坦留学生的语音实验结果（声调）它们的音高不够高，四声的调值都在32度左右，很少下降到1度（上声T3+T4/轻声和去声T4+T3下降到1度）似乎没有上升到5度的组合。所以乌兹别克斯坦学生教学声调要格外的主要和策略教学内容。在教授单个字声调时可以采用四声定调法（如：妈、麻、马、骂，八、拔、把、爸），手势教学法（如：教阳平时，用手在空中平平滑行；教去声时，往下笔直滑行）和模仿法（跟老师读）。除此以外，声调教学不仅仅只要教单字的声调，还要帮助学生纠正语流中的声调。因此连调教学是必要的，教授学生通过连调的练习掌握它的发音模式。连调教学时必须重视声调变调问题，并仔细的设计教学内容。声调本来就是外国学生学汉语的难点，变调现象更会雪上加霜。留学生连调掌握方法可以采用反复跟读课文，手机录音对比和分解教学步骤法（如：四声——读单节——读双音节——读句——读篇）。

结语

汉语声调对于留学生来说是非常难以掌握的，因此汉语声调教学的有效教学可以进一步促进汉语国际教育的发展。

汉语语音教学要讲究一定的策略和方法。尤其是教外国学生的时候要用可操作性的教学策略。本文主要讲的是就教学内容的策略及采用的方法，例如：由易到难；声韵结合（单音节、双音节跟读法）；音义结合（四声定调法）；听说结合（模仿法：先听后说）；对比教学；反复操练法

等。这些方法都可以采用在声韵母和声调教学中。声母教学最有效和可行性的教学对策：设计分解教学步骤：声母的发音；声母辩正；零声母。此外需要用发音易错的声母模仿（跟老师或录音读）和反复操练法。韵母教学对策：可以用对比法，模仿和反复操练法。用声调教学对策：采用四声定调法，手势教学法，和模仿法（跟老师读）。才能掌握正确的发音方法或纠正发音偏误。

Литература

1. 毛世桢. 对外汉语语音教学. 上海: 华东师范大学出版社, 2008: 52-67.
2. 鲍怀翘. 实验语言学概要. 北京: 北京大学出版社, 2014.9第2版: 215.
3. 林茂灿. 汉语语调实验研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2012.7第1版: 9.
4. 陈捷. 普通话水平测试与训练. 重庆: 重庆出版社, 2008.12: 2.
5. 范燕生, 周海兵. 新编普通话水平测试指南. 北京: 首都师范大学出版社, 2013.12: 52.
6. 中公教育普通话水平测试研究中心. 普通话水平测试专用教材[M]. 北京: 世界图书出版公司北京公司, 2015.1: 59
7. 仇鑫奕. 外国人汉语发音训练. 北京: 高等教育出版社, 2009: 55-66.

References

1. Mao Shizhen. Phonetics teaching of Chinese as a foreign language. Shanghai: East China Normal University Press, 2008: 52-67.
2. Bao huaiqiao. Summary of experimental linguistics. Beijing: Peking University Press, 2014. 9 2nd edition: 215.
3. Lin maocan. Experimental study on Chinese intonation. Beijing: China Social Science Press, 2012. 7 1st Edition: 9.
4. Chen Jie. Putonghua level test and training. Chongqing: Chongqing publishing house, 2008. 12: 2.
5. Fan Yansheng, Zhou haibing. New guide to Putonghua proficiency test. Beijing: Capital Normal University Press, 2013. 12: 52.
6. Putonghua proficiency test Research Center for Chinese-public education. Special teaching materials for Putonghua level test [M]. Beijing: World Book Publishing Company Beijing company, 2015. 1: 59
7. Qiu Xinyi. Chinese pronunciation training for foreigners. Beijing: Higher Education Press, 2009: 55-66.

Информация об авторе

Рахматуллаева Дилшада Маратовна

Ташкентский государственный университет востоковедения

rahmatullayeva-dilshoda@mail.ru

Information about Author

Dilshada M. Rakhmatullaeva

Tashkent State University of Oriental Studies

rahmatullayeva-dilshoda@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Специфика перевода воинских званий**Народно-освободительной Армии Китая и Вооруженных Сил
Российской Федерации на современном этапе****The peculiarities of rendition of military ranks of the People's
Republic of China and those of the Armed Forces of the Russian
Federation at the current***Ишутина Юлия Александровна¹,**Брижатый Олег Евгеньевич²**Дальневосточный федеральный университет, Восточный Институт — Школа региональных
и международных исследований, доцент кафедры китаеведения, г. Владивосток¹**Дальневосточный федеральный университет, Восточный Институт — Школа региональных
и международных исследований, студент, г. Владивосток²**ishutina.yua@dvfu.ru**DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-14-21***АННОТАЦИЯ**

Процессы межкультурной коммуникации, заметно активизировавшиеся в последние десятилетия между Российской Федерацией и Китайской Народной республикой в различных сферах сотрудничества, ставят новые задачи перед высшими учебными заведениями, осуществляющими профессиональную подготовку кадров для лингвистического обеспечения военной деятельности. Современный этап взаимодействия между стратегическими партнерами в Восточной Азии характеризуется не только значительным обновлением военно-технической базы, проведением совместных военных учений, но и существенными изменениями в терминосистеме воинских званий и наименований. При работе с рабочей парой языков таких, как русский и китайский уместно проследить функционирование соответствующего термина в английском языке, и при

ABSTRACT

The processes of intercultural communication, which have noticeably intensified in recent decades between the Russian Federation and the People's Republic of China in various areas of cooperation, pose new challenges for higher educational institutions that provide professional training for linguistic support of military activities. The current stage of interaction between strategic partners in East Asia is characterized not only by a significant update of the military-technical base, by the holding of joint military exercises, but also by significant changes in the terminology of military ranks and names. When working with a working pair of languages such as Russian and Chinese, it is appropriate to trace the functioning of the corresponding term in English, and, if possible, with another Eastern language. Given the fact that the military terminology system of the modern Chinese

возможности с другим восточным. Учитывая тот факт, что военная терминосистема современного китайского языка динамична в своем развитии, требуется уделять самое пристальное внимание к точности перевода и соблюдению соответствий в целях выполнения высококачественного перевода заявленной сферы переводческой деятельности.

Ключевые слова: современный китайский язык, военная терминосистема, перевод и переводоведение.

Для цитирования: Ишутина Ю.А., Брижатый О.Е. *Специфика перевода воинских званий Народно-освободительной армии Китая и Вооруженных сил Российской Федерации на современном этапе.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 14-21

Стабильно развивающееся российско-китайское сотрудничество в области военного взаимодействия в регионе Восточной Азии требует подготовки квалифицированных кадров, в компетенцию которых входит решение поставленных переводческих задач любой сложности. Специалист, осуществляющий лингвистическое обеспечение военной деятельности, должен обладать профессиональной языковой базой и хорошо ориентироваться в специфике экстралингвистических факторов, оказывающих заметное влияние на достоверность и качество перевода. Исследование посвящено вопросу поиска соответствий военных терминов из области военного перевода в рабочей паре языков (русский и китайский соответственно).

Актуальность заявленной темы обусловлена масштабными переменами, связанными с эпохальными решениями Госсовета КНР и Цен-

language is dynamic in its development, it is required to pay the utmost attention to the accuracy of translation and compliance with the correspondence in order to perform a high-quality translation of the stated field of translation activity.

Keywords: modern Chinese, military terminology, translation and translation studies.

For citation: Ishutina Yu.A., Brizhatyi O.Ye. *The peculiarities of rendition of military ranks of the People's Republic of China and those of the Armed Forces of the Russian Federation at the current.* Modern oriental studies. 2021; 3(1). 14-21

трального военного совета КНР и нашедшими отражение в языковой и научно-языковой картине мира китайского языка. Так, в ходе реализации поставленных высшим партийным и военным руководством КНР задач, в феврале 2016 г. было произведено реформирование семи военных округов КНР в пять зон военного командования с одновременным переименованием последних [11]. Новизна научно-исследовательской работы заключается в установлении соответствия перевода терминов воинских званий в свете недавних изменений в структуре военных наименований в китайском языке. Учитывая тот факт, что в современном вьетнамском языке наблюдается достаточно высокий процент заимствований из китайского в области военного перевода, статья может быть полезной для переводчиков, работающих с вьетнамским и русским языком соответственно. Объектом исследования

является процесс двустороннего перевода военной терминологии. Предметом — наименования воинских званий и их эквиваленты в русском и китайском языках. Цель данной работы — обеспечить адекватный перевод воинских званий НОАК и ВС РФ. Для достижения заявленной цели поставлены следующие задачи: выявить структурное несоответствие в системе военных званий НОАК и ВС РФ, представить точный вариант перевода военных званий. Гипотеза исследования заключается в том, что военные специалисты РФ и КНР применяют различный подход к номинации военных терминов, в некоторых случаях экстраполируя семантическое значение отдельных лексических единиц обоих языков на иные, изначально не включающие подобные семантические поля.

Одним из распространенных китайских военных терминов, вызывающих определенную сложность, является 军士长 jūnshì zhǎng, обозначающий несколько неофицерских званий в вооруженных силах КНР и использующийся для перевода на китайский язык аналогичных званий в армиях других стран. Толкование данного термина отсутствует в современном русско-китайском словаре и учебнике практического курса военного перевода, а электронный словарь БКРС предлагает следующие дефиниции: "старшина", "фельдфебель", "боцман" [12]. Из вышеуказанных вариантов перевода подходящем (для всех видов вооруженных сил КНР, кроме ВМС) является только "старшина", так как слова "фельдфебель" и "боцман" имеют значения неофицерского звания, но на данный момент считаются устаревшим.

Необходимо отметить, что в системе воинских званий КНР отсутствует отдельное звание 军士长 jūn shì zhǎng, вместо него используются несколько похожих, как-то 四级军士长 sì jí jūn shì zhǎng, 三级军士长 sān jí jūn shì zhǎng, 二级军士长 èr jí jūn shì zhǎng, 一级军士长 yī jí jūn shì zhǎng. С нашей точки зрения их необходимо переводить как «старшина 4-го, 3-го, 2-го и 1-го разряда» соответственно. При передаче этих званий на русский язык уместно использовать именно лексему «разряд», нежели «статья», так последнее используется в российской системе воинских званий для наименования военноморских званий (например, «старшина 2 статьи», «старшина 1 статьи»), что может вызвать путаницу в названиях видов войск для неспециалистов. При переводе лексемы «старшина» на китайский язык необходимо помнить о том, что в российской военной терминологии "старшина" означает не только звание, но и должность (например, «старшина роты»). В китайском языке для обозначения этих понятий используются 军士长 jūn shì zhǎng (для звания) и 士官长 shì guān zhǎng (для обозначения должности) [5].

В китайском языке, как и в русском, слово "солдаты" обозначает не только низшее воинское звание. При обращении к фразеологизмам мы обнаруживаем закрепленные формы выражения. Например, в высказывании «不想当将军的士兵不是好士兵» Bù xiǎng dāng jiāng jūn dí shì bīng bù shì hǎo shì bīng «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», мы склонны перевести лексическую единицу 士兵

shì bīng как «солдат», в качестве общего понятия служащих начального звена. Осуществляя адекватный перевод соответствующего военного термина мы обращаемся к лексике, закрепленной в воинских уставах относительно указанной категории военнослужащих «солдаты и матросы». В нее включены солдаты 列兵liè bīng и ефрейторы 上等兵shàng děng bīng, а также матросы 水兵shuǐ bīng и старшие матросы 上等水shàng děng shuǐ bīng. Синонимом к слову 士兵shì bīng в этом значении может выступать 义务兵yì wù bīng. Второй вариант перевода "солдаты и сержанты" является отчасти верным, хотя и требует приема расширения. В данном случае становится полезной отсылка к тексту Устава для военнослужащих рядового, сержантского и старшинского состава, принятого в 2010 году Госсоветом КНР и Центральным военным Советом КНР [6]. Согласно этому документу в НОАК появились вышеупомянутые звания старшин. Значит, более точным переводом термина 士兵shì bīng следует считать «солдаты, сержанты, старшины», хотя уже устоявшийся перевод "солдаты и сержанты" также допустим. Кроме того, при переводе российской системы воинских званий на китайский язык, мы считаем возможным объединить понятия «прапорщик» («мичман») 准尉zhǔn wèi и «старший прапорщик» («старший мичман») 上准尉shàng zhǔn wèi вместе с другими неофицерскими званиями в единый термин 士兵shì bīng. Однако следует учесть, что в процессе коммуникации возможна постановка задачи выделения этой категории военнослужащих, так как при отсутствии в НОАК аналогич-

ной категории военнослужащих, сержанты и старшины китайской армии могут выполнять схожие должностные функции.

В целях уточнения правильности перевода категорий неофицерских званий НОАК предлагаем использовать схему соответствий: 义务兵(士兵) = 列兵(水兵) + 上等兵(上水兵); 士官(军士) (унтер-офицеры, американские NCO) = 下士+ 中士+ 上士+ 四、三、二、一级军士长; 士兵= 义务兵+ 士官. Поиск переводческих соответствий требует тщательного анализа систем наименований офицерских воинских званий и вменяемых служебных обязанностей в НОАК и ВС РФ. При значительном количестве общих наименований (например, «младший лейтенант», «майор», «подполковник»), обнаруживаются специфические, такие как 大尉dà wèi «капитан», 大将dà jiàng «генерал армии» для ВС РФ, и 大校dà xiào «старший полковник» для НОАК. Кроме того, китайские офицеры, при меньшем количестве званий (11 в НОАК и 12 в ВС РФ) [1;4] могут руководить более крупными воинскими формированиями, чем их российские коллеги. Так, согласно «Уставу для военнослужащих офицерского состава, генерал-майор НОАК» может выполнять функции командира дивизии, заместителя командующего армией, командующего армией, заместителем командующего зоны боевого командования (в российской терминологии «командующий ОСК») [5], а генерал-майор ВС РФ может занимать должности командира дивизии, заместителя командующего армией и командующего армией [8].

Определенную сложность вызывает перевод высшего воинского звания в системе НОАК термина 上将shàng jiàng. В открытых источниках на русском языке нами были обнаружены несколько вариантов перевода — "генерал-полковник" [3;9] и "генерал" [13]. Тем не менее, при обращении в Военный университет Министерства обороны РФ за уточнением адекватного перевода термина нами было получена рекомендация переводить указанный термин на русский язык как «генерал-полковник». Остается вопрос, по какой причине возникло два варианта перевода одного и того же термина. Очевидно, что ввиду малого числа русскоязычных материалов на тему современных воинских званий НОАК отечественным исследователям приходится обращаться к англоязычным источникам, где термин 上将shàng jiàng иногда переводится как "General, то есть "генерал". При этом упускается то, что в западной литературе системы воинских званий переводят в зависимости от того, с какой другой системой их сравнивают. То есть, если исследуются соответствия между китайскими и советскими/ российскими званиями, 上将shàng jiàng передается на английский как "Colonel General" — генерал-полковник. Если же сопоставляются звания, принятые в США или в Великобритании то оно переводится как «General».

Следующим термином, для которого пока не выработан единый вариант перевода является 五大战区wǔ dà zhàn qū, который в разных источниках может передаваться на русский язык как "зоны боевого командования" [7] или "зоны военного командования". Такой вариант перевода дан в альбоме схем "Организация, во-

оружение и тактика частей и подразделений армий США, ФРГ и Китая", подготовленным факультетом военного обучения при ДВФУ [2]. Как и в случае с термином 上将shàng jiàng мы обратились за комментариями в Министерство Обороны РФ. В ответном письме сообщалось, что в военном ведомстве данный термин принято переводить как "пять зон объединённого командования". Мы предлагаем придерживаться именно этого официального варианта перевода, чтобы совершенствовать военную терминосистему русского языка.

Другим термином, для которого мы не обнаружили кодифицированного перевода, является 甲类/乙类部队jiǎ lèi/yǐ lèi bù duì, дословно — "часть класса А/ класса Б". Согласно данным, найденными нами в открытых источниках на китайском языке, в системе НОАК «частями класса А» называют воинские формирования, где укомплектованность личным составом близка к 100%, на вооружении находятся лучшие образцы военной техники, а само подразделение немедленно готово к выполнению боевой задачи. «Части класса Б» представляют собой воинские формирования, где укомплектованность личным составом составляет 70-85% от штата, на вооружении стоят стандартные или устаревшие образцы военной техники, а подразделению требуется время пополнения резервистами и их обучения [10]. В советской и российской системах войсковой готовности «частям класса А» соответствуют «части постоянной боевой готовности» (развернутые/полного состава/ I эшелона/ "Category A" по классификации НАТО). Под «частями класса Б» подразумеваются «части сокращенного состава» (55%-85% процентов от штатной численности), также

называемые «частями сокращенного состава», что соответствует «II эшелону», «Category B» (по классификации НАТО). Так как вышеуказанные российские и китайские термины одинаковы в плане содержания, при переводе на китайский язык мы предлагаем пользоваться классификацией принятой в ВС РФ.

При двустороннем переводе названий воинских званий в паре рабочих языков следует обратиться к соответствующей литературе, так как знание экстралингвистической информации позволяет избежать неточности в переводе и сделать перлокутивный акт успешным. Например, ознакомившись с пунктом 17 «Устава для военнослужащих рядового, сержантского и старшинского состава НОАК» содержится указание добавлять к званиям военнослужащих ВМС и ВВС определения «*海军*» *hǎi jūn* (Военно-морские силы) и «*空军*» *kōng jūn* (Воздушно-военные силы) соответственно. Аналогичное указание содержится и в «Уставе для военнослужащих офицерского состава НОАК». Данные требования объясняются тем, что в китайской военной терминологии звания сухопутных войск, ВВС и ВМС иероглифически не отличаются (кроме званий "матрос", "рядовой", "старший матрос", "ефрейтор"). Соответственно, возникает необходимость применить прием расширения и отразить в переводе точные звания служащих в этих видах вооруженных сил. Кроме того, следует иметь в виду, что в КНР воинские звания и специальные (звания в структуре Министерства общественной безопасности) отличаются, в отличие от аналогичной структуры РФ, где в полиции используются практически те же звания, что и в армии, одна-

ко к ним еще добавляется слово "полиции".

Обеспечение лингвистической деятельности в современных условиях требует от переводчика постоянного расширения профессионального кругозора, аналитического подхода к работе с доступными источниками информации на иностранных языках, владение терминологией в паре рабочих языков и сопоставление с терминосистемой в английском языке. Применение приемов перевода на практике должно дополняться использованием достаточного объема экстралингвистической информации, так как адекватность перевода может иметь принципиальное значение для осуществления задач стратегического военного партнерства или ведения дипломатического протокола. Обращение к поиску соответствий в воинских званиях носит своевременный характер и требует тщательной работы по устранению ряда лагун, касающихся перевода категорий 初级士官 *chūjí shìguān* «сержанты первичного звена», 中级士官 *zhōngjí shìguān* «сержанты среднего звена», 高级士官 *gāojí shìguān* — «сержанты высшего звена», еще не нашедшего адекватного перевода в российской военной учебной литературе.

Литература

1. Анкин А.В., Хрипунов И.Г. Учебник практического курса перевода (военного перевода). Китайский язык. — Новосибирск, 2009. 584 с.
2. Буянов В.В. Организация, вооружение и тактика армий США, ФРГ, Китая: пособие для студентов военных кафедр. Владивосток: ДВФУ, 2017. 60 с.
3. Современный китайско-русский словарь /

- под ред. Фань Минсянь. — Пекин: Иностранные языки, 2002. 1104 с.
4. Хабаров А.А. Практический курс военного перевода китайского языка: учебник. Ч. 1—М.: Восточная книга, 2014. 253 с.
 5. 中国人民解放军军官军衔条例. 中国法制出版社, 2010. Чжунго жэньминь цзефан цзюнь гуань сянь тяоле. Положение о воинских званиях военнослужащих офицерского состава НОАК.- Пекин: Чжунго чжифа, 2010.
 6. 中国人民解放军现役士兵服役条例. 中国法制出版社, 2010. Чжунго жэньминь цзефан цзюнь цзюнь сянь и ши бин у и тяоле. Устав для военнослужащих сержантского и старшинского состава НОАК. — Пекин: Чжунго чжифа, 2010.
 7. КНР: от военных округов к зонам боевого командования//Центр военно-политических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/37072> (дата обращения: 06.10.2020).
 8. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации в редакции 2018 г. PDF [Электронный ресурс]. URL: <https://priceguard.ru/offer/labirint-630961> (дата обращения: 12.07.2020).
 9. Си Цзиньпин присвоил звание генерала десяти офицерам Армии Китая /REGNUM. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2678115.html> (дата обращения: 06.10.2020).
 10. 甲类乙类部队什么意思_百度知道. Цзя лэй и лэй бу дуй шэнь мэ ис ы. Бай ду чжи дао. Значения терминов «Части класса А,Б». Поисковик Бай ду. [Электронный ресурс]. URL: https://zhidao.baidu.com/question/1860305153650393507.html?qbl=relate_question_0 (дата обращения: 06.10.2020).
 11. 解放军改革七大军区为何要调整为五大战区. Цзе фан цзюнь гай мин ци да цюй вэй хэ яо тяо чжэн вэй у да чжань цюй. О причинах необходимости реформирования семи военных округов в пять зон объединенного командования. [Электронный ресурс]. URL: http://m.haiwainet.cn/middle/3541083/2016/0201/content_29609057_1.html
 12. 军士长. Цзюнь ши чжан. Дефиниция звания «старшина» [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=军士长> (дата обращения 06.10.2020)
 13. 上将 Шан цзян. Дефиниция звания «генерал-полковник» [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=上将> (дата обращения 06.10.2020)

References

1. Ankin A.V., Khripunov I.G. Uchebnik prakticheskogo kursa perevoda (voyennogo perevoda). Kitayskiy yazyk. — Novosibirsk, 2009. 584 s.
2. Buyanov V.V. Organizatsiya, vooruzheniye i taktika armiy SSHA, FRG, Kitaya: posobiye dlya studentov voyennykh kafedr. Vladivostok: DVFU, 2017. 60 s.
3. Sovremennyy kitaysko-russkiy slovar' / pod red. Fan' Minsyan'. — Pekin: Inostrannyye yazyki, 2002. 1104 s.
4. Khabarov A.A. Prakticheskiy kurs voyennogo perevoda kitayskogo yazyka: uchebnik. CH. 1—M.: Vostochnaya kniga, 2014. 253 s.
5. 中国人民解放军军官军衔条例. 中国法制出版社, 2010. Zhōng guó rén mín jiě fàng jūn jūn guān jūn xián tiáo lì. zhōng guó fǎ zhì chū bǎn, 2010. Zhonguo zhen'min' tszefan tszyun' tszyun' guan' syan' tyaole. Polozheniye o voinskikh zvaniyakh voyennosluzhashchikh ofiterskogo sostava NOAK.- Pekin, 2010.
6. 中国人民解放军现役士兵服役条例. 中国法制

- 出版社, 2010. Zhonguo zhen'min' tszefan tszyun' tszyun' syan' i shi bin u i tyaole. Ustav dlya voyennosluzhashchikh serzhantskogo i starshinskogo sostava NOAK. - Pekin: Chzhungo chzhifa, 2010.
7. KNR: ot voyennykh okrugov k zonom boyevogo komandovaniya//Tsentr voyenno-politicheskikh issledovaniy [Elektronnyy resurs]. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/37072> (data obrashcheniya: 06.10.2020).
8. Obshchevoinskiye ustavy Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii v redaktsii 2018 g. PDF [Elektronnyy resurs]. URL: <https://priceguard.ru/offer/labirint-630961> (data obrashcheniya: 12.07.2020).
9. Si TSzin'pin prisvoil zvaniye generala desyati ofitseram Armii Kitaya /REGNUM. [Elektronnyyresurs].URL:<https://regnum.ru/news/2678115.html> (data obrashcheniya: 06.10.2020).
10. 甲类乙类部队什么意思_百度知道. TSzya ley i ley bu duy shen' me is y. Bay du chzhi dao. Znacheniya terminov «Chasti klassa A,B». Poiskovik Bay du. [Elektronnyyresurs].URL:<https://zhidao.baidu.com/question/1860305153650393507.htm>
11. 解放军改革七大军区为何要调整为五大战区.TSze fan tszyun' gay min tsi da tsyuy vey khe yao tyao chzhen vey u da chzhan' tsyuy. O prichinakh neobkhodimosti pereformirovaniya semi voyennykh okrugov v pyat' zon ob'yedinennogo komandovaniya. [Elektronnyy resurs].
12. 军士长. Szyun' shi chzhan. Definitiya zvaniya «starshina» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=jūn shì zhǎng> (data obrashcheniya 06.10.2020)
13. 上将. Shan tszyan. Definitiya zvaniya «general-polkovnik» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=shàng jiāng> (data obrashcheniya 06.10.2020)

Информация об авторах

Доцент **Ишутина Юлия Александровна**

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный Институт

Школа региональных и международных исследований

Владивосток

ishutina.yua@dvfu.ru

Студент **Брижатый Олег Евгеньевич**

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный Институт

Школа региональных и международных исследований

Владивосток

Information about Author

Associate Professor **Yulia A. Ishutina**

Far-Eastern Federal University

ishutina.yua@dvfu.ru

Student **Oleg E. Brizhatyi**

Far-Eastern Federal University

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Сравнение китайских и английских речевых связок в устных повествованиях

A comparison between Chinese and English linkages in oral narratives

Dongtao Yu

College of Foreign Languages, Hunan Institute of Science and Technology

973660776@qq.com

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-22-36

АННОТАЦИЯ

В статье представлены современные подходы к определению понятия и изучению слов-связок в английском и китайском языках, а также проведён сравнительный анализ использования слов-связок в устной речи на английском и китайском языках. Выявлены наиболее часто встречающиеся в обоих языках слова-связки, определены речевые ситуации, в которых употребляются эти слова. Материал статьи может быть полезен исследователям, изучающим китайский и английский языки, лингвистам и литературоведам.

Ключевые слова и фразы: устная речь, повествование, китайский язык, английский язык, речевые связки.

Для цитирования: Dongtao Yu. *Сравнение китайских и английских связок в устных повествованиях. Современные востоковедческие исследования.* 2021; 3(1). 22-36

ABSTRACT

The article presents modern approaches to the definition of the concept and the study of linkages in English and Chinese, as well as a comparative analysis of the use of linkages in oral speech in English and Chinese. The most frequently occurring linkages in both languages are identified, and the speech situations in which these words are used are determined. The material of the article may be useful for researchers studying Chinese and English, linguists and literary critics.

Keywords: oral speech, narrative, Chinese, English, linkages

For citation: Dongtao Yu. *A comparison between Chinese and English linkages in oral narratives.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(1). 22-36

INTRODUCTION

Labov and Waletzky defined narrative as “one verbal technique for recapitulating past experience, in particular a technique of constructing narrative units which match the temporal sequence of that experience” (1967: 13). According to Fina and Georgakopoulou (2012:4), for narratologists, a story (narrative) has to comprise a series of related events, and chronological ordering is the main criterion to distinguish stories from other texts. While in his *Dictionary of Narratology*, Prince proposed instead that such a link was not only chronological, but also causal. Most of the classical narratologists (Prince 1973; Genette 1980; Bal 1985; Chatman 1990; Prince 2003) held a similar viewpoint and defined narrative as a series of temporally and causally ordered events.

In a narrative a series of related events are represented by a series of related clauses. The connection between clauses can be realized implicitly or explicitly, i.e. without linkages or with linkages. In a narrative task, the narrator has to connect or organize events in a logic sequence by introducing and maintaining reference to the entities and persons involved in the events in a way that is coherent for the interlocutor (Carroll and Natale 2010), and by using proper linkages or “structural means” (Natale 2013) in a coherent text.

Linkages in narratives have been studied by researchers in language acquisition, discourse analysis and syntax. Natale (2013) compared the use of linkage in narratives between monolingual speakers of French and Italian, as well as early and late French-Italian bilinguals, and investigated in how far Italian-French bilinguals acquire the patterns of monolingual speakers of Italian. Arssen et

al. (2001) studied the development of linkage in narratives by comparing Turkish in four different settings, in Australia, France, the Netherlands and Turkey, to shed light on the question whether language contact influences the process of first language acquisition. Li (2009) compared the use of linkages in story-telling by Chinese native speakers and learners of Chinese as a foreign language from the perspective of discourse markers analysis to reveal the implication of the integration of the functions and meanings of discourse markers into L2 instruction. Nir and Berman (2010) studied the complex syntax in the sense of text-embedded clause-combining with 64 narrative texts written by graduate-level university students, native speakers of four different languages (English, French, Hebrew, and Spanish), examined the nature of syntactic architecture in monologic narratives, and compared how speaker-writer of different languages deploy syntactic packaging in the context of extended discourse. Scholars studied the function of 然后 *ránhòu* (then; and then) as a discourse marker and linkage in oral Mandarin Chinese. Wang and Zhou (2005) presented the traditional use of 然后 *ránhòu* (then; and then) in ancient Chinese and then studied its functional extension in modern Chinese by making a questionnaire investigation and corpus analysis. Xu (2009) identified three discourse function of 然后 *ránhòu* (then; and then) according to its prosodic features and position in the flow of discourse based on 8.22 hours of naturally occurring spoken Chinese data. Ma (2010) took 然后 *ránhòu* (then; and then) and 但是 *dànshì* (but) as examples to study the relations between discourse markers and pet phrases, showing that pet phrases are the realization of discourse

markers, the further grammaticalization of the discourse markers driven by rhetoric intention.

The above mentioned studies on linkages are made from different angles, and they either made a comparison between languages from the perspective of language development, language learning or language contact, or they focus on some specific linkages in a certain language. However, a comparison between linkages in different languages should be based on a comprehensive linguistic analysis, and in turn a comprehensive linguistic analysis of linkages should be based on the study of specific language items. Furthermore, narrative possesses certain universal properties at the same time as presenting cultural specificity (Fina 2012).

In the present study we will examine the use of linkages in oral narratives by English and Chinese native speakers comprehensively and prove the universal properties and cultural specificity of narrative based on 20 Chinese and 20 English texts of Pear Stories, transcripts of narratives of 20 Chinese speakers and 20 English speakers after watching a short simple film made by a team led by Professor Wallace Chafe, a specialist in Native American languages.

CATEGORY OF LINKAGES IN ENGLISH AND CHINESE ORAL NARRATIVES

English is a synthetic language and Chinese an analytic one, and there are both similarities and differences in terms of category of linkages used in oral narratives in these two languages.

Conjunctions. Conjunctions are used as linkages in both English and Chinese. For example in the 20 English texts we have cited the following conjunctions, *and, but, when, as, while, after, before,*

because, so, even though, or, where, that, if, so that, etc.; and in the 20 Chinese texts we have cited the following conjunctions, 然后 *ránhòu* (then; and then), 那么 *nàme* (then), 结果 *jiéguǒ* (consequently), 因为 *yīnwéi* (because), 所以 *suǒyǐ* (so), 可是 *kěshì* (but), 不过 *búguò* (but), 于是 *yúshì* (thus), 而且 *érqiě* (and that), 并且 *bìngqiě* (in addition), 虽然 *suīrán* (although), 如果 *rúguǒ* (if), etc.. The majority of the linkages used in the texts are conjunctions, which is inconsistent with the characteristic of a narrative. But conjunctions of English and conjunctions of Chinese are still different in their positions and functions in a clause.

Adverbs. Adverbs are usually optional elements to the structure of a clause in both English and Chinese. The major function of an adverb is to modify a verb, a verb phrase, an adjective, another adverb, or a clause. But not all adverbs can serve as linkages in a narrative. In the English texts one such adverb is cited: then. And in the Chinese texts two such adverbs are cited: 后来 *hòulái* (then), and 首先 *shǒuxiān* (firstly). Quirk et al (1985:440) summarized four grammatical functions of adverbs: adjuncts, subjuncts, disjuncts, and conjuncts, and the last one refers to the expression of “the speaker’s assessment of the relation between two linguistic units”. Then is an example of adverbs serving the function of conjuncts. Similar to adverbs like then in English, 后来 *hòulái* (then), and 首先 *shǒuxiān* (firstly) are used to show the relation between linguistic units, i.e. clauses or even greater units like texts, and they provide a temporal or sequential background for the following clause or text. According to the classification of adverbs made by Li

and Thompson, “movable adverbs” are those which “may occur either before or after the topic or subject of a sentence” and “provide a semantic frame within which the event described by the sentence occurs” (Li and Thompson 1991: 320). 后来 *hòulái* (then), and 首先 *shǒuxiān* (firstly) are examples of this type.

Relative pronouns/adverbs. Relative clauses are common in English and they appear after the linguistic unit they modify and are usually linked by relative pronouns or relative adverbs with the main clause, serving as modifiers. In the 20 English oral narratives 123 cases of relative pronouns/adverbs are cited. In Chinese a clause can also be used as a modifier, but it is only embedded in the main clause before the linguistic unit that it modifies, without any special formal linkage. In 20 Chinese texts two such examples are cited: one is used by narrator 10, the other by narrator 12.

(1) 所以他把**他已经摘好的**满满的一篓.....一篓芭乐拿走了。

Suóyǐ tā bǎ tā yǐjīng zhāihǎo de mǎnmǎn de yìlǒu ...yìlǒu bālè nǎzǒu le.

So he takes away that full basket ... **that basket of guavas that he has already picked.**

(2) 我觉得它音响效果很好呀。他上那个楼梯的声音都很清楚。

Wǒ juéde tā yīnxiǎng xiànguǒ hénhǎo ya. Tā shàng nàgè lóutī de shēngyīn dōu hěn qīngchǔ.

I think its sound effect is really good. The sound (that is made when) **he is climbing the ladder** is very clear.

In example (1) there are two modifiers be-

fore the noun phrase 一篓芭乐 *yìlǒu bālè* (a basket of guavas): one is a clause, 他已经摘好 *tā yǐjīng zhāihǎo* (he has already picked), the other is a reduplicated adjective, 满 *mǎn* (full). Both of them show that they are modifiers of the noun phrase by just using a structural particle 的 *de*. It is the same with the clause-modifier 他上那个楼梯 *Tā shàng nàgè lóutī* (he climbs that ladder) in example (2).

Locatives: The locative is a special word category in Chinese, which refers to location originally. But they can also be used to refer to time through metaphor. For example, in the present research there are two locatives which are used as linkages in the 20 Chinese texts: 以后 *yǐhòu* (later; after), and 之后 *zhīhòu* (later; after). Fundamentally both of them mean a physical position or location of something or somebody, i.e. being behind or after another thing or person. But now they are mainly used to show “the time after...” and serve as a linkage, providing a temporal background for a consecutive event or act. Following are two examples taken from Text 5.

(3) 他走过去以后，从那边过来一个小孩子，uh...骑...骑...骑一辆脚踏车。

Tā zǒu guòqù yǐhòu, cóng nàbiān guòlái yíge xiǎo háizi, uh...qí...qí...qí yí liàng jiǎotàchē.

After he goes over, a boy comes over there, uh...riding...riding...riding a bike.

(4) 那个在树上摘...摘水果的那个老先生下来之后，莫名其妙的。

Nàgè zài shùshàng zhāi... zhāi shuǐguǒ de nàgè lǎo xiānshēng xiàlái zhīhòu, mò míng-qí miào de.

After that old man who is picking...picking fruit comes down, (he) appears baffled.

Obviously, 以后 *yǐhòu* (later; after) and 之后 *zhīhòu* (later; after) in the above examples link two clauses and provide a temporal background for the event or act narrated in the second clause.

Phrases. Phrases in both English and Chinese can be used as linkages between neighboring clauses in oral narratives, providing information of time, cause, sequence, etc. for the following clause. But the phrasal linkages in English and Chinese belong to different categories. In the 20 English texts two prepositional phrases are cited: *by that time*, and *about the time*; while in Chinese two noun phrases: ..的时候 *...de shíhòu* (when; the time when), and 这/那(个)时候 *zhè/nà (gè) shíhòu* (at this/that moment), and four verb phrases: 过了不久 *guò le bùjiǔ* (soon; after a while), 过了一下 *guò le yíxià* (soon; after a while), (一)开始 *(yì) kāishǐ* (at the (very) beginning), and 接下来 *jiē xiàláí* (then; next), are cited. It is interesting to note that though the phrasal linkages in these two languages belong to different categories they are all related to temporal sequences.

POSITION OF LINKAGES IN ENGLISH AND CHINESE ORAL NARRATIVES

In the present research we have found that the position of the linkages of the English oral narratives is fixed, that is, all English linkages appear in the initial position of a clause: the initial position of a coordinate clause or a subordinate clause. So, linkages in English oral narratives can be classified into inter-clausal linkages and intra-clausal linkages.

Inter-clausal linkages are those which can link two or more clauses which are “constituents at the same level of constituent structure” (Quirk et al 1985: 918). And they are used between two or more independent clauses to link them together. Typical inter-clausal linkages in English include coordinators like *and*, *but* and *or*, and conjunct adverbs like *then*, *so*, *yet* and *however*. Preposition-phrasal linkages like *by that time*, *about the time*, and *for some reason* are also inter-clausal linkages.

Intra-clausal linkages are those which can introduce a subordinate clause to a superordinate clause (Quirk et al 1985: 918), that is, they demonstrate the clausal relation within a complex sentence. Typical intra-clausal linkages in English include subordinators like *after*, *before*, *as*, *when*, *where*, *though/although*, *because*, *since*, etc., and relative pronouns and adverbs like *which*, *that*, *who*, *whom*, *where*, *when*, etc.

Contrary to the English linkages, the Chinese linkages can take a flexible position in a clause, namely clause-initial, -middle, and -final positions. Some linkages can only take the the clause-final position, for example, ...的时候 *...de shíhòu* (when), 以后 *yǐhòu* (later; after), 之后 *zhīhòu* (later; after), etc., as shown in examples (3), (4), and (22). And other linkages can be positioned either in the clause-initial position or after the topic/subject. In Text 15 the narrator uses the linkage 这/那(个)时候 *zhè/nà (gè)shíhòu* ((at) this/that moment) 10 times. Some are in the clause-initial position, and some are in the clause-middle position. For example,

(5) 这时候, 这个骑车的小孩子呢, 呀, 就把.....呀, 就.....呀, 很感谢他把帽子拿回来。

Zhè shíhòu, zhègè qíchē de xiǎoháizi ne, ya, jiù bǎ...ya, jiù ...ya, hěn gǎnxiè tā bǎ màozi ná huílái.

At this moment, the child riding a bike, oh, then ... oh, thanks him for bringing the hat back.

(6) 这个农人呢，这个时候也下来了。

Zhègè nóng rén ne, zhègè shíhòu yě xiàláí.

The farmer climbs down at the moment.

So linkages in Chinese oral narratives can be classified into two groups: linkages in clause-final position and linkages in non-clause-final position. Among the linkages cited in the 20 Chinese oral narratives only two clause-final linkages: ...的时候 ...de

shíhòu (when) and 以/之后 yǐ/zhīhòu (after), and the majority are non-clause-final linkages.

FUNCTION OF LINKAGES IN ENGLISH AND CHINESE ORAL NARRATIVES

Narrative is basically defined as a series of temporally and causally ordered events. So in order to put the events in a logical order in a narrative, the linkages are used to show the temporal or causal orders.

In 20 English texts 1239 cases of linkages have been counted. Table 1 shows the top five most frequently used linkages in these 20 texts, which is about 79.9% of all the linkages used.

Text	And ¹	and then	that (functional)	so	which/ that (attributive)
1	60	16		5	1
2	47	9	6	5	
3	15	4	2	4	3
4	22	4	2	4	4
5	26	7	2	5	
6	32	4	4	1	2
7	33	3	10	2	8
8	20	4	1		
9	34	2	6	5	2
10	46	7	19	9	10
11	41	10	6	4	4
12	29	3	5	7	7
13	31	12	5	5	5
14	38	7		2	3
15	42	2	11	1	3
16	4		7		1
17	46	6	5	5	10
18	22	2	6	3	1
19	28	2	2	1	3
20	22	5	2	4	3
Total	638	109	101	72	70

Таблица 1. Пять наиболее часто используемых связок в 20 английских текстах

Table 1. Five most frequently used linkages in 20 English texts

¹ And that is used to link words or phrases are excluded here.

According to Table 1, *and* tops the five most frequently used linkages, and it takes about 56.06% of all the linkages counted in the 20 texts. Quirk et al (1985: 930) stated that “(a)*nd* is the coordinator which has the most general meaning and use. The only restriction on the use of *and* as coordinator is the pragmatic one that the clauses should have sufficient in common to justify their combination”, which can be proved by our findings in the present study. Quirk et al (1985: 930-932) summarized eight different uses of *and* as a coordinator. In the following part we will illustrate the functions of *and* in oral narratives with examples taken from Text 1, which has the highest frequency of *and* among the 20 texts, based on the summary of Quirk et al.

(7) **And as a consecutive linkage.** *And* is used to link two clauses of consecutive events or scenes. For example,

(8) **And** there’s a ladder coming out ..o of the tree, **and** there’s a man at the top of the ladder, ...

(9) **And** you watch him pluck a few pears, **and** he’d drop them into his thing, ...

And they help him get his bike up, **and** one kid takes the rock that he tripped on **and** he throws it off to the side of the road, **and** they set him upright, ...

And as a resultive linkage. *And* is used to link two clauses, and the second one is the consequence or result of the first. Just as Quirk et al (1985: 930) said that “[t]he second clause is a CONSEQUENCE or RESULT of the first; ie, the first conjoin presents the circumstance (frequently the circumstantial background) enabling the event described in the second conjoin to take place”. For example,

(10) ... one of the pears drops down to the floor, **and** he picks it up, ...

(11) ... the guy walks by. **And** you watch the goat, disappearing all the way, ...

(12) ... you see him riding off **and** the next scene you see him, like at a at a distance, a pan shot.

(13) And then ..they walk ..the three boys walk down the road and they see ..the kid’s hat. **And** so one of them whistles. **And** the kid on the bike turns around, and then he brings his hat to him, **and** the guy on the bike gives the other kid ..gives the kid that returns his hat ..three pears to share with his buddies.

And as a linkage showing hesitation. In a task of oral narration, it is common to find a narrator hesitating in thinking about what to say next or in searching proper words or expressions to express what the narrator intends to say. Usually the narrator will use a prolonged *and* to buy some time. For example,

(14) **A--nd** u--h and then he gets down out of the tree, ...

(15) **A--nd** u--m then he climbs back up the ladder, ...

(16) **A--nd..** U--m the bicycle’s way too big for the kid.

And as an additive linkage. *And* links two clauses, and the second one just adds some extra information to the first one. For example,

(17) U--m the movie was in color. **And** the movie had sound track.

(18) ... and that’s the end of the movie. **And** there’s no ..no language ..used, ..throughout the whole thing.

And as a contrast linkage. *And* is used to link two clauses, and the second clause shows a contrast against the first one. For example,

(19) And the goat's aaarr but ..**and** they don't talk to each other, they don't ..I don't think they even look at each other, and ..the guy ..walks by.

The uses of the 60 *ands* in Text 1 can be summarized with the following pie chart.

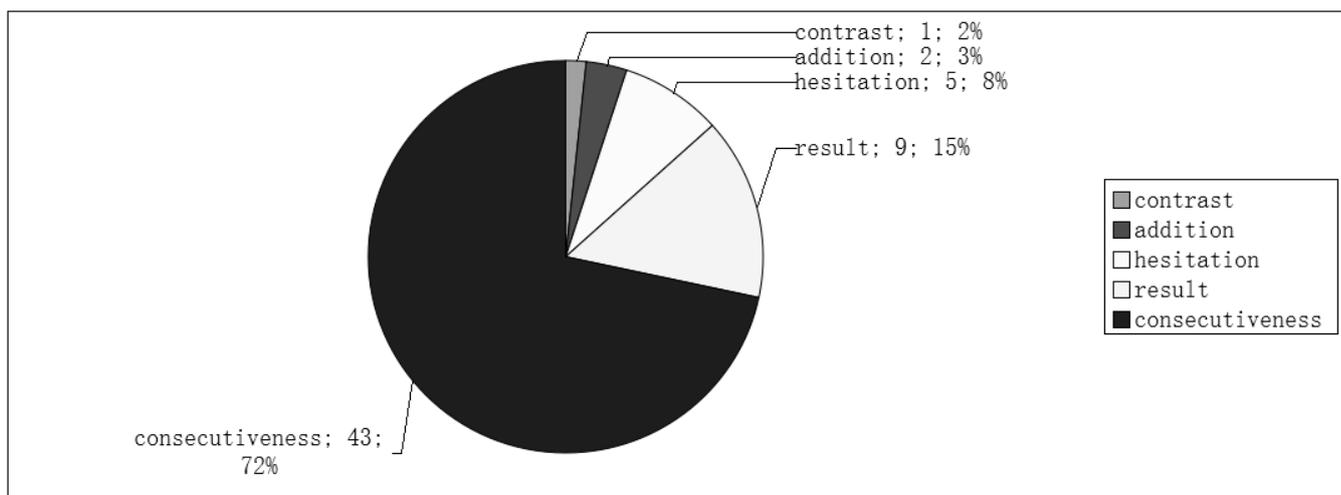

Chart 1. The percentage of the uses of *and* in Text 1

Диаграмма 1. Процентное соотношение использований *and* в тексте 1

In these 60 *ands* 43 are used as consecutive linkages, taking about 72% of the total; nine are used as consequent linkages, taking about 15%; five are used as linkages showing hesitation, taking about 8%; 2 are used as additive linkages, taking about 3%; and one is used as a contrast linkage, taking about 2%.

And as a consecutive linkage obviously shows the temporal order of the events or scenes in an oral narrative. And actually the uses as resultive linkages also demonstrate the temporal order of the clauses, as Qurik et al (1985: 930) stated “[t]his entails that the order of the clauses also reflects chronological sequence”. As a result 51 out of 60 uses of *and* in Text 1, i.e. 86.7% of the total uses, are actually showing the temporal order of the events or scenes in the oral narrative.

Furthermore, the second frequently used linkage in the 20 English oral narratives is *and then*, which is an overt demonstration of the temporal relation between the two clauses linked. Taking this into consideration about 66.9% of the top five linkages in 20 English oral narratives reveals the temporal sequence of the events or scenes.

In the present research we find a similar situation of the uses of linkages in Chinese oral narratives. In 20 Chinese oral narratives 436 cases of linkages have been cited. The following table shows the top five most frequently used linkages in these 20 Chinese texts, which is about 69% of all the linkages used.

Text	然后 <i>ránhòu</i> (then)	...的时候 <i>...de shíhòu</i> (when)	结果 <i>jieguǒ</i> (as a result)	这/那(个)时候 <i>zhè/nà (gè)shíhòu</i> ((at) this/that moment)	所以 <i>suóyǐ</i> (so)
1	6	3	8		
2	4	6		1	
3	1	1			4
4	4	3	3	2	1
5	12	3		9	9
6	17	4	5		1
7	9	3	6	3	
8	5	3	5	2	
9	10				
10	12	1		2	6
11	5	2		2	
12	1	1	2	1	
13	9	4			
14		4			1
15	12	2	3	10	3
16	9	2			
17	8	2			1
18	4				
19	7	4	8	1	4
20	8	1	1	2	3
Total	143	49	41	35	33

Таблица 2. Пять наиболее часто используемых связок в 20 китайских текстах

Table 2. Five most frequently used linkages in 20 Chinese texts

Among the top five linkages in 20 Chinese oral narratives, 然后 *ránhòu*, ...的时候 *...de shíhòu* and 这/那(个)时候 *zhè/nà (gè)shíhòu* are basically expressions of time, i.e., about 75.4% of the linkages are used to show the temporal sequence of events or scenes.

The core meaning of 然后 *ránhòu* is “then”, “what happens next”, and it fundamentally shows the temporal sequence of events or actions. For example, in Text 6 the narrator describes how the

three boys found a hat on the ground and returned it to the boy riding a bike by using several 然后 *ránhòu*.

(20) 三个小孩继续走下去就看到那个男孩.....刚刚跌倒那个男孩的帽子在地上。然后, 就把帽子捡起来。然后, 就吹了一声口哨。他就回头一看, 他回.....他就回头。然后, 那捡到帽子的男孩就把帽子交给他。

Sāngè xiǎohái jìxù zǒu xiàqù jiù kàndào nàgè nánhái gānggāng diēdǎo nàgè nánhái de màozǐ zài dìshàng. Ránhòu, jiù bǎ màozǐ jiǎn qǐlái. Ránhòu, jiù chuīle yì shēng kǒushào. Tā jiù huítóu yí kàn, tā huí tā jiù huítóu yí kàn. Ránhòu, nà jiǎndào màozǐ de nánhái jiù bǎ màozǐ

jiāogěi tā.

The three boys go on with their way and see that boy ... the hat of the boy who just fell off on the ground. **Then**, (one of the boys) picks up the hat. **Then**, (he) whistles. He turns round. He turns ... he turns round. **Then**, the boy picking up the hat gives him the hat.

Just like *and*, 然后 *ránhòu* is also multi-functional. Li (2009) proposed that 然后 *ránhòu* “can function as a verbal filler and hesitation device, providing the narrator with linguistic planning time”; Xu (2009) held that 然后 *ránhòu* can be used as a topic-starter. We can take the opening part of Text 6 as the example.

(21) 一开始第一个画面就是，有绿色，好像有山啊，树。然后还有绿色的道路。怎么讲？颜色满鲜艳的。然后就是 看到一个人在摘芭乐。嗯，然后 在树上摘芭乐。摘完以后就把 嗯，从树上 他那个 有个梯子搭在树上。

Yì kāishǐ dìyīgè huàmiàn jiùshì, yǒu lǜsè, hǎoxiàng yǒu shān a, shù. Ránhòu hái yǒu lǜsè de dàolù. Zěnmē jiǎng? Yánsè mǎn xiānyàn de. Ránhòu jiùshì ... kàndào yí gè rén zài zhāi bālè. En, ránhòu ... zài shùshàng zhāi bālè. Zhāiwán yǐhòu jiù bǎ ... en, cóng shùshàng ... tā nàgè ... yǒu gè tīzi dāzài shùshàng.

In the first picture at the beginning, all is green, and as if there are mountains, trees. **Then** there is a green road. How to say it? It is bright in color. **Then** there is ... (you can) see a man picking guava. Um, **then** ... picking guava in a tree. After picking (he) then ... um, from the tree ... there is a ladder in the tree.

In Example (21) the narrator firstly introduces the first picture shown in the movie. After that she wants to describe something else, i.e., to start a new topic, so she uses the first 然后 *ránhòu* to change the topic. But she later finds it is hard to go on with this topic and says “怎么讲? How to say it?”. Then she starts another topic - the man picking guava - by using the second 然后 *ránhòu*. But later she cannot find proper words or expressions to go on with her narration, so she employs the third 然后 *ránhòu*, a verbal filler and hesitation device, with a pause after it to buy some time to think about what to say next. From this example we can also see whether 然后 *ránhòu* functions as a topic-starter or a hesitation device, it is still based on its core meaning and shows a temporal order.

...的时候 ...*de shíhòu* and 这/那(个)时候 *zhè/nà (gè)shíhòu* are basically synonymous. Both of them indicate that two or more events happen almost at the same time and provide a background for what is presented in the following clause or section of the same clause. But ...的时候 ...*de shíhòu* is usually attached to the end of a clause; 这/那(个)时候 *zhè/nà (gè)shíhòu* appears at the beginning of a clause, and usually there is a pause after it. The following example shows us the features of these two linkages clearly. In describing how the

boy riding a bike meets a girl and falls off the bike the narrator of Text 15 uses both ...的时候 ...de shíhòu and 这/那(个)时候 zhè/nà (gè)shíhòu.

(22) 在一个路 呀, 田野 路中的时候呢, 碰到了一个女孩子。嗯, 这个时候呢, 这个小孩子大概有一点呢, 呀看到前面 呀, 就是那个 刚 刚好这时候, 风吹到了。噢, 把他 帽子吹走了。呀, 所以呀, 这个时候, 这个小孩子又看了那个女孩子, 看了一眼。没有注意到路中有一个石头。他把 这车子又开过去啦。然后, 碰到那个石头, 车子就掉 呀, 摔下来了。这时候, 整个水果全部散得满地都是。

Zài yíge lù ... ya, tiányě ... lùzhōng de shíhòu ne, pèngdào le yíge nǚháizi. En, zhègè shíhòu ne, zhègè xiǎoháizi dàgài yǒu yídiǎn ne, ya kàndào qiánmiàn ... ya, jiùshì nàgè ... gāng ... gānghǎo zhè shíhòu, fēng chuīdào le. O, bǎ tā ... màozi chuīzǒu le. Ya, suóyǐ ya, zhègè shíhòu, zhègè xiǎoháizi yòu kàn le nàgè nǚháizi, kàn le yì yǎn. Méiyǒu zhùyìdào lùzhōng yǒu yíge shítou. Tā bǎ ... zhè chēzi yòu kāi guòqù la. Ránhòu, pèngdào nàgè shítou, chēzi jiù

diào ... ya, shuāi xiàlái le. Zhè shíhòu, zhènggè shuǐguǒ quánbù sǎndé mǎndì dōushi.

When (he is riding) on a road ... oh, a road ... (in a) field, (he) meets a girl. Um, **at this moment**, this boy has a kind of ... oh (he) looks ahead ... oh, just at that ... just **at this moment**, a wind blows. O, he ... his hat is blown away. Oh, so, **at this moment**, this boy looks at that girl again, looks at her again. (He) doesn't notice there's a stone in the road. He goes on ... riding his bike. And then, (his bike) hits that stone, his bike falls ... oh, he falls off. **At this moment**, all the fruits are scattered everywhere.

The above comparison between the five most frequently used linkages in 20 English and Chinese texts reveals that both English and Chinese narratives tend to employ a similar device, i.e. temporal linkages, in connecting events or scenes together. This can also be supported by the following two tables summarizing the linkages used in 20 English and 20 Chinese texts respectively. Altogether 1239 linkages have been cited in the 20 English texts and 436 linkages have been cited in the 20 Chinese texts.

temporal	consequent	attributive	functional	adversative	causal	others
652	168	123	111	61	18	106
52.6%	13.6%	9.9%	9%	4.9%	1.5%	8.6%

Таблица 3. Классификация и процентное соотношение использований связок в 20 английских текстах

Table 3. Classification and percentage of the linkages used in 20 English texts²

²In this table the 638 *ands* cited in 20 texts are divided mainly into temporal, consequent and others (including *and* used to show hesitation, addition and contrast) according to the percentage of Chart 1. Besides, under the title "others" some other minor linkages are included, like concessive (*even though*), selective (*or*), locative (*where*), conditional (*if*), etc.

temporal	consequent	adversative	causal	progressive	others
278	76	49	22	5	6
68.1%	17.4%	6.9%	5%	1%	1%

Таблица 4. Классификация и процентное соотношение использований связок в 20 китайских текстах
Table 4 Classification and percentage of the linkages used in 20 Chinese texts

The two tables show that in both English and Chinese oral narratives the most frequently used linkages are temporal ones, taking more than half of the linkages used, which is in consistent with the most important feature of a narrative. The second important feature of narratives is the causal order of events. In these two tables we can find that the second most frequently used linkages are consequent ones, taking 13.6% and 17.4% of the total in English and Chinese respectively. If we take the causal linkages into consideration the percentage of the linkages showing the causal order is 15.1% in English and 22.4% in Chinese.

In the rest of the linkages used in English, 9.9% is attributive linkages, such as *which*, *that*, *where*, *who*, etc., and 9% is functional linkages. In this research the functional linkage cited is mainly *that* used to introduce object or predicative clauses in traditional sense. Because of the syntactic difference between English and Chinese these linkages are not found in Chinese narratives.

CONCLUSION

The backbone of a narrative resides in the narrative clauses (Labov and Waletzky 1967), i.e. clauses temporally or causally linked with each other. The comparison between the top five linkages in 20 English and 20 Chinese oral narratives on the same topic shows that about 66.9% of the link-

ages in English and about 75.4% of the linkages in Chinese reveal the temporal sequence of the events or scenes. In the further semantic function analysis of all the 1239 linkages cited in the 20 English texts and 436 linkages cited in the 20 Chinese texts reveals a similar result, more than 50% of the linkages used is temporal. The second frequently used linkages are causal ones, taking 15.1% in English and 22.4% in Chinese. The comparative study between the linkages in English and Chinese proves this linguistic universality of narratives well.

On the other hand, English and Chinese are very different languages, so surely there are differences between them. The majority of the linkages in both English and Chinese is conjunction, but there are conjunctions only found in English but not in Chinese, for example, the functional linkage *that*, which is used to introduce object or predicative clauses in traditional sense. Besides, there are categories of linkages which can only be found in one language but not in the other. To make a clause complex and more informative a clause can be used to modify a noun, or another clause both in English and Chinese, but the modifying clause is linked to the main clause in different ways. In English usually a formal linkage, i.e. a relative pronoun/adverb is used, while in Chinese no formal linkage is required. In Chinese locatives can be used as linkages to link the neighboring clauses

and to show the temporal relation between them. In English the category which is closest to Chinese locative is preposition, though the two examples cited in the 20 Chinese texts 以后 *yǐhòu* (later; after), and 之后 *zhīhòu* (later; after) are generally post-positioned. Furthermore, the position of narrative linkages in a clause also reflects the syntactic difference between English and Chinese. The word order of English is more rigid or fixed compared with that of Chinese. The narrative linkages in English are generally appear in the clause-initial position, no matter it is an inter-linkage, linking two or more independent clauses, or intra-clausal linkage, introducing a subordinate clause to a superordinate clause. While narrative linkages in Chinese can take a much freer position. In analyzing the relationship of the clauses in a Chinese text Li and Thompson (1981: 631-656) held that there are essentially two kinds of sentence linking in Chinese, forward linking and backward linking, based on the dependency between the neighboring clauses, which can be realized by forward-linking elements in clause-final position, adverbial forward-linking elements which may be movable or non-movable elements that can be positioned after the topic/subject or in clause-initial position, perfective aspect, adverbial back-linking elements in clause-initial position, and nonmovable adverbs. As analyzed in the present study narrative linkages in Chinese may take a clause-initial, clause-middle, or clause-final position, and they can be classified into linkages in clause-final position and linkages in non-clause-final position.

The aims of the present research are to reveal the similarities and differences between English and Chinese linkages in oral narratives and to

prove the universal properties and cultural specificity of narrative. The data used in the study can provide sufficient evidence to fulfill the first task, but as to the second task the data should be expanded to include more languages samples, so relevant studies are needed to further the present research.

Литература

1. Aarssen, Jeroen, Mehmet-Ali Akinci, and Kutlay Yağmur. 2001. "Development of clause linkage in narratives: a comparison of Turkish children in Australia, France, the Netherlands and Turkey." In Margareta Almgren, et al.(eds.) *Research on Child Language Acquisition: Proceedings of the 8th Conference of the International Association for the Study of Child Language*, 41-56. Somerville: Cascadilla Press.
2. Bal, M. 1985. *Narratology: Introduction to the theory of narrative*. Toronto: University of Toronto Press.
3. Carroll, Mary and Silvia Natale. 2010. "Macrostructural perspective taking and reference management in narratives in German, Italian and L1 German - L2 Italian." In Marina Chini(ed.) *Topic, structura dell'informazione e acquisizione linguistica*, 197-217. Milano: Franco Angeli.
4. Chatman, S. 1990. *Coming to terms: The rhetoric of narrative in fiction and film*. Ithaca: Cornell University Press.
5. Fina, Anna D. and Alexandra Georgakopoulou. 2012. *Analyzing Narrative: Discourse and Sociolinguistic Perspectives*. New York: Cambridge University Press.
6. Genette, G. 1980. *Narrative discourse*. J. E. Lewin (trans.) Ithaca: Cornell University Press.
7. Labov, W. And J. Waletzky. 1967. *Narrative analysis: oral versions of personal experi-*

- ence. In J. Helm (ed.) *Essays on the verbal and visual arts*, 63-83. Seattle/London: University of Washington Press.
8. Li, Charles N. And Sandra A. Thompson. 1989. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
 9. Li, Xiaoshi. 2009. Do they tell stories Differently?: discourse marker use by Chinese native speakers and nonnative speakers. *Intercultural Communication Studies* 18(2): 150-170.
 10. Ma, Guoyan. 2010. Discourse markers and pet phrases: taking “ranhou” and “danshi” as examples. *Language Teaching and Research* 4: 69-76. (马国彦. 话语标记与口头禅——以“然后”和“但是”为例[J]. 语言教学与研究, 2010(4): 69-76.)
 11. Natale, Silvia. 2013. Linkage in narratives: A comparison between monolingual speakers of French and Italian, and early and late French-Italian bilinguals. *IRAL* 51: 151-169.
 12. Nir, Bracha and Ruth A. Berman. 2010. Complex syntax as a window on contrastive rhetoric. *Journal of Pragmatics* 42(3): 744-765.
 13. Prince, G. 1973. *A grammar of stories*. The Hague: Mouton.
 14. Prince, G. 2003. *A dictionary of narratology*. Lincoln: University of Nebraska Press.
 15. Quirk, Randolph et. Al. 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London and New York: Longman.
 16. Wang, Wei and Zhou Weihong. 2005. On extension of the word “ranhou” in modern spoken Chinese and its mechanism. *Chinese Language Learning* 4: 31- 39. (王伟, 周卫红. “然后”一词在现代汉语口语中使用范围的扩大及其机制[J]. 汉语学习, 2005(4): 31-39.)
 17. Xu, Jiajin. 2009. The discourse marker “ranhou” and its functions in spoken Chinese. *Foreign Language Research* 2: 9-15. (许家金. 汉语自然会话中“然后”的话语功能分析[J]. 外语研究, 2009(2): 9-15.)
- ### References
1. Aarssen, Jeroen, Mehmet-Ali Akinci, and Kutlay Yağmur. 2001. “Development of clause linkage in narratives: a comparison of Turkish children in Australia, France, the Netherlands and Turkey.” In Margareta Almgren, et al.(eds.) *Research on Child Language Acquisition: Prodedings of the 8th Conference of the International Association for the Study of Child Language*, 41-56. Somerville: Cascadilla Press.
 2. Bal, M. 1985. *Narratology: Introduction to the theory of narrative*. Toronto: University of Toronto Press.
 3. Carroll, Mary and Silvia Natale. 2010. “Macrostructural perspective taking and reference management in narratives in German, Italian and L1 German - L2 Italian.” In Marina Chini(ed.) *Topic, structura dell’informazione e acquisizione linguistica*, 197-217. Milano: Franco Angeli.
 4. Chatman, S. 1990. *Coming to terms: The rhetoric of narrative in fiction and film*. Ithaca: Cornell University Press.
 5. Fina, Anna D. and Alexandra Georgakopoulou. 2012. *Analyzing Narrative: Discourse and Sociolinguistic Perspectives*. New York: Cambridge University Press.
 6. Genette, G. 1980. *Narrative discourse*. J. E. Lewin (trans.) Ithaca: Cornell University Press.
 7. Labov, W. And J. Waletzky. 1967. *Narrative analysis: oral versions of personal experience*. In J. Helm (ed.) *Essays on the verbal and visual arts*, 63-83. Seattle/London: University of Washington Press.
 8. Li, Charles N. And Sandra A. Thompson.

1989. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
9. Li, Xiaoshi. 2009. Do they tell stories Differently?: discourse marker use by Chinese native speakers and nonnative speakers. *Intercultural Communication Studies* 18(2): 150-170.
 10. Ma, Guoyan. 2010. Discourse markers and pet phrases: taking “ranhou” and “danshi” as examples. *Language Teaching and Research* 4: 69-76. (马国彦. 话语标记与口头禅——以“然后”和“但是”为例[J]. 语言教学与研究, 2010(4): 69-76.)
 11. Natale, Silvia. 2013. Linkage in narratives: A comparison between monolingual speakers of French and Italian, and early and late French-Italian bilinguals. *IRAL* 51: 151-169.
 12. Nir, Bracha and Ruth A. Berman. 2010. Complex syntax as a window on contrastive rhetoric. *Journal of Pragmatics* 42(3): 744-765.
 13. Prince, G. 1973. *A grammar of stories*. The Hague: Mouton.
 14. Prince, G. 2003. *A dictionary of narratology*. Lincoln: University of Nebraska Press.
 15. Quirk, Randolph et. Al. 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London and New York: Longman.
 16. Wang, Wei and Zhou Weihong. 2005. On extension of the word “ranhou” in modern spoken Chinese and its mechanism. *Chinese Language Learning* 4: 31- 39. (王伟, 周卫红. “然后”一词在现代汉语口语中使用范围的扩大及其机制[J]. 汉语学习, 2005(4): 31-39.)
 17. Xu, Jiajin. 2009. The discourse marker “ranhou” and its functions in spoken Chinese. *Foreign Language Research* 2: 9-15. (许家金. 汉语自然会话中“然后”的话语功能分析[J]. 外语研究, 2009(2): 9-15.)

Информация об авторе

Dongtao Yu

Хунаньский институт науки и технологий
973660776@qq.com

Information about the Author

Dongtao Yu

College of Foreign Languages, Hunan Institute of Science and Technology.
973660776@qq.com

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Основные ошибки англоговорящих
при изучении китайского языка и их причины

The main mistakes of English speakers
in learning Chinese and their causes

Кадырова Лейсан Ильдусовна

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

leisan-china@mail.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-37-43

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена типичным ошибкам англоговорящих студентов, которые изучают китайский язык, а также основным причинам их появления. Разработка данной тематики носит прикладной характер и крайне полезно для всех сторон образовательного процесса. анализируя ошибки англоговорящих студентов, изучающих китайский язык, мы можем с другого ракурса посмотреть на китайский и лучше понять, почему в свою очередь русскоговорящие говорят неправильно. Материалы данного исследования могут быть полезны не только для преподавателей китайского языка, но и для учащихся.

Ключевые слова: иностранные языки, китайский, английский, ошибки, китайская грамматика, преподавание, лексика.

Для цитирования: Кадырова Л.И. Основные ошибки англоговорящих при изучении китайского языка и их причины. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1): 37-43

ABSTRACT

This article is devoted to common mistakes of English-speaking students in learning Chinese and the main reasons of these mistakes. The development of this topic is of an applied nature and is extremely useful for all sides of the educational process. By analyzing the mistakes of English-speaking students studying Chinese, we can look at Chinese from a different angle and better understand why Russian-speakers, in turn, speak incorrectly. The materials of this study can be useful not only for teachers of the Chinese language, but also for students.

Keywords: foreign languages, Chinese, English, mistakes, Chinese grammar, teaching, vocabulary.

For citation: Kadyrova L.I. *The main mistakes of English speakers in learning Chinese and their causes*. Modern oriental studies. 2021; 3(1): 37-43

Китайский язык в последние годы становится все более популярным в нашей стране, количество обучающихся растет семимильными темпами. В связи с этим в научном сообществе начали активно подниматься проблемы его преподавания и изучения. Одним из весьма популярных направлений стало исследование сложностей китайского языка, которые актуальны для наших соотечественников. Разработка данной тематики носит прикладной характер и крайне полезно для всех сторон образовательного процесса. Ведь зная типичные ошибки, которые характерны для носителей своего языка, можно предотвратить их появление в речи учащихся и изначально ставить более правильную речь.

Однако, при этом было бы весьма недальновидно ограничиваться только русскоязычной средой в исследовании трудностей при изучении китайского языка. Во-первых, многие проблемы (связанные, например, с письменностью, тонами, специфическими конструкциями построения речи и т. п.) очень схожи для всех иностранцев (не китайцев), их выявление и типологизация таким образом выходит за пределы одного языка или национальности. Во-вторых, на сегодняшний день разработка данного вопроса среди российских авторов чаще всего происходит на личном опыте преподавания китайского языка и опросов в рамках своих учебных заведений, что значительно замедляет и усложняет процесс. В – третьих, то, как иноязычные исследователи объясняют сложные моменты грамматики или морфологии китайского языка, может служить пресловутым «взглядом со стороны» и может помочь лучше понять, как объяснить эти нюансы в русскоязычной среде.

Исходя из вышеперечисленного, становится очевидно, что опыт зарубежных коллег в разработке данной тематики, несомненно, представляет большой интерес для нас, он не только расширяет лингвистический кругозор, но и способствует более глубокому анализу ошибок наших соотечественников, поиску различий и аналогий. Так, данная статья освещает сложности китайского языка для англоговорящих учеников. Английский выбран в связи с большой численностью носителей этого языка, которые в последнее время изучают китайский. К тому же в Российской Федерации именно английский массово изучается в начальной и средней школе, благодаря чему большинство имеет представление об этом языке.

В основу нашего исследования легли книги и учебные пособия по грамматике китайского языка для англоговорящей аудитории, а также многочисленные статьи в Интернете, написанные действующими преподавателями китайского языка.

Если брать общие аспекты изучения китайского языка, то практически все сложности в его изучении англоговорящими сводятся к базовым особенностям и специфике китайского. Выясняется, что англоязычные студенты совершают те же ошибки и промахи в овладении «китайской грамотой», что и носители прочих языков, в частности русского:

1. Использование метода дословного перевода [1].

Учащиеся пытаются переводить фразы и предложения «слово в слово». В основном, это характерно для начального уровня обучения, а также для тех, кто овладевает китайским

самостоятельно. Такого рода речь для самих китайцев звучит как простой набор несвязанных слов.

2. Игнорирование тонов.

В большинстве современных языков отсутствуют тона, в связи с чем изучение китайского с его четырьмя тонами почти всегда представляет огромную сложность для иностранцев, которые до знакомства с ним чаще всего даже не подозревали о существовании такого явления. Многие не понимают значимости тонов и попросту игнорируют их в речи, что делает их речь абсолютно невнятной для носителей.

3. Отказ от изучения иероглифов.

Специфика китайской письменности настолько пугает учеников, что многие даже не пытаются ею овладеть, мотивируя это тем, что важнее всего навыки устной речи и перевода. Некоторые рассчитывают ограничиться пиньинем. Им на руку играет прогресс, в результате которого в современном мире люди практически не пишут от руки и китайцы не исключение. Однако, отказ от изучения иероглифов, во-первых, не позволяет в полной мере освоить язык, так как обучаемый не может читать китайские тексты, соответственно огромный пласт информации остается ему не доступен. Во-вторых, это вызывает пусть и не открытое, но все же неодобрение самих китайцев, для которых человек, не умеющий писать и читать иероглифы, не может считаться знающим язык.

4. Попытки перенести в китайский грамматических, лексических и синтаксических структур, моделей, которые характерны для своего языка [2].

Языковые паттерны неочевидны для самих носителей, однако, хорошо проявляются при изучении других языков. Англоговорящие точно также неосознанно транслируют привычные для них формы на китайский. В отличие от «безтонального» варианта в этом случае носители чаще всего понимают общий смысл сказанного, но речь говорящего кажется им «костлявой» и сложной для восприятия без подготовки.

5. Игнорирование культурных различий, которые явно или не явно отражаются в языке;

Несмотря на глобализацию, в большинстве стран сохраняются свои традиции, выражающиеся в том числе и в речи. Чаще всего это проявляется в устоявшихся фразах и формах обращения к собеседнику. Последнее очень актуально для КНР, где почти не принято обращаться по имени, а многочисленные формы в основном строятся на фамилии. В китайском языке есть также лексические различия в зависимости от статуса и возраста, традиционные ответы на похвалу и критику и т. п.

Зачастую иностранцы не принимают во внимание такие моменты, а порой просто не осведомлены о них, что приводит к тому, что они так и не становятся «своими» в китайской среде. В ряде случаев китайские «паттерны» хоть и знакомы англоговорящим, но воспринимаются ими странными и неправильными с точки зрения социальных устоев. Так, многие англоязычным студентам кажется невоспитанным и грубым обращаться к персоналу в кафе в типичной для Китая форме «服务员, 菜单» («Официант, меню»), вместо этого они часто говорят «请给我菜单» («Дайте мне пожалуйста меню»).

Суммируя вышесказанное, в данном контексте все вопросы не уникальны и характерны для всех, кто приступил к изучению китайского с нуля. Таким образом, для решения этих проблем наши педагоги могут использовать и опыт англоязычных коллег в своей практике.

Если же прибегнуть к более глубинному анализу ошибок англоговорящих студентов, то среди них следует выделить три категории [3]:

1. Лексические (неверное использование слов и их форм);

Например, англичане и американцы часто путают слова 年 и 岁, которые обозначают в китайском «год, лет» в зависимости от конкретного случая их употребления. Первый иероглиф обозначает год/года в самом широком смысле, а второй используется только для описания возраста. В английском же есть лишь одно слово «year», поэтому можно часто слышать фразу вроде «我十九年» вместо «我十九岁» (Мне 19 лет).

В словосочетании «今年» (этот год, в этом году) вместо 今 употребляют 这 (этом), делается калька с английского «this year».

Путаница между «爱» и «爱情». В английском все передается словом «love» вне зависимости от части речи, в китайском же не так. 爱 в современной речи в основном выступает в роли глагола, а 爱情 исключительно как существительное.

作者想自己不够爱情自己的妻子。
(неверно)

作者想自己不够爱情自己的妻子。(верно)

Многие англоговорящие употребляют 问, когда следует 让, так как в английском оба слова переводятся как «ask».

我问他去办公室 вместо 我让他去办公室

2. Грамматические (неправильное применение грамматических конструкций);

Здесь перечень возможных ошибок огромен, приведем лишь несколько распространенных примеров.

1) Необоснованное употребление частицы 们 для обозначения множественного числа существительных:

三个女孩子们 (три дочки/three daughters)

我们的老师们 (наши учителя/our teachers)

2) Игнорирование счетных слов:

那六书 вместо 那六本书

我家有四人 вместо 我家有四口人

3) Неправильная позиция вопросительных местоимений (их часто ставят в начале предложения, как в английском):

什么你教 вместо 你教什么

3. Пунктуационные (некорректные знаки препинания).

Прежде всего здесь следует отметить «китайскую точку» — «。». Англоговорящие, как и русскоговорящие, имеют обыкновение ставить в конце повествовательного предложения привычную точку «.», которая не используется в китайском.

Также много ошибок допускается из-за того, что студенты не могут выявить восклицательную интонацию предложения и записывают его как повествовательное с точкой.

开会了, 别说话了。(неверно)

开会了, 别说话了! (верно)

Первые две категории ошибок проявляются, прежде всего, в устной речи и при переводе, а третья становится очевидной только в письменной речи. Если рассматривать лексические и грамматические упущения, то сказать, какие из них наиболее нежелательные, невозможно, все зависит от конкретной речевой ситуации и степени фатальности ошибки для понимания. Чаще всего у говорящих они идут в комплексе и тесно переплетены. Поэтому преподавателям работающим, как в англоязычной среде, так и любой другой, необходимо прорабатывать как лексическую, так и грамматическую составляющую языка, а также уделять внимание пунктуационным нормам.

Анализируя три описанные выше категории ошибок англоговорящих, можно сделать вывод, что большей частью они обусловлены следующими первопричинами:

1. Специфические конструкции и грамматические формы китайского языка, которые отсутствуют в английском языке.

Порой в другом языке нет даже отдаленно похожих форм, что вызывает полное непонимание у обучающихся и соответственно многочисленные ошибки при попытках их использовать в речи. Лингвистическое объяснение обычно слишком сложное для неподготовлен-

ных, но и при необходимом уровне подготовки может быть слишком теоретизировано. Носители же языка зачастую ограничиваются фразами: «Так принято говорить», «Китайцы так говорят» и т. п. В итоге это приводит к большому числу ошибок именно в специфических китайских оборотах речи.

Так для англоговорящих сложны для понимания конструкция с «把» [3], правила удвоения глаголов и прилагательных (наречий) [4], предложения с субъект - предикатным словосочетанием в роли сказуемого [5] и др.

2. Языковые привычки и правила родного языка.

Конструкции и правила построения своего языка настолько глубоко коренятся в мозге человека и так естественны, что он произвольно применяет их при употреблении иностранного языка. При этом другой язык может строиться совершенно по другим канонам. Получается, что человек вроде как говорит на другом языке, но в нем четко прослеживается (узнаваем) «след» его родного языка.

У англоговорящих при использовании китайского языка также можно вычленить, к примеру, следующие «кальки с английского» [1]:

1) Употребление глагола-связки 是 в предложениях со сказуемым, выраженным прилагательным.

我是很忙 вместо 我很忙

Дело в том, что студенты считают его тождественным английскому «to be» и ставят во все предложения.

2) Неверная позиция обстоятельства времени.

我复习功课每天 вместо 我每天复习功课

Англоязычные учащиеся по привычке любят ставить наречия времени в конец предложения, что является грубым нарушением китайского порядка слов.

3) Использование союза和 («и») в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

我叫杰克和我是美国人。(неверно)

和 в китайском может связывать лишь однородные члены предложения, в английском же у «and» намного более широкое употребление.

3. Отсутствие богатого словарного запаса.

Язык, бесспорно, не просто набор слов, но ограниченная лексическая база изучаемого языка приводит или к неверному/неуместному употреблению слов, или к недостаточной выразительности сказанного. В этом случае речь хоть и понятна носителям, но сами бы они сказали по-другому. И если на начальном этапе обучения использование минимального словарного запаса и «жонглирование» им обосновано и неизбежно, можно даже сказать «простительно» для иностранцев в китайской среде, то на последующих этапах и особенно, если человек позиционирует себя как владеющий китайским языком, несомненно, крайне нежелательно.

Таким образом, становится очевидно, что иностранцам, в данном случае англоговорящим, весьма сложно избежать ошибок при изу-

чении китайского языка, ведь они обусловлены объективными факторами (привычные языковые паттерны родного языка, сложно объяснимые структуры другого языка, невозможность сразу овладеть всем «словарем» нового для себя языка). Однако, знание и этих причин вполне может помочь решить многие сложные моменты и уменьшить количество ошибок.

Для русскоязычной же аудитории весьма полезно использовать англоязычный опыт объяснения специфических китайских грамматических конструкций, как для сравнения, так и для дополнения своих методов доведения материала до учащихся. В условиях, когда большинство студентов владеет минимальным уровнем английского языка, порой намного доходчивее использовать аналогии с английским языком или наоборот опираться на то, что это «не как в английском языке».

Знание типичных ошибок англоговорящих учащихся также делает более понятным объяснение китайской грамматики в большинстве пособий и учебников китайского языка, ведь они в основном ориентированы на англоязычную публику, даже если написаны самими китайцами. В любом случае, анализируя ошибки англоговорящих студентов, изучающих китайский язык, мы можем с другого ракурса посмотреть на китайский и лучше понять, почему в свою очередь русскоговорящие говорят неправильно.

Литература

1. Gao Jenni. 5 most common mistakes when learning Chinese [Электронный ресурс]. <https://www.mandarinzone.com/common-mistakes-learning-chinese/> (Дата обращения: 31.01.2020).
2. Cheng Yangyang. Top 10 mistakes made by Chinese learners [Электронный ресурс]. <https://yoyochinese.com/download/Yoyo%20Chinese%20E-book%20Top%2010%20Mistakes.pdf> (Дата обращения: 31.01.2020).
3. Чэн Мэйчжэнь. Ханьюй бинцзю бяньси цзюбай ле (Error analysis of 900 sample sentences). Пекин, 2009.
4. Дин Сянфэн. Ханьюй юйфа цинсун сюе (Basic Chinese grammar). Пекин, 2018. С. III.
5. Li Hui, Guo Liping. Contrast between Chinese and English syntactic structures of subject predicate sentences in Chinese// Journal of Henan Normal University. 2010. №6. PP. 241-243.
6. Mao Maria. 3 beginner mistakes in learning Chinese [Электронный ресурс]. <https://goeastmandarin.com/2019/08/02/beginner-mistakes-learning-chinese/> (Дата обращения: 31.01.2020).
7. <https://yoyochinese.com/download/Yoyo%20Chinese%20E-book%20Top%2010%20Mistakes.pdf> (Дата обращения: 31.01.2020).
8. Chen Meichzen'. Han'yuj binczyu byan'si czyubaj le (Error analysis of 900 sample sentences). Pekin, 2009.
9. Din Syanfen. Han'yuj yujfa cinsun syue (Basic Chinese grammar). Pekin, 2018. S. III.
10. Li Hui, Guo Liping. Contrast between Chinese and English syntactic structures of subject predicate sentences in Chinese// Journal of Henan Normal University. 2010. №6. RR. 241-243.
11. Mao Maria. 3 beginner mistakes in learning Chinese [Elektronnyj resurs]. <https://goeastmandarin.com/2019/08/02/beginner-mistakes-learning-chinese/> (Дата обращения: 31.01.2020).

References

1. Gao Jenni. 5 most common mistakes when learning Chinese [Elektronnyj resurs]. <https://www.mandarinzone.com/common-mistakes-learning-chinese/> (Data obrashcheniya: 31.01.2020).
2. Cheng Yangyang. Top 10 mistakes made by Chinese learners [Elektronnyj resurs].

Информация об авторе

Кадырова Лейсан Ильдусовна

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

leisan-china@mail.ru

Information about Author

Leisan I. Kadyrova

Russian State University for the Humanities

leisan-china@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Изучение китайского языка на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета в начале XX века

Chinese studies at the faculty of oriental languages of Saint-Petersburg University at the early twentieth century

Митькина Евгения Иосифовна

Санкт-Петербургский государственный университет

e.mitkina@spbu.ru

DOI: 2686-9675-1-2021-44-54

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается учебный процесс в Санкт-Петербургском/Петроградском университете в 1900-1904 и 1914-1918 гг. (первый период — переломные годы для Восточного факультета, а второй — для всей страны). Кроме того, подробно представлен профессорско-преподавательский состав, дан сравнительный анализ учебных программ на основе архивных материалов и сохранившихся Обзоров за первую половину XX века.

Ключевые слова и фразы: история китаеведения, российское китаеведение, преподавание китайского языка, Санкт-Петербургский университет, факультет восточных языков.

Для цитирования: Митькина Е.И. *Изучение китайского языка на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета в начале XX века.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1): 44-54

ABSTRACT

The article examines the educational process at St. Petersburg / Petrograd University in 1900-1904 and 1914-1918 (the first period is the turning point for the Faculty of Oriental Languages, and the second one was a crucial time for the whole country). In addition, it presents the teaching staff in detail and gives a comparative analysis of educational programs based on archival materials and preserved Reviews for the first half of the XX century.

Keywords: the history of Sinology, Russian Sinology, the Chinese language teaching, St. Petersburg University, Faculty of Oriental Languages.

For citation: Mitkina E.I. *Chinese studies at the faculty of oriental languages of Saint-Petersburg University at the early twentieth century.* Modern oriental studies. 2021; 3(1): 44-54

Начало XX века оказалось переломным моментом для петербургского китаеведения. Весной 1900 года умер ведущий преподаватель Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, бывший декан, известный ученый, основатель целой научной школы Василий Павлович Васильев (1818 – 1900). Нельзя сказать, что китаеведческое направление в университете оказалось обезглавлено, но, несомненно, присутствовало некоторое замешательство. С точки зрения науки этот период рассматривался в таких книгах как «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» [5] и в обширной статье Виктора Васильевича Петрова «Китайская филология в Петербургском-Ленинградском университете», опубликованной в сборнике «Точность — поэзия науки» [15]. Нам показалось интересным посмотреть на это время с позиций студента, точнее двух студентов — одного, поступившего в 1900 году, и другого — в переломном для всей страны 1914. Какие у них были предметы? Сколько часов в неделю? Сколько длились занятия? И когда заканчивались? На какие темы они могли писать свои выпускные работы? На все эти вопросы мы и попытаемся дать ответ в данной статье.

После смерти В.П. Васильева ведущим преподавателем и руководителем направления оказался Дмитрий Алексеевич Пещуров (1833 – 1913). Это был человек незаурядный. Интересно, что по своему первому образованию он никак не был связан с китаеведением — он окончил физико-математический факультет Петербургского университета (далее — ПУ). После успешной защиты магистерской диссертации

Д.А. Пещуров отправился в составе Российской Духовной миссии в Пекин, где он, «занимаясь научными наблюдениями в метеорологической и магнитной обсерватории, построенной в 1851 г. на территории миссии, остальное время посвящал активному изучению китайского языка» [5; С. 288]. Преподавать на факультете восточных языков ПУ Д.А. Пещуров начал в 1867 году, совмещая преподавательскую деятельность с работой переводчика в Азиатском департаменте.

Еще в 1875 году, то есть за 25 лет до 1900 года, приступая к занятиям, Д.А. Пещуров напутствовал первокурсников словами: «Обдумали ли вы, господа, трудность того дела, за которое принимаетесь? Ведь вам придется иметь дело с языком, в котором нет грамматики, нет азбуки, а есть только неумолимая логика да 40 тыс. иероглифов...» [5; с.266-267] Можно предположить, что за двадцать пять лет преподавания его взгляд на трудность изучения китайского вряд ли сильно изменился, и вполне возможно, что он и первокурсников 1900 года встретил похожими словами.

На первом курсе Д.А. Пещуров вел предмет «Ключевые знаки. Формы разговорного языка. Чтение и разбор легких текстов». На него отводилось два занятия — по средам и пятницам. В преподавании он использовал «Граматику отца Иакинфа» и словари Васильева, Попова и Пещурова.

«Введение в изучение китайского языка и чтение легких текстов» у первокурсников вел ординарный профессор Алексей Осипович Ивановский (1863 – 1903). Занятия проходили так же по средам и пятницам. Для своих занятий

А.О. Ивановский привлекал не только упомянутую выше грамматику о. Иакинфа, но также такие книги, как «Элементы грамматики китайского языка» (The Eléments de la grammaire chinoise, переиздание 1857 года) Жан-Пьера Абеля Ремюза (Jean-Pierre Abel-Rémusat), «Грамматика мандаринского языка, принципы организации китайской разговорной речи» (Grammaire mandarine ou principes généraux de la langue Chinoise parlée, 1856 года) Антуана Базина (Antoine Bazin) и «Грамматика устного и письменного китайского языка» (Grammaire de la langue chinoise orale et écrite, 1873-1876) Пола Перни (Paul Perny) [6].

Кроме занятий по грамматике первокурсник еще изучал китайскую каллиграфию (одно занятие в неделю, по средам) у преподавателя Куроно Ёсибуми (Иосиф Николаевич Куроно, 1859-1918) и занимался разговорным языком (два занятия, так же по средам) с преподавателем-китаецем Куэ Фаном (Гуй Фан), атташе китайского посольства в Петербурге [15; С.30].

Вместе с первокурсниками других разрядов китаист по четвергам должен был прослушать лекции общего курса «Обзор путешествий европейцев в Азию» Николая Ивановича Веселовского (1848 -1918). «Его лекции по истории Востока, не блестящие по форме, отличались богатым содержанием. Веселовский, серьезный исследователь и опытный педагог, стремился приобщить студентов к самостоятельной научной работе» [5; С.307].

Кроме того, всем студентам надлежало дважды в неделю (по вторникам и пятницам) изучать Богословие. В первом семестре это был «Сравнительный обзор вероучения главней-

ших западных христианских вероисповеданий (римско-католического, лютеранского, реформатского, англиканского)», а во втором — «Критический обзор наиболее замечательных теорий о происхождении и сущности религий вообще и в частности — христианской религии». Лекции проводил заслуженный профессор, протоиерей Василий Гаврилович Рождественский (1839 – 1917).

Те студенты, которые собирались изучать филологию, должны были пройти предмет по выбору «Русская словесность», а те, кто ориентировался на службу по дипломатической части — или «Международное право» или «Политическую экономию». И все они дважды в неделю посещали занятия по так называемым «новым языкам». В том учебном году выбор был лишь из немецкого и английского языков.

Можно отметить, что первокурсника-китаиста в 1900-1901 учебном году не было занятий в 9 утра, первые лекции начинались в 10, а последние заканчивались в 15 часов. Каждая лекция длилась по часу без объявленного перерыва [6].

Еще в конце первого курса (в мае 1901 года) с факультета из-за болезни был уволен А.О. Ивановский, поэтому основное преподавание на всех курсах легло грузом на плечи профессора Д.А. Пещурова.

У студента, поступившего в 1900 году в ПУ, на втором курсе уже не было каких-либо занятий по грамматике, они сразу приступали к чтению текстов в оригинале. Лекции профессора Пещурова назывались «Чтение повестей и избранных глав из Шэн-юй-гуан-сюнь». Судя по всему, этому документу уделялось особое

внимание в процессе преподавания на стыке веков. Шэн-юй-гуан-сюнь (Расширенные инструкции Священного эдикта, 圣谕广训) были изданы в 1724 году императором Юнчжэном. Он полагал, что «Священный эдикт» (圣谕) его отца, императора Канси, состоявший из шестнадцати правил по семь иероглифов в каждой и предназначенный для обучения простых людей основам конфуцианской мысли, не слишком им понятен, и поэтому с его подачи были изданы «Расширенные инструкции» объемом в десять тысяч знаков. На русский язык они переводились дважды: в 1778 году А.Л. Леонтьевым и в 1788 году Алексеем Агафоновым [3; С. 33. 17; С. 171. 16; С. 98]. В Петербургском университете этот документ был важной составляющей учебного процесса, поскольку его не только изучали в аудитории, но и многие работы студентов были посвящены его переводу и исследованию. Так, например, с 1899 по 1904 год, как минимум, восемь работ были на темы, связанные с Шэн-юй-гуан-сюнь.

На втором, как и на последующих курсах, разговорный китайский язык преподавал Куэ Фан. По словам П.Е. Скачкова, Куэ Фан помимо практики, начиная со второго курса, «читал «Гуаньхуа чжинань» — книгу для чтения на разговорном языке, завоевавшую большую популярность среди преподавателей на многие годы» [14; С. 262].

Студенты на втором курсе должны были прослушать в первом семестре общий курс профессора Н.И. Веселовского «История Средней Азии с древнейших времен до завоеваний арабов», а во втором — «История северо-восточной части Азии, по китайским летописям, до появления монголов». Кроме того, раз

в неделю проходили и «Практические занятия, состоящие из разбора важнейших сочинений по географии и истории различных государств Азии», которые так же вел Веселовский.

На втором курсе обязательным предметом в 1901-1902 учебных годах была «История России», которую читал профессор С.Ф. Платонов. В качестве предмета по выбору предлагалось «Русское государственное право». У китайстов-второкурсников, как и на первом курсе, не было ранних занятий, по средам, четвергам и субботам занятия заканчивались в 15, а в остальные дни — в 12 или в 14 [7].

В этом же году (1902) факультет блестяще окончил будущий академик Василий Михайлович Алексеев. После этого «его оставили в университете при кафедре китайско-маньчжурской словесности «для приготовления к профессорскому званию»» [5; С.298].

На третьем курсе студенты приступали к чтению исторических текстов и официальных документов, договоров и так далее под руководством проф. Д.А. Пешурова. Профессор Н.И. Веселовский читал для них в первом семестре «История Монголов от Чингисхана до падения юаньской династии в Китае», а во втором «Новую историю Монголов, ойратов, калмыков и Восточного Туркестана». При желании студенты могли посетить его же необязательные лекции по вопросам истории Востока и по восточной нумизматике. На третьем курсе у них уже было больше времени для работы в библиотеке с оригинальными текстами. Занятия заканчивались, самое позднее, в 14. В некоторые дни их вообще не было (например, в понедельник и в субботу) [8].

В январе 1903 года скончался А.О. Ивановский, семидесятилетний профессор Д.А. Пещуров был болен. И тогда декан В.Р. Розен «понимая, что сложившаяся обстановка приведет в случае болезни Д.А. Пещурова к закрытию китайского разряда, в марте 1902 года пригласил на преподавательскую должность единственно возможного кандидата — бывшего в отставке П.С. Попова» [14; С. 260].

Помимо продолжения чтения исторических и официальных документов с проф. Д.А. Пещуровым, студенты последнего, четвертого курса изучали с приват-доцентом Павлом Степановичем Поповым (1842 – 1913) «Луньюй», а также читали газетные тексты — по два занятия по субботам. Можно попутно отметить, что Попов ввел также преподавание текстов Мэнцзы и классического романа «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня на третьем курсе.

Судя по всему, Павел Степанович был «ранней пташкой», потому что с его появлением у китайцев стали проводиться лекции в 9 утра. И так как это был выпускной курс, и студенты должны были уделить больше внимания написанию выпускного сочинения, последние занятия заканчивались в 12-13 [9].

О чем же писали студенты в своих итоговых работах в 1900-1904 годах? Помимо уже упоминавшегося Шэн-юй-гуан-сюнь студенты того времени активно занимались изучением истории Троецарствия — так, как минимум, шесть работ были посвящены работе «Сань-го чжи» (Записи о Трех царствах, 三国志) [4]. Так же к тому времени относятся работы, посвященные первому императору династии Тан — Ли Юаню [4, д. 807], разным периодам дина-

стии Чжоу [4, д. 636, 1842], а также в 1904 году одна из работ была посвящена переводам стихотворений из раздела «Малые оды» «Шицзина» [4, д. 1266].

Таков был учебный путь студента, поступившего на факультет восточных языков Петербургского университета на стыке веков — в 1900 году. Теперь рассмотрим, что и под чьим руководством изучал студент, поступивший в университет в переломный 1914 год, когда вспыхнула Первая мировая война, а в стране разгоралось пламя революции.

Накануне, в декабре 1913 года умер Павел Степанович Попов, в том же году скончался и Д.А. Пещуров. Теперь все преподавание китайского языка возглавили Алексей Иванович Иванов (1878 – 1937) и Василий Михайлович Алексеев (1881 – 1951).

А.И. Иванов окончил университет в 1901 году и был оставлен при кафедре «для приготовления к профессорскому званию» [5; С. 295]. В 1914 год он вступил уже в статусе профессора, защитив в 1913 году диссертацию на степень доктора китайской словесности. Поступивший в 1914 году студент должен был прослушать две его лекции — «Введение в изучение китайского языка» и «Граматику китайского языка и чтение легких текстов». Для своих лекций А.И. Иванов использовал широкий спектр учебников. Помимо грамматики отца Иакинфа и Антуана Базина, по которым преподавал еще А.О. Ивановский пятнадцать лет назад, Иванов привлекал также «Опыт мандаринской грамматики» П. Шмидта 1902 года, «Пособие по разговорному языку Северного Китая К. Арендта 1891 года (С. Arendt, Handbuch

der nordchinesischen Umgangsprache), «Первые уроки китайского» А. Висьера 1909 года (A. Visiere, Premieres leçons de chinois), «Заметки о китайском документальном стиле К. Хирта 1909 года (K. Hirth, Notes on the Chinese documentary style). Как пишет проф. В.Г. Дацышен, «А.И. Иванов внес много нового в методику и содержание преподавания» [1; С. 116].

Как было сказано выше, вторым ведущим преподавателем в 1914 году был в то время приват-доцент В.М. Алексеев, который окончил университет на год позже А.И. Иванова. Энергичный молодой ученый успевает совмещать активное чтение лекций с работой в Азиатском музее в качестве «младшего ученого хранителя» [5; С.300]. Для первокурсников он читал в первом семестре, во-первых, «Введение в изучение китайского литературного языка и чтение соответствующих текстов», во-вторых, — просеминарий «Перспективы и способы изучения Китая». Во втором семестре студенты посещали занятия Алексеева, посвященные «Чтению параллельных текстов для сравнительного изучения особенностей стиля классического-античного и общекнижного с чисто разговорным». В качестве учебников Василий Михайлович привлекал, прежде всего, свои собственные наработки, а также изданные в Пекине парафразы к текстам «Изречений» и сборник рассказов на байхуа «Удивительные рассказы прошлого и современности» (今古奇观).

Разговорный язык первокурсникам 1914 года преподавал сотрудник китайского посольства Чжан Ин, а каллиграфии, как и четырнадцать лет назад, учил японец Куроно. Кроме того, студенты также изучали «Введение в изу-

чение маньчжурского литературного языка и чтение легких текстов» под руководством приват-доцента Владислава Людвиговича Котвича (1872 – 1944) — это тот предмет, которого не было у студента, поступившего в 1900 году. Из общих курсов необходимо было прослушать «Историю изучения Востока в Европе и в России» профессора Василия Владимировича Бартольда (1869 – 1930). На первом курсе студенты также занимались изучением одного из европейских языков — французского, немецкого, английского или итальянского.

В течение первых четырех семестров студенты обязаны были прослушать предметы историко-филологического факультета: введение в языкознание, философию, логику или историю одной из западноевропейских литератур.

Занятия начинались дважды в неделю с 9 утра, в другие дни — в 10 или даже в 11, и длились они так же по часу, суббота оставалась свободной для китаистов-первокурсников [13].

В 1915-1916 учебном году теперь уже второкурсники посещали занятия профессора А.И. Иванова «Чтение образцов исторического романа» и его же просеминарий «Введение в изучение китайской культуры» (просеминарий проводился только в осеннем семестре), а также лекции приват-доцента В.М. Алексеева «Чтение повестей, написанных изысканно литературным языком» по китайскому изданию. Более того, он проводил также одну лекцию, необязательную к посещению, тем не менее, интересную по содержанию: «Учение первых даосов о сверхчеловеке». Практические занятия китайским языком вел все так же Чжан Ин [10].

В.Л. Котвич преподавал второкурсникам «Введение в изучение маньчжуро-тунгусских племен и их языка» (в осеннем семестре), «Чтение текстов повествовательного характера», а также «Очерк истории маньчжурской литературы».

На втором курсе студенты получали возможность слушать лекции профессора Н.И. Веселовского «Древнейшая история Средней Азии с известий греческих писателей о Трансоксиани до завоевания арабами Мавераннахра» в осеннем семестре и «Древнейшая история Северо-Восточной Азии по китайским летописям до появления монголов» в весеннем семестре. Кроме того, теперь в учебную программу включили и отдельный предмет, посвященный Истории Китая, и ведет его приват-доцент Александр Евграфович Любимов (1878 – 1945). Как Иванов и Алексеев, он был оставлен при университете после окончания факультета восточных языков в 1908 году. «По свидетельству Н.И. Конрада, учившегося в 1908—1912 гг. в этом университете, Любимов был одним из немногих преподавателей, пытавшихся в то время придать изучению истории Китая профессиональный характер (на базе архивных материалов с использованием специальных и вспомогательных дисциплин)» [5; С. 302]¹.

Студенты, поступившие в 1914 году, на третьем курсе (1916-1917 уч. год) дважды в неделю занимались с профессором А.И. Ивановым «чтением и интерпретацией исторических текстов», в осеннем семестре читали «Луньюй», а в весеннем — «Мэнцзы». Напомню, что весен-

ний семестр для них – это время Февральской революции для страны, город был охвачен революционной лихорадкой, а китаисты-третьекурсники в аудитории изучали труды древнекитайских философов. В это же время приват-доцент В.М. Алексеев преподает у них «Введение в историческое изучение китайской литературы», а также просеминарий на эту же тему. Одновременно с этим он пишет магистерскую диссертацию «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837 – 908)» [1], которую защитил 20 ноября 1916 года.

Маньчжурскому языку и связанным с ним дисциплинам посвящено три лекции в неделю. Приват-доцент В.Л. Котвич читает для них «Введение в изучение маньчжурского литературного языка и чтение легких текстов», «Обзор грамматических особенностей маньчжурского языка сравнительно с монгольским», а также «Обзор материалов по маньчжуро-тунгусским наречиям. Чтение сибирских² разговорных текстов».

Кроме того, на третьем курсе следовало прослушать и общие курсы профессора Н.И. Веселовского «История монголов и монгольских улусов от Чингисхана до падения Юаньской династии в Китае» (осенний семестр) и «История монголов после их изгнания из Китая, история ойратов³ и калмыков, история Восточного Туркестана» (весенний семестр), а также курс приват-доцента Любимова, предназначенный для студентов, изучающих маньчжурский язык, — «Чтение и интерпретация маньчжурских

¹ К сожалению, несмотря на то, что в декабре 1918 года он получил звание профессора ПУ, из-за трудностей революционного времени ему пришлось вместе с женой и тремя маленькими детьми уехать к себе на родину в Пензу, оставив востоковедение. После он работал в Пензенском архиве и педагогическом институте.

² Язык народа сибо, распространенный в Синьцзяне.

документов, относящихся к истории русско-китайских сношений в 17 веке». Если у студента специальность была «лингвистика», то он мог прослушать курс профессора Льва Владимировича Щербы (1880 – 1944) «Фонетический практикум в кабинете экспериментальной фонетики для лингвистов».

В этом учебном году у третьекурсников было достаточно времени для самостоятельной подготовки. Занятия у них были только три дня (понедельник, среда и четверг), остальное время можно было уделить библиотеке. Начинались занятия в 9 или в 10, а заканчиваться могли в 17. Как видно из расписаний занятий, профессор А.И. Иванов предпочитал утренние часы для общения со студентами, в то время как В.М. Алексеев больше стремился работать во второй половине дня. Его самые ранние занятия ставили на 11 или 12 часов [11].

Последний, четвертый курс студентов, поступивших в 1914 году с началом Первой мировой войны, пришелся на революционные 1917-1918 годы. Однако они были загружены китайским даже больше, чем в остальные годы. Помимо чтения «Лунъюя» и «Мэнцзы» с профессором Ивановым четверокурсники изучали и «исторический стиль» — «Шицзи» Сыма Цяня в осеннем семестре. Кроме того, Иванов читал им теоретический курс «Древнекитайская поэзия», «История китайской литературы» и «Историю маньчжурской династии» в весеннем семестре.

В этом учебном году теперь уже доцент В.М. Алексеев проводил четыре занятия со

студентами. Они изучали жизнь и творчество Ван Вэя (весь год), изящную прозу Лю Цзунъюаня (осенний семестр), «Танские четверостишья» и «Образцовые произведения китайской эпиграфики». Алексеев вел семинар «Процесс изучения китайского литературного материала» и теоретический курс «Введение в историческое изучение китайской литературы» (осенний семестр).

Как мы видим, на последнем курсе резко увеличилось число лекций: вместо привычных четырех-пяти — целых восемь.

В осеннем семестре студенты четвертого курса изучали «Введение в изучение маньчжур-тунгусских наречий и их языка», а весной — «Основы грамматики гольдского языка⁴ и чтение гольдских текстов». У них были и такие лекции, как «Чтение эпиграфических памятников» и «Китайские элементы в маньчжурском письменном языке». Все эти лекции читал доцент В.Л. Котвич.

Доцент А.Е. Любимов занимался с четверокурсниками «чтением и интерпретацией маньчжурских документов, относящихся к истории русско-китайских отношений в 17 веке», а также читал им «Новую историю Китая (XIX век)» [12].

Необходимо отметить, что мы проследили студенческий путь двух абитуриентов — образца 1900 и 1914 года. Однако те, кто поступал в другие годы в этот промежуток времени, могли иметь слегка отличающийся набор предметов. Так, например, Василий Михайлович Алексеев в те же годы читал для других курсов такие лекции как «Чтение избранных образцов китайской поэзии от Шицзина до

³ Западные монголы.

⁴ Нанайский язык.

эпохи Тан», «Жизнь и творчество Хань Юя», «Поэзия Тао Цаня», «Поэзия Ли Бо», «Су Ши: жизнь и творчество», повести Пу Сунлина», «Поэты до-танского периода и образцовые четверостишья танских авторов», «Образцы сунской художественной прозы».

Таким образом, можно отметить, что у студента, поступившего в ПУ в 1900 году, было, во-первых, меньше занятий, чем у студента 1914 года, они начинались поздно (до того, как на службу взяли П.С. Попова) и заканчивались рано. Во-вторых, к 1914 году уже наладилось преподавание маньчжурского языка, необходимого китаистам того времени. В-третьих, революционные настроения в стране перекликались с тем, что происходило в петербургской университетской китаистике. Можно даже сказать, что новые методы стали тоже своего рода революцией в преподавании китайского языка в Санкт-Петербургском университете. Как мы увидели, молодые профессор А.И. Иванов и приват-доцент В.М. Алексеев начали менять старую систему в сторону большей универсальности, теперь китаист не только штудировал историю, но и получал знания по литературе, философии, эпиграфике и т.д. Для преподавания использовались более новые учебники и материалы, многие из которых были изданы на европейских языках, широко использовались материалы, собранные преподавателями собственноручно во время командировок, как в Китай, так и в Европу. Ни война, ни надвигающаяся и позднее произошедшая революция не остановили процесс возрождения китаистики на факультете восточных языков Санкт-Петербургского/Петроградского университета.

Литература

1. Господину ректору Императорского Петроградского университета. Представление декана факультета восточных языков №1725. [О присуждении В.М. Алексееву магистерской степени], 22 ноября 1916 г. // ОА СПбГУ. – Ф.1. – Оп. о/к 1917-41. – Д.43. – Л.94. [Электронный ресурс]. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/43/43_46.pdf (дата обращения 25.06.2020)
2. Дацышен В. Г. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX вв.): Учебное пособие / В.Г.Дацышен. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. — 214 с.
3. Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи: монография / В. Г. Дацышен. – Москва: Проспект, 2017. – 192 с.
4. Диссертации студентов 1885 – 1916 // ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 8.
5. История Отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 536 с.
6. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в 1900-1901 учебном году. С.-Петербург, 1900. – 17 с.
7. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в 1901-1902 учебном году. С.-Петербург, 1901. – 18 с.
8. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в 1902-1903 учебном году. С.-Петербург, 1902. – 19 с.
9. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в 1903-1904 учебном году. С.-Петербург, 1900. – 20 с.

10. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 и в весеннем полугодии 1916 года. Петроград, 1915. – 39 с.
11. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1916 и в весеннем полугодии 1917 года. Петроград, 1916. – 36 с.
12. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1917 и в весеннем полугодии 1918 года. Петроград, 1917. – 31 с.
13. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1914 и в весеннем полугодии 1915 года. С.-Петербург, 1914. – 41 с.
14. Скачков П.Е. Очерки истории русского Китаеведения / П.Е. Скачков; [Предисл. В.С. Мясникова]; АН СССР. Ин-т востоковедения. Ин-т Дальнего Востока. – Москва: Наука, 1977. - 505 с.
15. Точность – поэзия науки: Памяти Виктора Васильевича Петрова. Сборник статей. – СПб, 1992. – 328 с.
16. Лю Шаньшань. Си фан чуань цзяо ши янь чжун дэ «Шэн юй гуан сюнь» (刘珊珊. 西方传教士眼中的《圣谕广训》. 历史档案. 2015, № 2), – «Расширенные инструкции Священного эдикта» глазами западных проповедников. – Исторический архив, 2015. – № 2. – С. 96-103
17. Чжоу Чжэньхэ. Чан чжи юй цзю ань (周振鹤. 长治与久安. 三联书店(香港)有限公司, 2016), – Долговременный порядок и долгосрочная стабильность. – Гонконг: Саньянь шудянь (Сянган) юсянь гунсы, 2016. – 206с.

References

1. Gospodinu rektoru Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta. Predstavlenie dekana fakul'teta vostochnyh yazykov №1725. [O prisuzhdenii V.M. Alekseevu masterskoy stepeni], 22 noyabrya 1916 g. // OA SPbGU. – F.1. – Op. o/k 1917-41. –D.43. – L.94. [Elektronnyj resurs]. URL: http://history.museums.spbu.ru/files/Arhivnaya_kollekciya/43/43_46.pdf (data obrashcheniya 25.06.2020)
2. Dacyshen V. G. Izuchenie kitajskogo yazyka v Rossii (XVIII – nachalo XX vv.): Uchebnoe posobie / V.G.Dacyshen. – Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2011. — 214 s.
3. Dacyshen V.G. Izuchenie istorii Kitaya v Rossijskoj imperii: monografiya / V. G. Dacyshen. – Moskva: Prospekt, 2017. – 192 s.
4. Dissertacii studentov 1885 – 1916 // CGIA SPb. – F. 14. – Op. 8.
5. Istoriya Otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda. – M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1997. – 536 s.
6. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov v 1900-1901 uchebnom godu. S.-Peterburg, 1900. – 17 s.

7. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov v 1901-1902 uchebnom godu. S.-Peterburg, 1901. – 18 s.
8. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov v 1902-1903 uchebnom godu. S.-Peterburg, 1902. – 19 s.
9. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov v 1903-1904 uchebnom godu. S.-Peterburg, 1900. – 20 s.
10. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta v osennem polugodii 1915 i v vesennem polugodii 1916 goda. Petrograd, 1915. – 39 s.
11. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta v osennem polugodii 1916 i v vesennem polugodii 1917 goda. Petrograd, 1916. – 36 s.
12. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta v osennem polugodii 1917 i v vesennem polugodii 1918 goda. Petrograd, 1917. – 31 s.
13. Obozrenie prepodavaniya nauk po fakul'tetu vostochnyh yazykov Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta v osennem polugodii 1914 i v vesennem polugodii 1915 goda. S.-Peterburg, 1914. – 41 s.
14. Skachkov P.E. Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya / P.E. Skachkov; [Predisl. V.S. Myasnikova]; AN SSSR. In-t vostokovedeniya. In-t Dal'nego Vostoka. - Moskva: Nauka, 1977. - 505 s.
15. Tochnost' – poeziya nauki: Pamyati Viktora Vasil'evicha Petrova. Sbornik statej. – SPb, 1992. – 328 s.
16. Lyu SHan'shan'. Si fan chuan' czyao shi yan' chzhun de «SHen yuj guan syun'» (刘珊珊. 西方传教士眼中的《圣谕广训》. 历史档案. 2015, № 2), – «Rasshirennye instrukcii Svyashchennogo edikta» glazami zapadnyh propovednikov. – Istoricheskij arhiv, 2015. – № 2. – S. 96-103
17. Chzhou Chzhen'he. Chan chzhi yuj czyuan' (周振鹤. 长治与久安. 三联书店(香港)有限公司, 2016), – Dolgovremennyj porjadok i dolgosrochnaya stabil'nost'. – Gongkong: San'lyan' shudyan' (Syangan) yusyan' gunsy, 2016. – 206s.

Информация об авторе

Доцент, к.филол.н. **Митькина Евгения Иосифовна**

Санкт-Петербургский государственный университет

e.mitkina@spbu.ru

Information about Author

Associate Professor, Candidate of Philology, **Evgeniya I. Mitkina**

Saint-Petersburg State University

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

**«Протестантский буддизм», «креольская вера» и буддийский
модернизм. Концепции модернизации буддизма в работах
зарубежных буддологов последней трети XX века**

**"Protestant Buddhism", "Creole Faith", and Buddhist Modernism.
Concepts of modernization of Buddhism in the works of foreign
Buddhologists of the last third of the XX century**

Гунский Алексей Юрьевич

АНО «Институт Восточной культуры»

gunsky@inbox.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-55-73

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные концепции процесса адаптации буддизма к условиям современности. Проанализированы три основные концепции модернизации буддизма, принятые в западной буддологической литературе последней трети XX в. Концепция «буддийского модернизма», представленная в работах Х. Бехерта, выделяла главные черты процесса возрождения буддизма в постколониальных государствах Юго-Восточной Азии. Предложенная Г. Обейесекере концепция «протестантского буддизма» подчеркивала то обстоятельство, что модернизированный буддизм, выступая против западной колонизации и христианской миссии, одновременно ассимилировал многие ценности и организационные формы протестантизма. Ст. Протеро использовал понятие «креолизации» для обозначения той версии модернизированного буддизма, которая распространялась в странах Юго-Восточной Азии и на Западе Теософским обществом. «Креолизованный буддизм» в понимании Ст. Протеро предполагает использование

ABSTRACT

The article discusses the main concepts of the process of adapting Buddhism to conditions of Modern. The article analyzes three main concepts of modernization of Buddhism, accepted in the Western scientific literature of the last third of the XX century. The concept of "Buddhist modernism", presented in the works of H. Bechert, highlighted the main features of the process of Buddhist revival in the postcolonial States of Southeast Asia. Proposed G. Obeyesekere's concept of "Protestant Buddhism" emphasized the fact that modernized Buddhism, while opposing Western colonization and Christian mission, assimilated many of the values and organizational forms of Protestantism. St. Prothero used the term "creolization" to refer to the version of modernized Buddhism that was being propagated by the Theosophical society. "Creolized Buddhism" implies the use of Buddhist terminology while preserving the individualistic

буддийской терминологии при сохранении индивидуалистической системы ценностей либерального протестантизма. В заключение статьи кратко изложены основные идеи Д. МакМахана, позволяющие включить процесс модернизации буддизма в общий исторический контекст Нового Времени.

Ключевые слова и фразы: Буддизм, модернизация, модерн, креолизация, Олькотт, Теософское общество, буддийский катехизис, Хоми Бхабха.

Для цитирования: Гунский А.Ю. "Протестантский буддизм", «креольская вера» и буддийский модернизм. Концепции модернизации буддизма в работах зарубежных буддологов последней трети XX века. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 55-73

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИЮ ВОПРОСА

В научной и популярной литературе буддизм долгое время представлялся как некое особое учение, «научная» или «философская», а-теистическая религия, а иногда и не как религия вообще. В нем будто бы нет места предрассудкам и религиозному поклонению, он отрицает слепое подчинение авторитетам и совместим с современными демократическими ценностями, его учение основано не на догмах и вере, а на личном опыте, обретаемом в ходе глубокой медитативной практики.

В научной и популярной литературе буддизм долгое время представлялся как некое особое учение, «научная» или «философская», а-теистическая религия, а иногда и не как религия вообще. В нем будто бы нет места предрассудкам и религиозному поклонению, он отрицает слепое подчинение авторитетам и совместим с современными демократическими ценностями, его учение основано не на догмах

value system of liberal Protestantism. In conclusion, the article briefly outlines the main ideas of D. McMahan, which make it possible to include the process of modernization of Buddhism in the general historical context of Modern.

Keywords: Buddhism, modernization, Modern, creolization, Olcott, Theosophical society, Buddhist catechism, Homi Bhabha.

For citation: Gunsky, A. Y. "Protestant Buddhism", "Creole faith" and Buddhist modernism. Concepts of modernization of Buddhism in the works of western buddhologists of the last third of the XX century. Modern oriental studies. 2021; 3(1). 55-73

и вере, а на личном опыте, обретаемом в ходе глубокой медитативной практики.

Такой несколько идеалистичный взгляд на буддизм в научных кругах в последней четверти XX в. стал постепенно меняться. Это было вызвано как полевыми исследованиями, прежде всего в странах Юго-Восточной Азии, так и переосмыслением научных установок востоковедов после выхода в 1978 г. известного исследования Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока». Безусловно, на процесс переосмысления оказало влияние и общее накопление знаний о буддийских авторах, текстах и практиках.

Постепенно возникло понимание, что современный образ буддизма был сформирован в ходе модернизации стран Азии, вызванной колониальным движением западных стран на восток, и этот образ в значительной степени отличается от того, что буддизм означал для миллионов жителей Азии на протяжении многих столетий.

Начало научного изучения процессов модернизации буддизма было положено немецким ученым Х. Бехертом в конце 1960-х гг. Рассматривая возрождение буддизма в постколониальных обществах южноазиатских стран, он в фундаментальном труде «Buddhismus, Staat und Gesellschaft in den Landern des Theravada-Buddhismus» [16] и в последующих статьях сформулировал 12 характерных особенностей буддийского модернизма: 1) стремление к независимому (вне традиционных толкований) пониманию буддийского учения, опирающемуся преимущественно на ранние тексты; 2) «демифологизация» буддизма (то есть символическая интерпретация традиционной космологии); 3) определение буддизма как «научной религии»; 4) акцентирование на том, что буддизм представляет собой скорее философию, чем веру или религию; 5) определение буддизма как «религии оптимизма» в противовес западному пониманию буддизма как «пессимизма»; 6) выделение в качестве важнейшей черты буддийского образа жизни активность в личной и общественной жизни; 7) усиление значимости «социальной работы» в обществе; 8) утверждение, что буддизм включает в себя социальную философию, понимаемую как философию равенства; 9) представление о том, что буддийское общество должно быть демократическим; 10) появление буддийского национализма; 11) тенденция современных буддистов к переписыванию истории в соответствии с собственной интерпретацией; 12) возрождение и популяризация буддийской медитации как важнейшей составляющей буддийской религиозной практики [36, 213].

Антрополог из Шри Ланки Гананатх Обейесекере в статье 1970 г. «Religious Symbolism and Political Change in Ceylon» ввёл в научный оборот термин «протестантский буддизм» [23]. Данное понятие подчеркивало христианское влияние на модернизированные формы сингальского буддизма и предполагало, что модернизированный буддизм, выступая против западной колонизации и христианской миссии, одновременно ассимилировал многие ценности и организационные формы протестантства [23, 46–47].

Колониальное продвижение западных стран сопровождалось формированием комплекса академических и идеологических концептов, получивших название «ориентализм»; сам термин «буддизм» возник в работах европейских ученых на рубеже XVIII–XIX вв. [18, 7]. Мыслители буддийского возрождения в своих построениях неизбежно должны были принимать, трансформировать либо отвергать западные ориенталистские теории. Понимание процесса адаптации буддизма к условиям современности невозможно без знания того представления о буддизме, которое формировалось в Новое время на Западе. В связи с этим важной вехой на пути изучения буддийского модернизма стал выход в 1988 г. исследования Ф. Олмонда «The British Discovery of Buddhism», посвященного формированию образа буддизма в викторианской Англии [14]. Несколько позднее появилось исследование Т. Твида «The American encounter with Buddhism, 1844–1912: Victorian culture and the limits of dissent», рассматривающее аналогичный процесс в США [35].

Начиная со второй половины 1990-х гг. количество исследований по различным аспектам процесса модернизации буддизма неуклонно возрастало. В 2008 г. вышла книга Д. МакМахана «The making of Buddhist modernism», с одной стороны в какой-то степени подводящая итоги предыдущих работ, а с другой — во многом определившая направление дальнейших исследований в этой области [22]. В целом сегодня изучение буддийского модернизма можно рассматривать как отдельное сформировавшееся направление исследований в зарубежной буддологии.

Необходимо отметить, что в отечественной буддологической литературе процессы модернизации буддизма пока не получили достаточного освещения, несмотря на наличие и постепенный рост количества публикаций в этой области.

Одним из первых отечественных исследователей, затрагивавших вопросы модернизации буддизма в странах Юго-Восточной Азии, был В.И. Корнев. В работах «Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии» [7] и «Буддизм и общество в странах Юго-Восточной Азии» [8] он пытался обосновать наличие единой религиозной системы буддизма, основываясь на интерпретации числовой символики буддийских текстов. К достоинствам его подхода можно отнести внимание к религиозным элементам в буддизме — космологическим построениям, ритуалу, культуре, роли религиозных заслуг в буддийской практике. Он писал: «Основное различие между классической буддологией и религиозоведением

заключается в отношении к сверхъестественному в буддизме: для религиоведа признание наличия сверхъестественного является главным признаком религии и религиозного сознания, а сторонник классической буддологии замалчивает, не замечает наличия сверхъестественного, составляющего суть учения и практики буддизма, или же пытается выдать сверхъестественное за условную символику, иначе ему трудно обосновать тезис о том, что учение буддизма является всеобъемлющей философией» [8, 16]. Говоря о процессах модернизации буддизма, или «буддийском возрождении»¹, В.И. Корнев справедливо указывал на их связь с ростом национализма и национально-освободительным движением в странах ЮВА, отмечал ведущую роль местной вестернизированной интеллигенции в этом движении. Кроме того, он писал о религиозной реформации в странах Юго-Восточной Азии в XIX в., которая заключалась в ревизии вероучения по текстам палийского канона, что во многом было связано с воздействием западной буддологии [8, 168–176].

В вышедшей в 1994 г. книге В.Г. Лысенко «Ранняя буддийская философия» [9] представлен обширный историографический очерк отечественной и мировой буддологии. Для наших целей особый интерес представляет первая глава, в которой проведен анализ методологических установок западных и отечественных буддологов и философов XIX — первой половины XX в., времени, когда проходило активное формирование идей буддийского модернизма.

¹ Термином «возрождение» (revival) часто называют модернизационные процессы в буддизме стран Юго-Восточной Азии XIX в., по аналогии с движениями христианского «возрождения» или «пробуждения» (revival или awakening) в США.

Интерес к процессам адаптации буддизма к условиям современности стал стабильно нарастать в последнее десятилетие. Можно отметить значительное число публикаций по данной теме исследователя из Калмыкии М.С. Уланова ([13] и др.). В отдельных статьях рассматривались конкретные примеры модернизационных и культурно-обусловленных подходов к учению буддизма отдельных буддологов и буддийских мыслителей. Так, В.М. Гришин показал, что идеализированный образ буддизма, представленный в известной и очень влиятельной работе немецкого буддолога Э. Конзе «Буддизм: сущность и развитие», первое издание которой вышло в 1951 г.², был обусловлен неприятием духовных ценностей западного либерального общества середины ХХ в. [3]. Нами были рассмотрены методы Д.Т. Судзуки, который интерпретировал учение традиционного японского Син-буддизма, используя западные категории «религиозного опыта», «мистицизма» и введенного им понятия «японской духовности» [4]. На наш взгляд, как определенную веху в отечественных исследованиях модернизации буддизма следует отметить недавний тематический выпуск журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Тибето-монгольский буддизм: новые траектории в ХХ–ХХІ вв.» [2], посвященный адаптации тибетско-монгольского буддизма к условиям современности.

Вместе с тем, в настоящее время в отечественной буддологии изучение процессов модернизации буддизма еще не сформировалось в отдельное направление исследований и пред-

ставлено только разрозненными публикациями. В связи с этим, нам представляется актуальным рассмотрение основных идей и работ западных авторов, работающих в этой области. В данной статье мы остановимся на тех концепциях модернизации, которые выработаны в последней трети ХХ в. и связаны в основном с понятием «протестантского буддизма», а также кратко обозначим подходы, возникшие в начале ХХІ в.

«ПРОТЕСТАНТСКИЙ БУДДИЗМ» И «КРЕОЛЬСКАЯ ВЕРА» В РАБОТАХ ГАНАНАТХА ОБЕЙЕСЕКЕРЕ И СТЕФЕНА ПРОТЕРО

Гананатх Обейесекере использовал понятие «протестантский буддизм», во многом опираясь на деятельность по возрождению буддизма на Цейлоне, которую в 1880-х гг. вело Теософское Общество, возглавляемое Г. Олькоттом. В частности, Обейесекере подчеркнул ту роль, которую сыграл в этом процессе написанный Олькоттом «Буддийский катехизис» [24, 25]. В нем буддизм был представлен как рациональная научная религия, чей путь к спасению основывался на соблюдении этических норм, без нужды в Боге или божественном откровении. «Буддийский катехизис» выдержал множество переизданий и длительное время использовался в обучении в буддийских школах на Цейлоне, значительная часть которых также была основана и поддерживалась Теософским обществом. Эти школы были сформированы по образцам христианских миссионерских школ, начиная от изучаемой программы до проведения соревнований по крикету, лишь в их названиях вместо христианских имен использовались буддийские. В процессе обучения происходило

² На русском языке эта работа была издана в 2003 г. [6].

проникновение викторианско-протестантских ценностей в культуру местной образованной элиты, которая пришла к власти после обретения Цейлоном независимости. Заимствовались также и организационные формы, различные буддийские объединения моделировались по христианским образцам: союзы буддийской молодежи, буддийские воскресные школы и т.д. [23, 46].

К началу 1990-х гг. термин «протестантский буддизм» получил признание в научных кругах; см. напр.: [17], [19], [20]. Однако со временем стали высказываться мнения об односторонности данного понятия и необходимости его уточнения. Важное значение в этом отношении имела работа американского исследователя Ст. Протеро «The White Buddhist. The Asian Odyssey of Henry Steel Olcott» [28]. В ней была подробно рассмотрена деятельность Г. Олькотта. Кроме того, применительно к теме «протестантского буддизма» Ст. Протеро ранее опубликовал отдельную статью [27].

Полковник Генри Олькотт (1832–1907) был довольно необычным человеком, хотя в чем-то и типичным для своего времени. Как пишет Протеро, «если главным отличительным свойством людей эпохи модерна была способность вынашивать самые гордые мечты и беспощадно работать для их воплощения, то полковник Олькотт был одним из самых гордых мечтателей и самых беспощадных работников того времени» [28, 180]. В течение жизни Олькотт был сельскохозяйственным предпринима-

телем, журналистом, харизматическим целителем, участником Гражданской войны, одним из чиновников федерального правительства, проводивших расследование убийства президента Линкольна, первым президентом Теософского общества. В своем религиозном поиске он прошел путь от пресвитерианства через спиритуализм к теософии и буддизму. Он не только мечтал о «Едином буддийском мире» и «Универсальном Братстве Человечества», но и прилагал огромные усилия, чтобы они воплотились в истории [28, 180].

Книга Протеро, по сути, является первой научной биографией Олькотта, но для наших целей основной интерес представляет рассмотрение его деятельности по возрождению буддизма на Цейлоне. До конца XIX в. здесь достаточно успешно работала христианская миссия, и постепенно формирующийся на Цейлоне средний класс был во многом вестернизирован. Тем не менее уже в 1820-х гг. христианская миссия сталкивается со всё возрастающим сопротивлением местного буддийского духовенства и активных мирян, особенно усилившимся в 1860-х гг. с появлением буддийской прессы. Прибытие на Цейлон в 1880 г. основателей Теософского Общества, Г. Олькотта и Е.П. Блаватской³, дало мощный толчок уже начавшемуся процессу буддийского возрождения и перевело его на качественно иной уровень, что признавали современники этих событий. В частности, об этом писал Анагарика Дхармапала, воспитанник Теософского Общества, позднее

³ Г. Олькотт и Е.П. Блаватская в 1875 г. основали в Теософское общество в Нью-Йорке. В 1878 г. они приехали в Индию, и организовали штаб-квартиру Теософского общества в Индии в местечке Адьяр, пригороде Мадраса. В 1880 г. Олькотт и Блаватская совершили свою первую поездку на Цейлон, где прошли обряд принятия буддийского прибежища и стали первыми американцами не-азиатского происхождения, публично перешедшими в буддизм [27, 284].

ставший главным деятелем движения за национальную независимость и буддийское возрождение на Цейлоне [28, 284]. До своей смерти в 1907 г. полковник Олькотт более тридцати раз побывал на Цейлоне, основал там Буддийское Теософское Общество и значительное количество буддийских школ разного уровня (в том числе воскресные), часть из которых существует и в настоящее время. Будучи талантливым оратором, он постоянно выступал с публичными лекциями, пропагандируя буддизм, кроме того, много писал и издавал периодику. Один из эпизодов его деятельности включал официальное посредничество между буддийскими организациями и британским правительством для улаживания конфликта между буддистами и католиками 1883 г. [28, 284–285].

В теоретическом плане наибольший интерес представляет концепция «креолизации», предложенная Ст. Протеро. В лингвистике термин «креольские языки» обозначает группу языков, возникших в странах Карибского бассейна во времена колониального освоения этого региона европейцами. Так, гаитянский креольский язык формировался в условиях, когда рабы, вывезенные из различных районов Западной Африки, жили и работали на плантациях, владельцами которых были франкоговорящие европейцы. Возникающий в подобных условиях креольский язык комбинировал различные элементы африканских и европейских языков, однако не хаотично, а в соответствии с определенной закономерностью. Словарный запас по большей части заимствовался из господствующего языка, языка-лексификатора (в данном случае французского), но грамматика, синтаксис, морфология, сохраняли структу-

ру языка-субстрата, в данном случае западноафриканских языков. Кроме того, происходило общее упрощение грамматических форм. Постепенно термин из области лингвистики стал использоваться антропологами и историками культуры при исследовании других культурных явлений, возникавших в условиях колониального господства, в частности, негритянской культуры в южных штатах США [28, 8].

Протеро использовал понятие «креолизации» для характеристики того варианта буддизма, которого придерживался полковник Олькотт. Как правило, в зрелые годы жизни Олькотт определял свою веру как «чистый первоначальный буддизм», но его понимание буддизма было достаточно своеобразным. Олькотт исключал из «первоначального буддизма» те элементы традиции, которые считал неприемлемыми, и без колебаний включал в него небуддийские элементы, без которых, как он считал, не может существовать ни одна подлинная религия. Эти элементы были по большей части заимствованы из его протестантского прошлого [28, 5]. Таким образом, «креольская вера» Олькотта сочетала элементы протестантства и буддизма, причем «лексикон» почти полностью был буддийским, а «грамматика», способ мышления и действий по большей части оставались протестантскими. Как замечает Протеро, при первом взгляде полковник Олькотт выглядит как убежденный буддийский апологет, однако более внимательное исследование открывает его как протестантского миссионера [28, 9]. Деятельность Олькотта являлась зеркальным отражением деятельности крайне нелюбимых им христианских миссионеров. Как и они, он создавал

и распространял катехизисы — краткие изложения вероисповедания, способствовал переводам священных текстов на разговорные языки, основывал воскресные школы и другие образовательные учреждения, создавал организации буддийской молодёжи, писал и издавал популярные работы и периодику, проводил массовые мероприятия на открытом воздухе, собирал своих последователей в общины. В сущности, Олькотт действовал как культурный посредник, с одной стороны, делая азиатские религии приемлемыми для американского общества, с другой — способствуя распространению протестантских ценностей по миру [28, 9].

Протеро определил источники, повлиявшие на формирование мировоззрения Олькотта, и прежде всего уточнил содержание «протестантства» применительно к «протестантскому буддизму». Обейесекере, вводя этот термин, в основном подразумевал классическое протестантство XVI–XVII вв., проанализированное в работах Макса Вебера. В частности, Обейесекере видел в Анагарике Дхармапале (воспитаннике Олькотта, разошедшемся с ним позднее) характерный пример «мирского аскетизма», описанного применительно к раннему кальвинизму. Анагарика Дхармапала отказался от семейной жизни и посвятил себя деятельности по возрождению буддизма, однако монашеские обеты не принял. Сам термин «анагарика» означал «бездомный» — это своего рода «чин», неизвестный ранее в сингальском буддизме [23, 52–58]. Протеро же справедливо отметил, что протестантство, носителем которого был полковник Олькотт, не было классическим пуританством XVII в., а являлось англо-американским либеральным протестантством XIX в.

Протеро определил три составляющие, повлиявшие на становление «креольской веры» Олькотта. Это либеральное протестантство, установки западных ученых-ориенталистов, таких как Макс Мюллер и Т. Рис-Дэвидс, и особенности менталитета нью-йоркского среднего класса, интеллигенции и предпринимателей, того социального слоя, к которому сам Олькотт во многом принадлежал (Протеро называет его «джентри») [27, 286].

Применительно к либеральному протестантству Протеро выделил такие черты как эволюционизм, вера в прогресс, имманентизм — представление о том, что высшая духовная сила представлена в природе, культуре и человечестве в целом, соединенное с убеждением, что «Царство Бога» следует строить здесь, в этой реальности. Они повлияли на мировоззрение Олькотта в не меньшей степени, чем классические черты протестантства, такие как рационализм, отрицание посреднической роли священства, мирской аскетизм [27, 286].

Нью-Йоркский средний класс того времени состоял из людей, добившихся положения и успеха собственными усилиями. Культура этого слоя парадоксальным образом сочетала черты элитарности и демократичности. Она включала две основные установки: согласно первой, массы должны прилагать усилия, чтобы выйти из состояния невежества, согласно второй, обязанность интеллектуальной элиты — нести культуру и цивилизацию в народ. Отсюда же проистекало стремление к социальным реформам. Эти черты в полной мере проявились в образе мыслей и действиях Олькотта. Хотя первоначальной целью своего путешествия

в Азию он видел обучение у возвышенных мудрецов Востока, очень быстро он сам превратился в учителя и миссионера, и в своих выступлениях, сочинениях и практической деятельности неустанно пропагандировал ценности цивилизованного буржуазного общества: ответственность, умеренность, трудолюбие [27, 290].

Как представитель американского среднего класса, полковник Олькотт ставил на первое место умение полагаться на себя, стремление добиваться цели собственными усилиями. При этом Олькотт проповедовал, что опора человека на собственные силы есть древняя мудрость, завещанная мудрецами Востока — как Буддой, так и создателями ведийской религии [27, 290-291]. Еще одна характерная черта проповедей и сочинений Олькотта — пропаганда морали и цивилизованного поведения. Наряду с «Буддийским катехизисом», призванным искоренить невежество народных масс Азии относительно содержания их собственной религии, Олькотт написал ряд руководств по морали, в том числе «Золотые правила буддизма» [26]⁴. Значительное место он уделял борьбе за трезвость в Индии и на Цейлоне [27, 291-292].

В качестве третьего источника «креольского буддизма» полковника Олькотта Протеро выделяет представления западных ученых-ориенталистов, которые превратили «Ориент» в поле академических исследований и работы которых полковник Олькотт хорошо знал. При рассмотрении восточных религий

ученые исходили из четырех основных установок. Первую из них составлял фактор «примитивности» или «первоначальности», в соответствии с которым первоначальная, более древняя форма религии отождествлялась с сущностью данной религии. Согласно «текстовой установке», в качестве наиболее авторитетного источника для изучения религии принимались религиозные писания. Согласно «моралисткой установке», религия определялась, прежде всего, в терминах морали. И наконец, существовала «культурная установка», согласно которой восточные люди если и не оценивались как «язычники» или «идолопоклонники» (что было характерно для миссионеров), всё же рассматривались как своего рода «меньшие братья», по менталитету и привычкам уступающие людям цивилизованного Запада [27, 293-294].

Буддологи XIX в. принимали исходный, «примитивный» буддизм как «сущностный», и он определялся по учениям, содержащимся в самых ранних палийских суттах. Следуя такому подходу, Олькотт рассматривал современные ему буддизм и индуизм как огрубелые, выхолощенные формы изначальных учений. Эта теория упадка и вырождения позволяла Олькотту восхвалять восточные религии в их благородной «первоначальной» форме и одновременно критиковать их современное плачевное состояние, а также оправдывала его собственную деятельность по реконструкции и возрождению «подлинного буддизма» [27, 294-295].

⁴ Как и «Буддийский катехизис», «Золотые правила буддизма» предназначались для обучения молодых сингалов. Это компиляция из переводов буддийских текстов, выполненных западными ориенталистами. Во вступлении Олькотт пишет, что он составил эту небольшую подборку моральных правил в связи с тем, что даже среди взрослых сингальских буддистов процветает невежество относительно этического кодекса их собственной религии. Как и «Буддийский катехизис», «Золотые правила» получили одобрение одного из самых авторитетных сингальских монахов Хикаддуве Сумангала.

Протеро подробно анализирует «Буддийский катехизис», написанный по образцам христианских катехизисов, кратко излагающих суть учения и использовавшихся в миссионерских школах. «Буддийский катехизис» также предназначался для преподавания в буддийских общеобразовательных и воскресных школах. Он выдержал свыше сорока изданий и был переведен более чем на двадцать языков (включая японский и русский)⁵. Первое издание вышло 24 июля 1881 г., одновременно на английском и сингальском языке. «Катехизис» был проверен и одобрен к изданию авторитетным сингальским монахом Хиккадуве Сумангала. В целом «Буддийский катехизис» полковника Олькотта может рассматриваться как характерный пример «текстуализации буддизма», связанной с работами европейских ученых⁶.

«Буддийский катехизис», как и христианские катехизисы, был построен в форме вопросов и ответов. Первое издание содержало 153 кратких вопроса и ответа, позднее «Катехизис» был расширен и разделен на пять разделов.

Три из них соответствуют традиционному буддийскому делению на «три сокровища» — Будда, Дхарма и Сангха; четвертый кратко освещает историю буддизма, пятый раздел, «Буддизм и наука», посвящен доказательству научности буддийского учения. В качестве приложения к «Катехизису» были добавлен текст «четырнадцати базовых буддийских учений», сформулированных Олькоттом — широкой экуменической платформы, на основании которой планировалось объединение Южного и Северного буддизма⁷.

В начале «Катехизиса» буддизм определялся как свод учений, обнародованный великой личностью, известной под именем «Будда», а исповедующий эти учения принимал имя «буддиста», приверженца религии «буддизма» (хотя в примечании и оговаривалось, что буддизм скорее является нравственной философией, а не религией)⁸. Тем самым буддийская традиция становилась одной из «религий» среди многих, и эта религия сводилась к учению, преподанному Буддой. В типично

⁵ Первый русский перевод был издан в журнале «Русская мысль» [10]. Этот перевод был выполнен с первого, более краткого издания. Русский перевод расширенного издания вышел в «Вестнике теософии» в 2013 г. [11].

⁶ Издание «Буддийского катехизиса» Олькотта привело к появлению ряда аналогичных работ, например: [32] (здесь под псевдонимом Субхадра Бхикшу скрывался немецкий буддолог Фридрих Циммерман, 1857–1917). Эта книга выдержала множество переизданий, а в 1920 г. была переведена на английский язык [33]. Подобные работы издавались и в Японии, в качестве примера можно привести построенную в форме вопросов и ответов работу одного из наставников японской школы Дзёдо Синсю Нисимото Рюкэн «Сто вопросов о школе Син» (Синсю хякува). Она была переведена на английский язык и опубликована в 1912 г. в трудах «Азиатского общества Японии» («Asiatic Society of Japan») под названием «A Catechism of the Shin Sect (Buddism)», а позднее вышла отдельным изданием [29]. К числу подобных работ можно отнести брошюру Синто Курода «Outlines of the Mahayana Buddhism as Taught by Buddha» [21], изданную в Японии в 1893 г. в связи с участием японской делегации в 1-м Всемирном Парламенте религий в Чикаго и предназначенную для распространения среди публики и участников Парламента. Она в краткой форме (хотя и не в виде вопросов и ответов) содержит изложение самых существенных принципов буддизма махаяны, которые, как следует из названия, были преподаны самим Буддой. Данная работа получила известность на Западе, поскольку вскоре была переиздана и распространялась Теософским обществом. См.: [31, 202].

⁷ Хотя проект Олькотта по созданию «Международной буддийской лиги» не состоялся, ему удалось собрать под списком своих «четырнадцати учений» подписи многих ведущих буддийских деятелей как в странах Юго-Восточной Азии, так и в Японии.

протестантском духе буддийский ритуал маргинализировался как внешний по отношению к традиции, а авторитетность учения определялась близостью к исходной форме [28, 102].

В тексте «Катехизиса» буддизм в значительной степени определялся в противопоставлении христианству. Рассматривались вопросы о том, является ли Будда Богом (п. 9) или Спасителем (п. 164), нирвана раем (п. 132), является ли буддийский канон боговдохновенным (п. 164), был ли мир сотворен Буддой из ничего (п. 337), существует ли бессмертная душа (п. 229), отправляются ли неверующие в ад (п. 223) и т.д. Часть вопросов очевидным образом отвечала на миссионерскую критику буддизма: отрицалась пассивность буддизма (п. 148), идолопоклонство (пп. 179–182), амулеты, заклинания, астрологические гадания, демонические танцы (п. 186), обрядность (п. 184) и т.д. В целом сочинение Олькотта соответствовало стандартным миссионерским памфлетам, которые определяли и превозносили одну религию в свете другой. Буддизм в отличие от христианства на своем историческом пути не запятнал себя жестокостями и преступлениями; в представлении Олькотта буддизм был религией благородной терпимости, всеобщего братства без каких-либо следов эгоизма, сектантства и нетерпимости.

«Буддийский катехизис» может рассматриваться как характерный образец «креольской веры» полковника Олькотта. Пользуясь терминологией Протеро, можно сказать, что лексикон этого «креольского» катехизиса был буддийским, его грамматика или внутренняя структура — протестантской, кроме того, он имел явный теософский акцент [28, 69]. Это акцент более всего выражен в разделе «Буддизм и наука». Здесь буддизм прямо провозглашался научной религией, поощряющей образование и научные исследования. В качестве одного из главных доказательств приводилась ссылка на «Калама-сутту» из палийского канона, в которой Будда призывал не верить в какие-либо утверждения без критической проверки с помощью разума и личного исследования (пп. 325–326, также пп. 195–196)⁹. Космологическое учение буддизма рассматривалось как соответствующее теории эволюции (п. 327). Однако основное место в этом разделе занимала «окультурная наука» в теософском понимании. Так, ореол, окружающий Будду и буддийских «святых» на статуях и прочих изображениях, рассматривался как человеческая аура, существование которой якобы было доказано в то время европейской наукой (пп. 334–348); чудеса, описанные в буддийских текстах, объяснялись силой гипнотического воздействия и развитием естественных способностей человека и т.д.

⁸ Здесь и далее мы используем текст более поздних изданий «Буддийского катехизиса». расширенных и систематизированных; при цитировании мы в основном ориентируемся на текст русского перевода [11].

⁹ «Калама-сутта» - небольшая сутта, входящая в состав «Ангуттара-никаи», одного из разделов палийского канона. Слова Будды в этой сутте обращены не к его ученикам, а к последователям конкурирующего проповедника. Неясно, какую роль играла эта сутта в традиционном буддизме тхеравады, но она стала очень популярной в ХХ в. Текст «Калама-сутты» стал одним из главнейших аргументов в доказательстве «научности» буддизма. Как пишет А.С. Агаджанян, «Современные реформаторы... с помощью этого текста (и некоторых схожих с ним по духу) пытались обосновать “рациональность и научность” буддизма, чтобы освободить собственное мышление» [1].

Надо, отметить, что приверженность Олькотта теософии позднее послужила причиной неудач многих его проектов. В основе теософии лежит один из вариантов «вечной философии», *philosophia perennis*. Согласно этому учению, за множеством религий лежит извечная эзотерическая традиция, которая в той или иной мере проявляется в каждой из них. Исходя из этого Олькотт исповедовал единство всех религий, в той или иной мере обладающих истиной, в то время как деятели буддийского возрождения, как и деятели «индийского ренессанса» XIX в., с которыми Олькотт также тесно сотрудничал, ставили на первое место свои национальные традиции. Для буддистов Олькотт был слишком индуистом, для индуистов — слишком привержен учению Будды, и это обстоятельство привело его в итоге к разрыву и с теми, и с другими.

В целом исследование Ст. Протеро представляется нам важным в нескольких отношениях. Прежде всего, его работа освещает один из малоизвестных эпизодов раннего периода буддийской модернизации и показывает механизмы, с помощью которых буддизм адаптировался к новым условиям. Представляется удачным и понятие «креолизации», примененное к анализу веры Г. Олькотта. Кроме того, Протеро поставил под сомнение как слишком узкий и недостаточно точный термин «протестантский буддизм», используемый для характеристики модернизированного буддизма, и выделил другие

составляющие западной культуры XIX в., помимо протестантизма, оказавшие влияние на методы адаптации буддизма к условиям современности. Подходы Протеро были уточнены и развиты в дальнейших работах, посвященных исследованию буддийского модернизма.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. БУДДИЙСКИЙ МОДЕРНИЗМ В ОБЩЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Таким образом, к концу XX в. исследователи осознали ограниченность понятия «протестантский буддизм» и продолжили поиск новых терминов и концепций. Здесь нам хотелось бы кратко сказать об уже упомянутой работе Д. МакМахана [22], хотя хронологически она выходит за рамки нашего обзора. Мы отметим только несколько теоретических предпосылок, лежащих в ее основе, и помогающих понять общую историческую перспективу процесса модернизации буддизма. МакМахан определяет «модерн» как постепенно формирующийся социальный и интеллектуальный мир, который берет начало в Реформации, научной революции, европейском Просвещении, романтизме и его наследниках и продолжается вплоть до наших дней [22, 9]. МакМахан использует идеи канадского культуролога Чарльза Тейлора¹⁰, высказанные им в работе «Sources of Self: The Making of Modern Identity» [34]. Здесь Тейлор объединил ключевые элементы модерна в три большие области или группы, которые МакМахан

¹⁰ Чарльз Тейлор является достаточно плодовитым автором, но на русский язык до сих пор переведена только одна его работа «Секулярный век» [12]. Тейлор известен исследованиями в области процесса секуляризации западной культуры в эпоху Нового времени, и одно из серьезных замечаний, высказанных к работе МакМахана, состоит в том, что он не использует понятия «секулярного». Таким образом, МакМахан ориентируется на идеи Тейлора относительно изменений в мировоззрении, произошедших при переходе западной цивилизации от пре-модерна к модерну, но не использует важную для Тейлора тему секуляризации, хотя она вполне могла бы быть использована при исследовании буддийского модернизма [30, 83]

называет «дискурсами» и которые повлияли на становление буддийского модернизма: «западный монотеизм», «рационализм и научный натурализм» и «романтический экспрессивизм» [34, 10]. Кроме того, во всех этих дискурсах так или иначе отражаются две важнейшие темы модерна: во-первых, придание смысла повседневной жизни в этом мире, и, во-вторых, открытие внутренней глубины человека, сопровождаемое ростом саморефлексии и самоконтроля, то, что часто называют «поворотом к субъекту» [22, 13].

МакМахан показывает, как буддийский модернизм взаимодействовал с этими тенденциями, искал и предлагал свои решения в поле напряжения, которое существовало между «дискурсами модерна». В частности, особое значение МакМахан придает двум из них – научному рационализму и противостоящему ему романтическому «экспрессивизму», сопротивляющемуся рационализации и механизации человеческого существования [22, 13]. Естественно, при таком подходе МакМахан отказывается от термина «протестантский буддизм» как слишком неточного и возвращается к предложенному еще Х. Бехертом широкому термину «буддийский модернизм». МакМахан рассматривает буддийский модернизм как «форму буддизма, возникшую в результате взаимодействия с доминирующими культурными и интеллектуальными силами современности» [22, 6].

Еще один важный момент в работе МакМахана — использование понятия «гибридности», введенного теоретиком постколониальных исследований Хоми К. Бхабха (Homi K.

Bhabha)¹¹. Гибридность — термин, применяемый Х. Бхабха для характеристики специфических культурных объектов, возникающих на стыке колониальной (европейской, глобальной) и местной традиций. Оно во многом связано с понятием «ориентализма», используемым Эвардом Саидом. Ориентализм формирует дискурс, посредством которого европейская культура определяет себя и формирует свою позицию превосходства по отношению к восточному «Другому». Но если для Саида колониальная власть и колониальный дискурс находятся под полным контролем колонизатора, то для Бхабха они строятся на более сложных отношениях взаимозависимости. Бхабха утверждает, что в колониальном дискурсе имеет место не одностороннее навязывание, а отношения, в которых не только колонизаторы, но и колонизованные являются активными агентами [5, 112]. Гибридные явления возникают в условиях колониального доминирования, когда колонизируемые имитируют культурные формы доминирующей власти, при этом часто в той или иной форме обращая их против колонизаторов (мы затрагивали такие явления при описании ситуации на Цейлоне). Как пишет МакМахан, буддийский модернизм родился не в обстановке взаимного уважения, культурных обменов и открытого экуменического диалога, а в обстановке соперничества, кризиса и колониального насилия. Кроме того, из-за разнообразия исторических условий и гибриды буддийского модернизма принимали различные формы [22, 20]. Одно из определений модернизированного буддизма у МакМахана звучит так: «Это современная гибридная традиция,

¹¹ В частности, МакМахан ссылается на одну из самых известных его работ «The Location of Culture» [15].

которая коренится в европейском Просвещении, как и в просветлении Будды, в романтизме и трансцендентализме, как и в палийском каноне, и в столкновении азиатских культур и колониальной власти также, как во «осознанности (mindfulness)» и медитации» [22, 5]. МакМахан отрицает, что современный модернизированный буддизм является просто западным явлением или проекцией западных представлений; он был создан усилиями как мыслителей из стран Азии, так и европейцами и американцами [22, 6].

Далее МакМахан рассматривает некоторые темы, считающиеся самоочевидными в современной буддологической литературе, и, возвращаясь во времени назад, находит истоки этих представлений в работах видных представителей буддийского модернизма конца XIX – начала XX в., времени формулирования основных идей этого направления¹². Результаты выглядят интересными и убедительными, и теоретические подходы МакМахана, на наш взгляд, позволяют говорить о том, что изучение процессов адаптации буддизма к условиям современности состоялось как самостоятельное научное направление.

Литература

1. Агаджанян, 1983 – Агаджанян, А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – Электронный ресурс: <https://webshus.ru/20576> (дата обращения 12.08.20).
2. Государство, 2020 – Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Тибето-монгольский буддизм: новые траектории в XX–XXI вв. М., 2020. №1 (38).
3. Гришин, 2016 – Гришин, М.В. Взгляд на модернистскую культуру Запада в контексте буддизма: Э. Конзе и Ю. Эвола // Вестник МГУКИ. 2016. № 2 (70). С.35–40.
4. Гунский, 2019 – Гунский А.Ю. Интерпретация учения Синрана и школы Син в работах Д.Т. Судзуки // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2 (48). С. 117–126.
5. Дробышева, 2010 – Дробышева, Е.П. Культуры, нации и идентичности в ситуации «политического антагонизма и неравенства» // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2010. № 1(3). Т. 2. С. 110–116.
6. Конзе, 2003 – Конзе, Эдвард. Буддизм: сущность и развитие. СПб.: Наука, 2003.
7. Корнев, 1983 – Корнев, В.И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М.: Наука, 1983.
8. Корнев, 1987 – Корнев, В.И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1987.

¹² Главными фигурами этого периода МакМахан считает Г. Олькотта, П. Каруса, Анагарику Дхармапалу, Сяку Соэна и Д.Т. Судзуки.

9. Лысенко, 1994 – Лысенко, В.Г. А.А. Терентьев, В.К. Шохин. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994.
10. Олькотт, 1887 – Олькотт Г. Буддийский катехизис / пер. Петрункевич А.С. // Русская мысль. Год восьмой. Август. М.: Типо-Литографии И.Н. Кушнерева и К°. 1887. С. 18–35.
11. Олькотт, 2013 – Олькотт Г, Генри С. Буддийский катехизис // Вестник теософии. 2013. №11. С. 2–22.
12. Тейлор, 2017 – Тейлор Ч., Чарльз. Секулярный век / пер. с англ.: Алексей Васильев (введ., гл. 1–11), Леонид Колкер (гл. 15–20, эпилог), Андрей Лукьянов (гл. 12–14); под ред. Алексея Бодрова. (Сер. «Философия и богословие»). М.: ББИ, 2017.
13. Уланов, 2016 – Уланов, М.С. Специфика современной модернизации буддизма (на примере Бурятии и Калмыкии) // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы): Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. с международным участием. Элиста; 2016. С. 157–160.
14. Almond, 1988 – Almond, Philip C. The British Discovery of Buddhism. Cambridge University Press. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1988.
15. Bhabha, 1994 – Bhabha, Homi. The Location of Culture. London: Routledge, 1994.
16. Bechert, 1967–1973 – Bechert, Heinz. Buddhismus, Staat und Gesellschaft in den Ländern des Theravada-Buddhismus (3 vols: I Frankfurt-Hamburg, 1966; II and III Wiesbaden, 1967–73).
17. Bond, 1988 – Bond, George D. The Buddhist Revival in Sri Lanka: Religious Tradition, Reinterpretation and Response. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 1988.
18. Critical Terms, 2005 – Critical Terms for the Study of Buddhism / edited by Donald S. Lopez Jr. The University of Chicago Press. Chicago and London, 2005.
19. Gombrich, 1988 – Gombrich, Richard. Theravada Buddhism: A Social History from Ancient Benares to Modern Colombo. London: Routledge & Kegan Paul. 1988.
20. Gombrich, Obeyesekere, 1988 – Gombrich, Richard, Obeyesekere, Gananath. Buddhism Transformed: Religious Change in Sri Lanka. Princeton: Princeton University Press, 1988.
21. Kuroda, 1993 – Kuroda, Shinto. Outlines of the Mahayana Buddhism as Taught by Buddha. The Bukkyo Gakkuwai, Asakusa. Tokyo, Japan, 1993.
22. McMahan, 2008 – McMahan, David L. The Making of Buddhist Modernism. Oxford University Press, Inc. New York, 2008.
23. Obeyesekere, 1970 – Obeyesekere, Gananath. Religious Symbolism and Political Change in Ceylon // Modern Ceylon Studies. Vol. 1. No. 1. 1970. Pp. 43-63.
24. Olcott, 1881 – Olcott, Henry S. A Buddhist Catechism: According to the Canon of the Southern Church / published by Theosophical Society, Buddhist section. Colombo, Ceylon, 1881.
25. Olcott, 1915 – Olcott, Henry S. A Buddhist

- Catechism / published by Theosophical Publishing House. (Forty-fourth Edition, corrected). Adyar, Madras. London and Benares: Theosophical Publishing Society, 1915.
26. Olcott, 1918 – Olcott, Henry S. The Golden Rules of Buddhism / published by Theosophical Publishing House. Adyar, Madras, India. January 1918. (Adyar Pamphlets . N° 85)
27. Prothero, 1995 — Prothero, Stephen R. Henry Steel Olcott and «Protestant Buddhism» // Journal of the American Academy of Religion. 1995. Vol. LXI/2. Pp. 281–302.
28. Prothero, 1996 — Prothero, Stephen R. The White Buddhist: The Asian Odyssey of Henry Steel Olcott. Indiana University Press. Bloomington and Indianapolis, 1996.
29. Reischauer, 1921 — Reischauer, A.K. A Catechism of the Shin Sect (Buddhism): From the Japanese Shinshu Hyakuwa by R. Nishimoto. Honolulu: The Publishing Bureau of the Hongwanji Mission, 1921.
30. Schedneck, 2009 — Schedneck, Brooke. Book Review: The Making of Buddhist Modernism. By David L. McMahan. London: Oxford University Press, 2008 // Journal of Global Buddhism 2009. № 10. Pp. 76–84.
31. Snodgrass, 2003 — Snodgrass, Judith. Presenting Japanese Buddhism to the West: orientalism, occidentalism, and the Columbian Exposition. The University of North Carolina Press. 2003
32. Subhádra, 1888 — Subhádra, Bickshu. Buddhistischer Katechismus zur Einführung in die Lehre des Buddha Gáutama. Braunschweig, C. A. Schwetschke und Sohn (E. Appelhans). 1888.
33. Subhadra, 1920 — Subhadra, Bhikshu. A Buddhist Catechism: An Outline of the Doctrine of the Buddha Gotama. New-York, Brentano's, 1920.
34. Taylor, 1989 — Taylor, Charles. Sources of Self: The Making of Modern Identity. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 2001.
35. Tweed, 2000 — Tweed, Thomas A. The American encounter with Buddhism, 1844–1912: Victorian culture and the limits of dissent. University of North Carolina Press, 2000. Originally published: Bloomington, Indiana University Press, 1992.
36. Webb, 2005 – Webb, Russell. Obituary: Heinz Bechert // Buddhist Studies Review: The Journal of the UK Association for Buddhist Studies. 2005. Vol. 2. Part 2. Pp. 211–217.

References

1. Agadzhanyan, Aleksandr S. (1993) Buddiiskii put' v XX veke: Religioznye tsennosti i sovremennaya istoriya stran tkheravady [The Buddhist path in the twentieth century: Religious values and modern history of Theravada countries]. Moscow: Nauka (in Russian). Available at: <https://webshus.ru/20576> (09.10.2020).
2. Conze, Edward J. D. (2003) Buddhism. The nature and development. St. Petersburg: Nauka (Russian translation).
3. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. 2020, vol. 1 (38): Tibetomongol'skii buddizm: novye traektorii v XX–XXI vv. [Tibeto-Mongolian Buddhism:

- new trajectories in the XX–XXI centuries] (in Russian).
4. Grishin, Mikhail V. (2016) "Vzglyad na modernistskuyu kul'turu Zapada v kontekste buddizma: E. Konze i Yu. Evola" [A look at the modernist culture of the West in the context of Buddhism: E. Conze and Y. Evola]. Vestnik MGUKI, 2016, vol 2 (70), pp. 35–40 (in Russian).
 5. Guskii Aleksei Yu. (2019) "Interpretatsiya ucheniya Sinrana i shkoly Sin v rabotakh D.T. Sudzuki" [Interpretation of the Shin teachings in the works of D.T. Suzuki]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, vol. 2 (48), pp. 117–126 (in Russian). DOI: 10.24866/1997-2857/2019-2/117-126
 6. Drobysheva, Ekaterina P. (2010) "Kul'tury, natsii i identichnosti v situatsii «politicheskogo antagonizma i neravenstva»" [Cultures, nations and identities in situation of "political antagonism and inequality"]. Idei i idealy, № 1(3), vol. 2, pp. 110–116 (in Russian).
 7. Kornev, Vladimir I. (1983) Buddizm i ego rol' v obshchestvennoi zhizni stran Azii [Buddhism and its role in the public life of Asian countries]. Moscow: Nauka (in Russian).
 8. Kornev, Vladimir I. (1987) Buddizm i obshchestvo v stranakh Yuzhnoi i Yugo-Vostochnoi Azii [Buddhism and society in South and Southeast Asia]. Moscow: Nauka (in Russian).
 9. Lysenko, Victoria G., Terentyev, Andrei A., Shokhin Vladimir K. (1994) Rannyya buddiiskaya filosofiya. Filosofiya dzhainizma [Early Buddhist philosophy. The philosophy of Jainism]. Moscow: Nauka (in Russian).
 10. Olcott, Henry S. A (1887) "A Buddhist Catechism: According to the Canon of the Southern Church". Russkaya mysl', 1887, god vos'moi, avgust, pp. 18–35 (Russian translation).
 11. Olcott, Henry S. (2013) "A Buddhist Catechism: According to the Canon of the Southern Church". Vestnik teosofii, 2013, vol 11, pp. 2–22 (Russian translation).
 12. Taylor, Charles. (2017) A Secular Age. Moscow: BBI (Russian translation).
 13. Ulanov, Mergen S. (2016) "Spetsifika sovremennoi modernizatsii buddizma (na primere Buryatii i Kalmykii)" [Specifics of modern modernization of Buddhism (on the example of Buryatia and Kalmykia)]. in Lichnost' v paradigme mezhkul'turnoi kommunikatsii: yazyk – kul'tura – obrazovanie – muzei (teoreticheskie i prikladnye problemy): Materialy mezhregional'noi nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem [Personality in the paradigm of intercultural communication: language – culture – education – Museum (theoretical and applied problems): Materials of the interregional scientific and practical conference with international participation]. Elista, pp. 157–160 (in Russian).
 14. Almond, Philip C. (1988) The British Discovery of Buddhism. Cambridge University Press. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney.
 15. Bhabha, Homi. (1994) The Location of Culture. London: Routledge.
 16. Bechert, Heinz. (1967–73) Buddhismus, Staat und Gesellschaft in den Landern des Theravada-Buddhismus (3 vols: I Frankfurt-

- Hamburg, 1966; II and III Wiesbaden).
17. Bond, George D. (1988) *The Buddhist Revival in Sri Lanka: Religious Tradition, Reinterpretation and Response*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
 18. *Critical Terms for the Study of Buddhism*. (2005) / edited by Donald S. Lopez Jr. The University of Chicago Press. Chicago and London.
 19. Gombrich, Richard. (1988) *Theravada Buddhism: A Social History from Ancient Benares to Modern Colombo*. London: Routledge & Kegan Paul.
 20. Gombrich, Richard, Obeyesekere, Gananath. (1988) *Buddhism Transformed: Religious Change in Sri Lanka*. Princeton: Princeton University Press.
 21. Kuroda, Shinto. (1893) *Outlines of the Mahayana Buddhism as Taught by Buddha*. The Bukkyo Gakkuwai, Asakusa. Tokyo, Japan.
 22. McMahan, David L. (2008) *The Making of Buddhist Modernism*. Oxford University Press, Inc. New York.
 23. Obeyesekere, Gananath. (1970) *Religious Symbolism and Political Change in Ceylon* // *Modern Ceylon Studies*. Vol. 1. No. 1. Pp. 43-63.
 24. Olcott, Henry S. (1881) *A Buddhist Catechism: According to the Canon of the Southern Church* / published by Theosophical Society, Buddhist section. Colombo, Ceylon.
 25. Olcott, Henry S. (1915) *A Buddhist Catechism* / published by Theosophical Publishing House. (Forty-fourth Edition, corrected). Adyar, Madras. London and Benares: Theosophical Publishing Society.
 26. Olcott, Henry S. (1918) *The Golden Rules of Buddhism* / published by Theosophical Publishing House. Adyar, Madras, India. January 1918. (Adyar Pamphlets . N 85)
 27. Prothero, Stephen R. (1995) *Henry Steel Olcott and «Protestant Buddhism»* // *Journal of the American Academy of Religion*. Vol. LXII/2. Pp. 281-302.
 28. Prothero, Stephen R. (1996) *The White Buddhist: The Asian Odyssey of Henry Steel Olcott*. Indiana University Press. Bloomington and Indianapolis.
 29. Reischauer, A.K. (1921) *A Catechism of the Shin Sect (Buddhism): From the Japanese Shinshu Hyakuwa by R. Nishimoto*. Honolulu: The Publishing Bureau of the Hongwanji Mission.
 30. Schedneck, Brooke. (2009) *Book Review: The Making of Buddhist Modernism*. By David L. McMahan. London: Oxford University Press, 2008 // *Journal of Global Buddhism*. № 10. Pp. 76-84.
 31. Snodgrass, Judith. (2003) *Presenting Japanese Buddhism to the West: orientalism, occidentalism, and the Columbian Exposition*. The University of North Carolina Press. 2003
 32. Subhádra, Bickshu. (1888) *Buddhistischer Katechismus zur Einführung in die Lehre des Buddha Gáutama*. Braunschweig, C. A. Schwetschke und Sohn (E. Appelhans).
 33. Subhadra, Bhikshu. (1920) *A Buddhist Catechism: An Outline of the Doctrine of the Buddha Gotama*. New-York, Brentano's.
 34. Taylor, Charles. (2001) *Sources of Self: The*

Making of Modern Identity. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts.

35. Tweed, Thomas A. (1992) The American encounter with Buddhism, 1844–1912: Victorian culture and the limits of dissent. University of North Carolina Press, 2000. Originally published: Bloomington, Indiana University Press.
36. Webb, Russell. (2005) Obituary: Heinz Bechert // Buddhist Studies Review: The Journal of the UK Association for Buddhist Studies. Vol. 2. Part 2. Pp. 211–217.

Информация об авторе

Гунский Алексей Юрьевич

АНО «Институт восточной культуры»

443066, Самара, ул. Революционная, 70-1, оф.

309

Россия

gunsky@inbox.ru

Information about Author

Aleksei Y. Gunsky

ANPO «Institute of Eastern Culture»

of. 309, 70 lit.1, Revolutsionnaya str., 443066,

Samara

Russian Federation.

gunsky@inbox.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Распространение трактата Сунь-цзы «Искусство войны» за пределами Китая

Distribution of Sun Tzu's treatise

"The art of war" outside of China

Цзян Чао, Ян Кэ

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли

nickjiang123@163.com

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-74-84

АННОТАЦИЯ

Как одно из важнейших произведений древнекитайской классики, «Искусство Войны» Сунь-Цзы веками привлекает внимание исследователей из разных стран мира. Переводчики и толкователи знаменитого трактата стремятся понять глубокую и уникальную культуру Древнего Китая, изучить китайские классические военные концепции, вникнуть в связанные с ними древние философские учения. История распространения и рецепции идей «Искусства Войны» Сунь-Цзы в ключевых странах и регионах мира также является интересным объектом исследования. В данной статье рассмотрены особенности распространения «Искусства Войны» Сунь-Цзы на Востоке, на Западе и в России; дано общее представление о тысячелетней истории продвижения «Искусства Войны» Сунь-Цзы за пределами Китая.

Ключевые слова и фразы: «Искусство Войны» Сунь-Цзы, культура Древнего Китая, военный трактат, культурные связи Китая с зарубежными странами

Для цитирования: Цзян Чао, Ян Кэ. *Распространение трактата Сунь-цзы «Искусство войны» за пределами Китая.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 74-84

ABSTRACT

As one of the most important works of ancient Chinese classics, Sun Tzu's "Art of War" has attracted the attention of researchers from around the world for centuries. The translators and interpreters of this famous treatise seek to understand the deep and unique culture of Ancient China, to study Chinese classical military concepts, and to delve into the ancient philosophical teachings associated with them. The history of the spread and reception of the ideas of Sun Tzu's "Art of War" in key countries and regions of the world is also an interesting object of research. This article examines the peculiarities of the spread of Sun Tzu's "Art of War" in the East, in the West and in Russia; it gives a general idea of the thousand-year history of the promotion of Sun Tzu's "Art of War" abroad in China.

Keywords: Sun Tzu's "Art of War", culture of ancient China, military treatise, cultural relations of China with foreign countries

For citation: Jiang Chao, Yang Ke. *Distribution of Sun Tzu's treatise "The art of war" outside of China.* Modern oriental studies. 2021; 3(1). 74-84

ВВЕДЕНИЕ

«Искусство Войны» Сунь-Цзы представляет собой древнекитайский военный трактат. В результате культурных обменов между Китаем и зарубежными странами «Искусство Войны» Сунь-Цзы получило определенное распространение в мире. При этом в страны Востока оно пришло раньше, в страны Запада — позже. Достижения древнекитайской военной технологии получили международное признание. За рубежом «Искусство Войны» привлекло внимание представителей разных сфер деятельности: военных, политиков, ученых, бизнесменов. В данной статье рассматриваются общие вопросы распространения и история изучения трактата на Востоке, на Западе и в России с целью дальнейшей популяризации этого великого древнекитайского военного труда, имеющего международное значения.

«ИСКУССТВО ВОЙНЫ» СУНЬ-ЦЗЫ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Распространение трактата «Искусства Войны» Сунь-Цзы за пределами Китая началось с Кореи и Японии. В 51-й год своего правления (284 г.) император Пэкче — Кой-ван — отправил посла Ачки в Японию, и вместе с данью, передал в дар классические китайские сочинения. В начале правления Западной династии Цзинь классические произведения были привезены в Пэкче из Китая, а посланники Пэкче доставили эти книги в Японию [Су, 2014, С. 92]. Что касается датировки появления самого трактата «Искусства Войны» на Корейском полуострове, то точных сведений об этом нет.

Информация, касающаяся «Искусства Войны» Сунь-Цзы, впервые встречается в книге «Исторические записи Трех царств», которая отражает соответствующий период истории Кореи. В этом произведении имеются такие высказывания, как “тому, у кого солдат больше, лучше наступать, тому, у кого меньше, лучше обороняться...” (ноябрь 172 г. н. э.). В связи с этим южнокорейские исследователи считают, что Мён-ним Дап-бу (67-179 гг.) был первым Куксаном (премьер-министром) Когурё, у которого в силу социального статуса и военного опыта могли быть условия доступа к китайской военной классике, в том числе к «Искусству Войны». Если это так, то уже при династии Хань «Искусство Войны» было распространено на Корейском полуострове и использовалось в военной практике. Однако данное косвенное свидетельство само по себе еще не доказывает, что «Искусство Войны» появилось в Корее во II в.н.э., а иные исторические материалы, способные усилить этот аргумент, пока не обнаружены [Су, 2014, С. 92]. Согласно данным корейского сайта записей династии Чосон, первое упоминание «Искусства Войны» Сунь-Цзы содержится в «Летописи королевской династии Чосон». В первый год (1392) правления вана Тхэджо, Ли Сонге (он же Тхэджо) в книге восшествия на престол выдвинул принцип отбора военных специалистов — оценку их уровня по знанию ими «Семи военных канонов» и по их навыкам стрельбы. Это первое упоминание «Семи военных канонов» в официальных описаниях истории Кореи, и начиная с того времени, «Семь военных канонов», в том числе «Искусство Войны» Сунь-Цзы, были включены в литературу для древнекорейского военного экзамена [Су, 2014, С. 93].

Изучение «Искусства Войны» Сунь-Цзы на Корейском полуострове можно разделить на три этапа. Первый этап — от появления там «Искусства Войны» до 1910 г. Следует отметить, что Корея является первой зарубежной страной, которая опубликовала это произведение. В девятый год (1409) правления вана Ли Банвона (Тхэджон), в Корею были изданы «Сунь-Цзы с аннотациями из одиннадцати мастеров». Оригинал книги не сохранился, ее копия в настоящее время находится в Японии. Согласно этим историческим данным, «Искусство Войны» Сунь-Цзы было опубликовано в древней Корею почти на 200 лет раньше, чем «Семь военных канонных», напечатанных в 1606 году в Японии [Су, 2014, С. 93]. Однако эта книга — всего лишь переиздание, без комментариев. В 1452 г. была опубликована «Аннотация к “Семи военных канонных”», выполненная Седжо (Суян Дэгук); его можно назвать первым в древней Корею автором, комментировавшим «Искусство Войны» Сунь-Цзы [Су, 2014, С. 93]. С тех пор появилось много корейских изданий «Искусства Войны» Сунь-Цзы. Вызывает сожаление, что сегодня эти книги малоизвестны, их редко можно увидеть. Начиная с эпохи Ёнджо, и вплоть до Сунджо (1725-1910 гг.) исследований «Искусства Войны» было очень мало. Известны лишь «Новая редакция комментариев к Сунь-Цзы» (1773), «Прямая аннотация к Сунь-Цзы» (1787 г.), «Сунь-Цзы Суй» (1866 г.) и некоторые другие работы. К сожалению, эти тексты тоже малоизвестны и труднодоступны в настоящее время [Су, 2014, С. 93].

Вторым этапом стал период с 1910 по 1980 г. 20 века, когда на Корейском полуострове активизировались исследования «Искусства

Войны» Сунь-Цзы и была опубликована серия комментариев данному произведению, среди них — книга Гао Юйсяна «Прямая аннотация к Сунь-Цзы», вышедшая в свет в 1913 году; в ней использован метод вставки корейских вспомогательных слов и окончаний в китайский текст для улучшения понимания «Искусства Войны» корейскими читателями. Работа его получила широкое признание в Корею, она была издана много раз. Данные версии перевода и комментарии сыграли важную роль в связывании предыдущей и последующей традиций перевода «Искусства Войны» с китайского на корейский и содействовали распространению этого произведения. На фоне развития культурных индустрий в Южной Корею изучение «Искусства Войны» Сунь-Цзы было весьма плодотворным. С 1951 года, когда Нам Ваньсин перевел и интерпретировал «Искусство Войны», до 1980 года было опубликовано более 40 версий данного произведения на корейский язык [Су, 2017, С. 18]. Рецепция «Искусства Войны» в Южной Корею происходит двумя путями. Первый — это варианты перевода и интерпретации «Искусства Войны» с китайский на корейский. Наиболее известными из них являются «“Искусства Войны” Сунь-Цзы» Ли Чжунсюэ (1974), Ким Санг Ичи (1975) и «Новый перевод “Искусства Войны” Сунь-Цзы» Лу Хеджуна (1975) и др. Второй путь — опыт применения идей «Искусства Войны» к управлению предприятием и бытовой сфере. Это такие книги, как «Война и жизнь» Бай Нансуна (1955), «Искусство войны для корпораций» Андонг Иля (1969), «Бизнес-исследование Сунь-Цзы» Инь Нынсона (1974) и др.

Третий этап — с 1980-х годов по настоящее время. В этот период исследования «Искусства Войны» Сунь-Цзы в Южной Корее также активно развиваются, причем по количеству соответствующих публикаций Южная Корея впервые обогнала Японию и заняла второе место в мире. Сон Цзинь-гу, профессор Южнокорейского Университета Джоксона и директор Корейского института исследований «Искусства Войны» Сунь-Цзы, занимающийся изучением, преподаванием и популяризацией идей «Искусства Войны», считает, что эти идеи вполне применимы к современному обществу и предпринимательству и поэтому имеют большое практическое значение. В целях их продвижения в своей стране он на двух телеканалах прочитал более 450 лекций соответствующей тематики. Кроме того, содержание «Искусства Войны» Сунь-Цзы в Южной Корее связано с широким кругом вопросов социальной жизни, близко интересам обычных читателей и незатруднительно для понимания ими, ориентировано на практическое применение в быту. Например, «Искусство Войны Сунь-Цзы и бизнес» Цен Юнхана (1984), «Искусство Войны и супруги» Чжао Дунчуна (1987), «Искусство Войны и выборы» Цзинь Ваньсюя (1995 г.), «Искусство Войны и дети» Ли Шаньби (1998 г.), «Искусство Войны и лучший сотрудник» Ли Сичжао (2004) и другие. Эти популярные книги отвечают интересам читателей разных типов и тем самым расширяют сферу влияния великого произведения Сунь-Цзы.

Необходимо отметить также, что Южная Корея является страной, в которой присуждено наибольшее за пределами Китая количество

ученных степеней за исследования предмету «Искусства Войны» Сунь-Цзы: 4 человека получили докторскую и 21 – магистерскую степени [Сунь, Су, 2014, С. 367]. Таким образом, исследования «Искусства Войны» Сунь-Цзы на Корейском полуострове имеют длительную традицию и выдающиеся результаты и носят в высшей степени новаторский характер.

История культурных обменов между Японией и Китаем как близкими соседями, насчитывает почти две тысячи лет. В древний период Япония и Китай находились на разных уровнях культурного развития, и Япония уделяла большое внимание передовой культуре соседней империи. Японцы в древности многому учились у китайцев, рассматривали китайское государство как образец для подражания, регулярно приезжали туда, чтобы перенимать у него культурный опыт. Во времена династий Суй и Тан обмены между Китаем и Японией были весьма интенсивными. В этот период в Японии появилось «Искусство Войны». В Китае и за его пределами нет единого мнения о том, когда именно «Искусство Войны» впервые появилось в Японии. По этому поводу существуют три основные версии. Первая заключается в том, что «Искусство Войны» попало в Японию через Северную Корею. Эта точка зрения представлена в книге «Исследование истории концепции Сунь-Цзы» Кендзи Сато, известного японского историка искусства [Ли, 2009, С. 91]. Кендзи Сато основывается на данных из «Нихон сёки» о том, что группа военных ученых из Корейского Королевства Пэкче прибыла в Японию в 663 году нашей эры. Эти люди руководили строительством нескольких городов. Они были

награждены Орденом Почета за свое мастерство в китайском военном искусстве, в связи с чем Кендзи Сато предполагает, что именно они ввели основы китайского военного искусства в японскую культуру и что это китайское военное искусство может быть «Искусством Войны» Сунь-Цзы [Су, 2005, С. 163].

Вторая версия состоит в том, что «Искусство Войны» было привезено Киби Макиби. Эта точка зрения зафиксирована в 20-м томе «Сёку нихонки»: через 26 лет (760 г. н. э.) после возвращения Киби в Японию император династии Нара послал вместе с ним шесть человек на изучение «Искусства Войны» и других классических концепций. Это означает, что коллекция классических произведений, привезенная Киби, действительно включает «Искусство Войны» Сунь-Цзы. Если эта запись достоверна, то «Искусство Войны» Сунь-Цзы было доставлено в Японию, по крайней мере, уже 1200 лет назад. В соответствии с этим некоторые исследователи, в том числе Кендзи Сато, считают, что «японец, который первым привез «Искусство Войны» – это Киби Макиби» [Су, 2005, С. 164]. В Китае, подавляющее большинство ученых полагает, что определенная глава (раздел) «Искусства Войны» оказалась в Японии еще до Киби Макиби, но именно Киби Макиби доставил его в Японию [Ли, 2009, С. 91]. Данная версия поддерживается большинством специалистов.

Третья версия состоит в том, что «Искусство Войны» Сунь-Цзы было привезено в Японию китайскими учеными в области военного дела. Это гипотеза С.Б. Гриффитса — американского исследователя «Искусства Войны» [Ли, 2009, С. 91]. Однако, сопоставление раз-

личных точек зрения дает основания считать информацию о том, что именно Киби Макиби первым доставил в Японию «Искусство Войны», относительно достоверной. Мы предполагаем, что именно в это время в Японии началось распространение «Искусства Войны».

История распространения и исследования «Искусства Войны» в Японии можно условно разделить на четыре этапа. Первый мы называем этапом дворцового хранения. Этот период длился от появления «Искусства Войны» в Японии до конца 16 века. Изучение «Искусства Войны» было в то время правом лишь императорской семьи и военных ученых [Юй, 2001, СС. 216-217]. Вскоре после появления в Японии «Искусство Войны» попало в руки Оэ, кто изучил его тайно. Позже «Искусство Войны» Сунь-Цзы было передано Оэ-но Масафусе, а затем от него Минамото-но Ёсиизэ, а затем клану Такэда [Ли, 2009, СС. 91-92]. «Искусство Войны» Сунь-Цзы было распространено, унаследовано и использовалось среди потомков клана Такэда.

Второй этап — период массового распространения «Искусства Войны». Он продолжался с начала 17 до середины 18 вв. На этом этапе появилось большое количество интерпретаций и исследований «Искусства Войны», было выполнено много новых переводов этого произведения, что в значительной степени способствовало его японизации. Это относительно стабильный период истории японского общества — Эдо. После объединения страны, на фоне бурного социально-экономического развития японская культура переживала подъем. В это время японские военные и гражданские ученые весьма активно занимались исследованиями

«Искусства Войны» Сунь-Цзы. Существует около пятидесяти вариантов японского перевода «Искусства Войны» с комментариями [Юй, 2001, СС. 218-221].

Третий этап — от реставрации Мэйдзи до окончания Второй мировой войны. В этот период изучение «Искусства Войны» также носило массовый характер. Но, более важно то, что военное руководство Японии, опиравшееся на идеологию, стремилось черпать знания из «Искусства Войны». Наибольшие известные работы по «Искусству Войны» данного периода — «Новое исследование Сунь-Цзы», опубликованное Сюнсуке Адо в 1930 году; «Объяснение Сунь-Цзы», написанное Бейкуном Есихидэ в 1934 году; «Обзор Сунь-Цзы» Огавы Кэйдзи, вышедший в том же году; перевод «Искусства Войны», выполненный Кондой-реным Таро в 1935 году, «Новая интерпретация Сунь-Цзы», созданная в соавторстве Фудзия и Маритой Су в 1943 году. Среди этих изданий «Новое исследование Сунь-Цзы» считается наиболее авторитетным. Книга стала итогом десятилетней работы автора, она была переиздана четыре раза в течение десяти лет после первого выхода в свет [Юй, 2001, С. 238]. Кроме того, японское военное командование уделяло внимание использованию концепций и идей «Искусства Войны» в реальных боевых действиях. Того Хэйхачиро, с 1904 по 1905 гг. командовавший японскими силами в битве у Цусимского пролива в ходе Русско-японской войны, был известен успешным опытом применения положений «Искусства Войны» [Ли, 2009, С. 92]. Хотя в рамках японской агрессии были реализованы отдельные идеи «Искусства Войны», целиком

его содержание принципиально не могло быть использовано.

Четвертый этап — с окончания Второй мировой войны по сей день. После Второй мировой войны исследования «Искусства Войны» Сунь-Цзы в Японии стали более глубокими и детальными. Японские ученые изучали «Искусство Войны» с точки зрения истории идей (например, работа Кендзи Сато об истории идеологии Сунь-Цзы); некоторые исследователи связывали «Искусство Войны» с историей китайско-японской войны («Искусство Войны» Сунь-Цзы и Китайско-японская война); некоторые сравнивали «Искусство Войны» с военной концепцией Мао Цзэдуна («Сунь-Цзы и Мао Цзэдун») и др. Наиболее значимой является монография Кендзи Сато «Исследование истории концепции Сунь-Цзы». Кендзи Сато вывел японскую традицию исследований «Искусства Войны» Сунь-Цзы на качественно новый уровень. Данная работа содержит системную характеристику общего положения дел в сфере исследований «Искусства Войны», а также конкретных достижений в этом различных школ в различные исторические периоды. В монографии «Комплексное исследование Сунь-Цзы» Кендзи Сато показывает неосмотрительность лидеров японского милитаризма в ходе Второй Мировой Войны, что имеет важное прикладное значение [У, 1997, СС. 93-94].

«Искусство Войны» Сунь-Цзы было переведено на многие азиатские языки, в том числе тайский (1952), бирманский (1956), вьетнамский (1963), иврит (1973), малайский (1974), турецкий (1992), арабский (Ливан, 1998), монгольский (2005), фарси (Иран, 2008).

«ИСКУССТВО ВОЙНЫ» СУНЬ-ЦЗЫ В СТРАНАХ ЗАПАДА

Распространение и изучение «Искусства Войны» Сунь-Цзы на Западе началось сравнительно поздно. Известно, что французский миссионер Жан Жозеф Мари Амио (кит.имя 錢德明) впервые перевел «Искусство Войны» на французский язык в конце 18 века (1772 г.), что открыло путь для распространения этого произведения в странах Европы и Америки. М. Амио указывал, что он “не только перевел оригинальный текст, но и развил мысли и подходы автора, связанные с войной”, поэтому данный труд не является точным, дословным переводом «Искусства Войны» [Гу, 1994, С. 644]. В переводе М. Амио в значительной степени выражаются собственные взгляды, часто отклоняющиеся от содержания оригинала. Тем не менее, следует подчеркнуть, что работы М. Амиота сыграли ведущую роль в распространении «Искусства Войны» в западном мире и весьма способствовали развитию соответствующего направления исследований.

Через 150 лет после публикации перевода М. Амиот появились еще две французские версии, основанные на данном переводе. Первая из них — это перевод Е. Шоле, опубликованный в Париже в 1922 году под названием «Искусство Войны в древности»; вторая — перевод Л. Начина, изданный там же в 1948 году под названием «С пятого до третьего веков до н. э., Сунь-Цзы, У-Цзы и Сима Фа» [Гу, 1994, С. 650]. Обе книги созданы на основе перевода М. Амио и во многом противоречат оригинальному смыслу «Искусства Войны» Сунь-Цзы. «Искусство Войны» было также включено

в Энциклопедию Франции.

В 1971 году “Парижская Библиотека Основных Предметов” издала книгу «Тринадцать глав Сунь-Цзы» под редакцией Мари-Клера Бьюзита, Р. Касевеса, П. Мамана, Л. Танасекоса и Трана Нгока Ана. Это издание не содержит комментариев и в основном основано на переводе М. Амио и нескольких последующих работах [Су, 2017, С. 18].

По данным Лю Циня (2011) самый ранний испанский перевод «Искусства Войны» был опубликован в 1903 году под названием «Исследование Искусства Войны». Затем долгое время переводов на испанский не было. В 1974 г. состоялись сразу две публикации «Искусства Войны» в Испании [Лю Цинь, 2011, С. 282]. До 1980 года существовало всего четыре — пять переводов «Искусства Войны» на испанский, теперь же их число увеличилось до более чем 180.

В 1910 году Бруно Наварра опубликовал перевод «Искусства Войны» Сунь-Цзы на немецкий под названием «Мысли о войне древнекитайского военного ученого». Изначально перевод был выполнен для начальника штаба германской армии генерала В. Моетке [Шен, 1992, С. 28]. Книга была обнаружена в “Федеральной Военной Библиотеке” швейцарским китаистом Харо фон Сенгелем в 1990-х годах, причем это был единственный экземпляр [Шен, 1992, С. 28]. Второй немецкий перевод «Искусства Войны» был опубликован в 1957 году издательством Министерства обороны ГДР. Инна Бальцеровак перевела на немецкий язык русский перевод «Искусства Войны», выполненный Я. И. Сидоренко. Позднее появились еще два немецких перевода.

Один из них — «Искусства Войны Сунь-Цзы для менеджеров» Андреаса Дросдека (1966 г.). Данная работа применяется в управлении бизнесом, это одна из первых монографий при решении практических задач в жизни западного общества. Другой перевод — «Тринадцать заповедей войны Сунь-Цзы» (1972 г.) под редакцией Х. Д. Беккера [Су, 2017, СС. 18-19].

«Искусство Войны» Сунь-Цзы переведено также на чешский (1949), венгерский (1963), голландский (1974), румынский (1976), итальянский (1980) и другие языки Европы. Следует отметить, что хотя некоторые европейские ученые заинтересовались «Искусством Войны» Сунь-Цзы, в общей сложности, исследования трактата не оказали большого влияния на содержание научного поиска в Европе.

Англоязычные страны уделяли значительное внимание работе с «Искусством Войны» Сунь-Цзы в особенности в 20 веке. Широкому распространению, изучению и применению «Искусства Войны» на Западе и в мире вообще содействовало появление ряда его переводов на английский язык. Процесс освоения «Искусства Войны» Сунь-Цзы в англоязычных странах с начала 20-го века по настоящее время можно разделить на три этапа. Первый этап продолжался с начала 20-го века до окончания Второй мировой войны в 1945 году. На этом этапе последовательно появилось несколько англоязычных версий «Искусства Войны», которые сыграли важную роль в продвижении этого произведения и в становлении традиции его исследований в западных странах. В 1905 году в Токио старший лейтенант британских Вооруженных сил Карл Сроп опубликовал пер-

вый английский перевод «Искусства Войны». В 1908 году Карл Сроп переработал и переиздал данный перевод [Ван, Лю, 2007, С. 106]. Это самые ранние версии «Искусства Войны» на английском. В связи с этим, именно Карл Сроп считается первым переводчиком «Искусства Войны» на английский язык. Однако поскольку сам Сроп был не лингвистом, а военным и его уровень владения китайским был невысок, он завершил перевод с помощью японцев, что закономерно привело к наличию изъянов в его работе. Поэтому влияние данного перевода на последующие переводы и исследования «Искусства Войны» носит довольно ограниченный характер. Будучи неудовлетворенным переводом Сропа, британский синолог Линнай Чжай (Лайонел Джайлс) в 1910 году опубликовал собственный перевод под названием «Искусство войны Сунь-Цзы — самый ранний в мире военный трактат», и перевод Лайонела Джайлса более цельным и точным по сравнению с переводом Карла Сропа; он неоднократно переиздавался [Ван, Лю, 2007, С. 106]. В 1944 году книга Джайлса была представлена в Соединенных Штатах Америки и издана американским коммодором Томас Р. Филлипсом. С появлением и распространением этих переводов англоязычным читателям постепенно открывалась идейная ценность «Искусства Войны».

Второй этап — с окончания Второй мировой войны до конца 1980-х годов. Это эпоха «холодной войны» — жесткого противостояния Соединенных Штатов и Советского Союза. Центр исследования «Искусства Войны» Запада переместился из Великобритании в США. Во время «холодной войны» западные исследователи во

главе с американцами осознали ценность «Искусства Войны» интерпретировать его с точки зрения национальной безопасности и военных стратегий. В 1963 году американский коммодор С. Б. Гриффит опубликовал свой перевод «Искусства Войны» Сунь-Цзы, который, безусловно, остается самым влиятельным английским переводом по сей день [Ли, 2009, С. 93]. Версия Гриффита была переведена на французский и немецкий языки.

Третий этап — с момента окончания «холодной войны» по настоящее время. На этом этапе в англоговорящем мире исследование и применение идей «Искусства Войны» Сунь-Цзы получили новый импульс. После «холодной войны» ученые европейских и американских стран, особенно США, стали развивать исследования «Искусства Войны» не только в связи с решением военных задач, но и применительно к сферам торговли и управления [Ли, 2009, С. 93]. В этот период продолжали появляться новые переводы «Искусства Войны» на английский язык, что способствовало активному распространению трактата на Западе и в мире в целом. Основными переводами этого периода являются «Искусство Войны» Сунь-Цзы американского сиолога Роджера Т. Эймса (1993 г.); «Пять канонов и Семь военных канонов» Ральфа Сольера (включает «Искусство Войны») (1993 г.); «Искусство войны: Слова Сунь Цзы» Гэри Галларди (1999 г.) и другие.

«ИСКУССТВО ВОЙНЫ» СУНЬ-ЦЗЫ В РОССИИ

В кругу историков существуют разные мнения о том, когда идеи «Искусства Войны» Сунь-Цзы проникли в Древнюю Русь. Ряд исследова-

вателей полагает, что трактат был привезен туда из Византии. В одной из книг периода правления Святого Льва VI (886-912 гг.) некоторые идеи совпадают с положениями теории Сунь-Цзы [Гу, 1994, С. 645]. Предполагается, что трактат Сунь-Цзы мог быть доставлен в Восточную Римскую (Византийскую) империю по Шелковому пути через Персию, а затем уже из Византии в Киевскую Русь. Согласно С. Б. Гриффитсу, учение Сунь-Цзы пришло в Русь вместе с монголо-татарами [Гу, 1994, С. 645]. Первый известный на сегодня русский перевод трактата был выполнен полковником В. И. Срезневским из Костромского полка Русской армии в 1860 году. Это перевод с французского, озаглавленный «Инструкции китайского генерала Сунь-Цзы своим подчиненным». В 1889 году появилась работа полковника Д. А. Путяты «Вооруженные силы Китая и принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев», которая была опубликована в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» [Су, 2014, С. 95]. В 1943 году в соответствии с рекомендацией кафедры военной истории Военной академии имени М. В. Фрунзе был издан и включен в программу курса истории военного искусства новый русский перевод «Искусства Войны» Сунь-Цзы (Су, 2014). Это перевод английской версии, созданной Лайонелом Джайлсом.

В 1950-х годах были опубликованы два новых русских перевода. Первый издан Институтом востоковедения АН СССР в 1950 году. Данный перевод выполнен советским известным лингвистом-востоковедом Н.И. Конрадом. Название Книги — «Искусство Войны Сунь-Цзы:

перевод и исследование». Это перевод непосредственно с китайского; текст трактата переведен на русский язык в полном объеме. Издание было хорошо принято в профессиональной среде и считалось полезным вкладом в советскую военную науку. Второй перевод был осуществлен в 1955 году старшим лейтенантом Советской Армии Я.И. Сидоренко на основе «Комментарии к Сунь-Цзы. Десять школ». Введение написано известным советским военным историком генерал-майором Е.А. Разиным [Гу, 1994, С. 645]. Перевод был опубликован Издательством Министерства Обороны СССР и переиздан в ГДР в 1957 году. В 1979 году К. Б. Кепинг выполнила перевод «Искусства Войны» на русский и тангутский языки; данный перевод был издан Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР [Су, 2014, С. 95]. С тех пор и до конца XX века не появилось ни одного нового русского перевода.

На рубеже 20-21 вв. были опубликованы две связанные с «Искусством Войны» книги: одна — «Китайская наука стратегии» В. В. Малявина (1999 г.), другая — «Искусство Войны: Антология военной мысли» Р. В. Светлова (2000 г.) [Су, 2017, С. 18]. В 2007 году была защищена научная диссертация на тему «Стратегическая мысль Древнего Китая в трактатах У-Цзы и Сунь-Цзы».

В целом в Советском Союзе и в России научных работ об «Искусстве Войны» Сунь-Цзы издано немного.

ВЫВОД

«Искусство Войны» Сунь-Цзы — великое достижение древнекитайской культуры, гени-

альное обобщение опыта военного обучения. Без преувеличения, это важный вклад Китая в мировую культуру. Следует отметить, что, когда различные страны осваивали «Искусство Войны», это не был чисто механический процесс. Учение Сунь-Цзы интегрировалось с их собственными национальными культурами, традициями, обычаями, ценностями. Дальнейшее распространение «Искусства Войны» Сунь-Цзы в мире, несомненно, будет способствовать продвижению и популяризации китайской культуры, в конечном счете — позволит миру лучше понимать Китай и китайцев.

Литература

1. Ван Япин, Лю Вэньцзюань. Причины широкого внимания к «Искусству Войны» Сунь-Цзы на Западе // Вестник Биньчжоуского института. Филология. 2007. № 5. С. 105-107.
2. Гу Ли. Энциклопедия «Искусства Войны» Сунь-Цзы. Шанхай, изд-во Шанхайское научно-популярной литературы, 1994. 644-645, 650 с.
3. Ли Гуйфэн. Распространение и исследование «Искусства Войны» Сунь-Цзы в Японии, Европе и Соединенных Штатах // Вестник Линьского пед. университета. 2009. № 4. С. 91-93.
4. Лю Цинь. Влияние и распространение «Искусства Войны» Сунь-Цзы в испаноязычных странах // Сборник «Искусства Войны» Сунь-Цзы. Пекин, изд-во Военнонаучное, 2011. 282 с.
5. Су Гуйлян. Изучение «Искусства Войны» Сунь-Цзы в Японии // Вестник Биньчжоуского института. 2005. № 5. С. 162-169.
6. Су Гуйлян. Тысячелетнее распространение «Искусства Войны» Сунь-Цзы за рубежом // Вестник Биньчжоуского института. 2014. № 5. С. 92-101.
7. Су Гуйлян. Распространение «Искусства Войны» Сунь-Цзы за рубежом // Вестник Биньчжоуского института. 2017. № 2. С. 11-22.

8. Сунь Юаньфань, Су Гуйлян. Обзор докторских и магистерских диссертаций по «Искусству Войны» Сунь-Цзы в Китае и за рубежом. Шеньян, изд-во Байшань, 2014. 367 с.
9. У Жунчжэн. О распространении и влиянии «Искусства Войны» Сунь-Цзы в Японии // Вестник Гуансиского института национальностей. 1997. № 3. СС. 93-96.
10. Шен Ялюй. Первый немецкий перевод «Искусства Войны» Сунь-Цзы // Вестник Сунь-Цзы. 1992. № 4. С. 28.
11. Юй Жубо, История изучения «Искусства Войны» Сунь-Цзы. Пекин, изд-во Военно-Научное, 2011. 216-221, 236 с.

10. Shen Yalv. (1992) First German translation of Sun Tzu's "Art of War". Bulletin of Sun Tzu. 4. p. 28.
11. Yu Zhubo. (2011) History of the study of Sun Tzu's "Art of War". Beijing: Military-scientific publishers. pp. 216-221, 236 p.

Информация об авторах

Соискатель **Цзян Чао**

Гуандунский университет иностранных исследований

510420, Гуаньчжоу, Баюндадаобей 2

КНР

nickjiang123@163.com

References

1. Wang Yaping, Liu Wenjuan. (2007) The reason for attracting widespread attention to Sun Tzu's "Art of War" in the West. Bulletin of the Binzhou Institute. Philology. 5. pp. 105-107.
2. Gu Li. (1994) Encyclopedia of Sun Tzu's "Art of War". Shanghai: Shanghai's scientific and popularization publishers, 644-645, 650 pp.
3. Li Guifeng. (2009) Distribution and research of Sun-Tzu's "Art of War" in Japan, Europe and the United States. Bulletin of Linyi's Pedagogical University. 4. pp. 91-93.
4. Liu Qing. (2011) Influence and distribution of Sun Tzu's "Art of War" in Spanish-speaking countries. [Collection of Sun Tzu's "Art of War"]. Beijing: Military-scientific publishers. 282 p.
5. Su Guiliang. (2005) The study of Sun Tzu's "Art of War" in Japan. Bulletin of the Binzhou Institute. 5. pp. 162-169.
6. Su Guiliang. The millennial spread of Sun Tzu's "Art of War" abroad. Bulletin of the Binzhou Institute. 2014. 5. pp. 92-101.
7. Su Guiliang. (2017) Spreading of Sun Tzu's "Art of War" abroad. Bulletin of the Binzhou Institute. 2. pp. 11-22.
8. Sun Yuanfan, Su Guiliang. (2014) Protocol on doctoral and postgraduate dissertations on Sun Tzu's "Art of War" in and abroad China. Shenyang: Baishan Publishers. 367 p.
9. Wu Rongzheng. (1997) On the spread and influence of Sun Tzu's "Art of War" in Japan. Bulletin of the Guangxi Institute of Nationalities. 3. pp. 93-96.

Профессор, PhD **Ян Кэ**

Гуандунский университет иностранных исследований

510420, Гуаньчжоу, Баюндадаобей 2

КНР

mashayang1963@mail.ru

Information about the Authors

Candidate of PhD **Jiang Chao**

Faculty of European Languages&Cultures

Guangdong University of Foreign Studies

510420, Guangzhou, Baiyundadaobei, 2

China

nickjiang123@163.com

Professor, PhD **Yang Ke**

Faculty of European Languages&Cultures

Guangdong University of Foreign Studies

510420, Guangzhou, Baiyundadaobei, 2

China

mashayang1963@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

**Российско-китайское взаимодействие на фоне подготовки
к президентским выборам в США**

**Russian-Chinese cooperation in front of preparations
for the presidential elections in the United States**

Семенов Александр Владимирович¹, Семенов Илья Александрович²

¹кандидат исторических наук, профессор кафедры восточных языков Дипломатической Академии

МИД России, г. Москва, Российская Федерация

legatus@bk.ru

*²соискатель Института международных отношений и мировой истории Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

ilya@tento.com.tw

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-85-99

АННОТАЦИЯ

3 ноября 2020 года состоятся очередные президентские выборы в США. Это важное событие не только для Америки, но и для всего мира. В этом году президентские выборы в США пройдут в обстановке углубляющегося всестороннего кризиса в стране на фоне пандемии коронавируса. Эпидемия COVID-19 обнулила все успехи и достижения в экономике, которыми гордился президент Д. Трамп. Внешняя политика не является основной темой предвыборной президентской гонки, но она служит необходимым ресурсом, который используется как важный аргумент в борьбе со своими оппонентами и привлечении избирателей. Основные вызовы, которые угрожают Америке, согласно риторике Белого Дома — это Китай и Россия. Новый курс США в отношении своих двух крупных конкурентов, с помощью односторонних мер — собственных

ABSTRACT

On November 3, 2020, the next US presidential election will be held. This is an important event not only for America, but for the whole world. This year, the US presidential election will be held in the midst of a deepening comprehensive crisis in the US due to the coronavirus pandemic. The COVID-19 epidemic nullified all the successes and achievements in the economy that President D. Trump was proud of. Foreign policy is not the main topic of the presidential race, but it serves as a necessary resource, which is used as an important argument in the fight against the political opponents and in attracting votes. The main challenges that provide threat to America, according to the rhetoric of the White House, are China and Russia. The new policy of the United States in relations with its two major competitors is, through unilateral measures — own and collective — together with

и коллективных — вместе с союзниками, партнерами и заинтересованными лицами путем политических, дипломатических, экономических, финансовых, торговых, инновационно-технологических мер затормозить развитие Китая и России, тем самым добиться преимущества в конкурентной борьбе.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, выборы президента, внешняя политика, национальная безопасность.

Для цитирования: Семенов А.В, Семенов И.А. *Российско-китайское взаимодействие на фоне подготовки к президентским выборам в США.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 85-99

3 ноября 2020 года состоятся очередные президентские выборы в США. Это важное событие не только для Америки, но и для всего мира. Выборы в США являлись и являются образцом политической системы и квинтэссенцией демократического образа жизни. Хотя результаты выборов не затрагивали основ политического и экономического строя, тем не менее с их помощью удавалось демократическим путем отстранять от власти тех лидеров, которые или не отвечали вызовам времени или проводили политику, не соответствующую требованиям господствующих элит.

В этом году президентские выборы в США пройдут в обстановке углубляющегося всестороннего кризиса в стране на фоне пандемии коронавируса.

Эпидемия COVID-19 обнулила все успехи и достижения в экономике, которыми гордился президент Д. Трамп и на которых он собирался

alleges, partners and stakeholders through political, diplomatic, economic, financial, trade, innovative and technological measures to slow down the development of China and Russia, thereby achieve competitive advantage.

Keywords: Russia, China, USA, president elections, foreign policy, national security.

For citation: Semenov A.V., Semenov I.A. *Russian-Chinese cooperation in front of preparations for the presidential elections in the United States.* Modern oriental studies. 2021; 3(1). 85-99

строить свою предвыборную кампанию. По данным специалистов из Oxford Economics, состояние американской экономики будет самым худшим со времен Великой депрессии. В первом квартале этого года ВВП в США сократился на 4,8%, но ожидается, что падение будет продолжаться. За пособием по безработице в марте обратилось 36 млн. американцев. Покупки одежды и обуви сократились на 40%. Доходы в сфере обслуживания: кафе, ресторанах, гостиницах, — уменьшились на 70%. Упали расходы на медицину из-за того, что все врачи были мобилизованы на борьбу с коронавирусом [5].

Появление коронавируса в США обрушило все фондовые индексы. 23 февраля Dow Jones Industrial Average упал более, чем на 1000 пунктов. На 8% ушел вниз индекс 500 крупнейших компаний S&P 500. ФРС резко понизила ставку на 0,5%, что наблюдалось только во время финансового кризиса 2008 года [3].

Не выдержала проверку и система здравоохранения США. На 23 мая 2020 года Соединенные Штаты удерживали пальму первенства и по подтвержденным заболеваниям 1547973 случая и летальным исходам 92 923 случая [6]. Является ли причиной такой национальной катастрофы либеральная концепция развития медицины, достаточно эффективная в обычной жизни и не способная реагировать на чрезвычайные вызовы, или субъективные ошибки администрации Белого дома, которые стремились не нанести ущерба экономике и упустили время для закрытия страны, — в любом случае коронавирус нанес серьезный по удар имиджу президента Трампа и осложнил ему будущую борьбу за продление срока.

Внутриполитическая борьба между республиканцами и демократами, которая ни дня не прекращалась с начала прихода Трампа в Белый дом, обрела в связи с пандемией новый импульс. Демократы делают акцент в предвыборной кампании своего кандидата Джо Байдена на неспособности администрации Трампа предотвратить и справиться с эпидемией. Республиканцы в свою очередь призывают не менять Президента во время национальной угрозы со стороны COVID-19. Формы предвыборной борьбы тоже претерпят изменение. Если традиционно республиканцам были характерны шумные митинги сторонников и индивидуальная работа с избирателем, то социальное дистанцирование и самоизоляция из-за пандемии перенесут предвыборную борьбу в виртуальное пространство — в состязание между СМИ, где

у демократов позиции всегда были очень сильными. Требование демократов из-за коронавируса разрешить голосование по почте, а также корректировку традиционных штатов голосования и увеличения количества участников в выборах, не сулит республиканцам ничего хорошего [4].

Внешняя политика не является основной темой предвыборной президентской гонки, но она служит необходимым ресурсом, который используется как важный аргумент в борьбе со своими оппонентами и привлечении избирателей. В связи с тем, что эпидемия коронавируса резко ухудшила все экономические показатели Америки, на которых Президент Трамп собирался строить свою предвыборную программу, потребовалось привлечь внешнеполитический ресурс и продемонстрировать успехи на международной арене.

Основные принцип внешней политики, которые определил Президент Трамп, были изложены в «Стратегии национальной безопасности США» в декабре 2017 года. Победив на выборах с лозунгом «Сделать Америку снова великой¹», Трамп обнаружил просчеты во внешнеполитических подходах предшественников. По его мнению, Америка относилась ко всем государствам с точки зрения войны или мира. А мир находится в режиме постоянной конкуренции [7, 28]. Основные вызовы, которые угрожают Америке — это Китай и Россия. В Стратегии говорится, что «Китай и Россия хотят сформировать мир, противоположный ценностям и интересам США. Китай стремится

¹ Make America great again

вытеснить Соединенные Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе, расширить границы своей управляемой государством экономической модели и изменить регион в свою пользу. Россия стремится восстановить свой статус великой державы и установить сферы влияния вблизи своих границ» [7, 25].

По мнению авторов «Стратегии», политика США в отношении Китая строилась на том, чтобы путем его интеграции в послевоенный международный порядок либерализовать Поднебесную. Тем не менее Китаю удалось расширить свое влияние за счет других, создать мощные и хорошо финансируемые вооруженные силы, которые уступают только американским. Его ядерный арсенал растет и диверсифицируется. Причину авторы базового документа по безопасности видят в том, что экономический рост и модернизация вооруженных сил были осуществлены за счет доступа к американской инновационной экономике, в том числе первоклассным американским университетам [7, 25].

Если исходить из положений этого стратегически важного документа, президент Трамп, придя к власти, сразу стал рассматривать Китай как основного конкурента, который пользуется всеми преимуществами Америки и которого надо осадить. Поэтому не являются неожиданными меры, которые принимаются американскими властями постепенно, но последовательно на закрытие китайских компаний, занимающихся бизнесом в США, на вытеснение работающих в американских университетах преподавателей и научных сотрудников, запрет на выдачу учебных виз для студентов технических вузов.

Россия, по мнению создателей «Стратегии национальной безопасности США», стремится ослабить влияние Америки в мире и отделить США от их союзников и партнеров. Россия, видя угрозу в НАТО и ЕС, инвестирует в модернизацию вооружений, в том числе и ядерного оружия, которое остается наиболее значительной существующей угрозой США. Дестабилизирующим фактором являются и кибер-возможности России. Авторы «Стратегии» считают, что «с помощью модернизированной подрывной тактики Россия вмешивается во внутривнутриполитические дела всех стран мира. Сочетание российских амбиций и растущего военного потенциала создает нестабильную границу в Евразии, где возрастает риск конфликта» [7, 25-26] Таким образом, в основном внешнеполитическом документе США был совершенно бездоказательно закреплен образ России как военного конкурента Америки, несмотря на то, что все действия РФ на международной арене были вынужденными и являлись ответом на реальную угрозу со стороны США и стран Запада. И наоборот все мирные инициативы России, как создания «Большой Евразии» были приняты с недоверием и отвергались. Свои же планы с расширением НАТО на восток выполнялись четко и последовательно.

Таким образом, в «Стратегии национальной безопасности США» Китай и Россия были объединены в одну группу государств-конкурентов, причем конкуренция с Китаем осуществляется и будет осуществляться в экономике, высоких технологиях и военной области, а с Россией — в военной сфере.

На основе «Стратегии национальной безопасности» под руководством помощника государственного секретаря Соединенных Штатов Кристофера А. Форда² в т.н. «Бюро Т³» была разработана «Конкурентоспособная стратегия в отношении Китая и России». В документе КНР и Россию называют «почти равными конкурентами», которые представляют своими действиями критический вызов национальной безопасности США и которые пытаются сформировать мир, прямо противоположный интересам и ценностям США. Авторы исходят из следующих 4 ключевых принципов «Стратегии по национальной безопасности», предлагая свой вклад в «конкурентоспособную стратегию»:

Кристофер А. Форд — помощник государственного секретаря по международной безопасности и нераспространению, и в настоящее время выполняет обязанности заместителя секретаря по контролю за вооружениями и международной безопасности. Он раньше работал специальным помощником Президента и Старшим директором по ОМУ и нераспространению ядерного оружия.

«Бюро Т» состоит из Бюро по международной безопасности и нераспространению. Бюро политических и военных дел, Бюро по контролю за вооружениями, проверкам и соответствию, а также для функциональных целей - Офис координатора по вопросам киберпро-

странства, который должен стать ключевым элементом нового Бюро по безопасности в киберпространстве и новым технологиям.

Во-первых, в связи с тем, что Китай и Россия как конкуренты создают США проблемы и бросают стратегические вызовы существующему основанному на правилах и нормах международного порядку, им надо дать жесткий и креативный ответ.

Во-вторых, поскольку вызовы Китая и России направлены «на правительство в целом» и даже «на систему в целом», ответ должен быть, по возможности, широким, включать публичную дипломатию, обмен сетевыми сообщениями, продвижение ценностей и подходов для решения политических и экономических аспектов этих вызовов.

В-третьих, в связи с тем, что Китай и Россия якобы стремятся разрушить существующий либеральный международный порядок, необходимо воспрепятствовать их усилиям по краже или передаче передовых технологий, которые укрепляют их военную мощь.

В-четвертых, необходимо создавать и возглавлять коалиции союзников и партнеров, поощрять разделение бремени расходов, в то же время расширять доступ союзников США и партнеров к американским возможностям для борьбы с глобальными амбициями КНР и России [6, 2-3].

² Кристофер А. Форд – помощник государственного секретаря по международной безопасности и нераспространению, и в настоящее время выполняет обязанности заместителя секретаря по контролю за вооружениями и международной безопасности. Он раньше работал специальным помощником Президента и Старшим директором по ОМУ и нераспространению ядерного оружия.

³ «Бюро Т» состоит из Бюро по международной безопасности и нераспространению. Бюро политических и военных дел, Бюро по контролю за вооружениями, проверкам и соответствию, а также для функциональных целей - Офис координатора по вопросам киберпространства, который должен стать ключевым элементом нового Бюро по безопасности в киберпространстве и новым технологиям.

Авторы документа подчеркивают, что, несмотря на решимость американцев эффективно конкурировать с Китаем и Россией, США должны одновременно оставаться открытыми для дипломатического взаимодействия. Таким образом, Соединенные Штаты будут и впредь стремиться к сотрудничеству в рамках общих интересов с Пекином и Москвой, где это возможно, в том числе в области контроля над вооружениями и миротворческих мероприятий, а также международного мира и безопасности [6, 3].

В чем подоплека конкурентного вызова США со стороны Китая и России?

Оказывается, за последние 20 лет Пекин и Москва приложили значительные усилия в создании их геополитической силы, в усилении агрессивности против интересов США и послевоенной международной системы. Как Россия, так и Китай долго скрывали свои намерения, и Америка не всегда могла распознать вызов.

Россия проявила свою «ревизионистскую» сущность, то есть желание пересмотреть сложившийся порядок, в 2008 году во время войны с Грузией и в 2014-2015 гг. в период событий на Украине. Однако авторы, видимо, забывают, что именно Грузия первой нанесла удар по Южной Осетии и погибшими были российские миротворцы. А государственный переворот на Украине был инспирирован извне. России пришлось защищаться от «цветных» революций на своих границах.

Об этом однозначно говорится в российских программных документах по внешней политике. В Стратегии национальной безопасности отмечаются недружественные шаги США в отношении России — это и претензии к гло-

бальной политике сдерживания нашей страны в политической, экономической, военной и информационной сферах [2, 12], и приближение военной инфраструктуры НАТО к границам России, а также развертывание вопреки международным договорённостям систем ПРО [2, 15], и действия по дестабилизации в «геополитическом поясе безопасности» Российской Федерации в Евразии в общем и на Украине в частности [2, 17]. В условиях пандемии COVID-19 весьма многозначительно выглядит опасение российского руководства, высказанное еще в 2015 г. в Стратегии национальной безопасности, о «неопределенности относительно фактов обладания иностранными государствами биологическим оружием» и расширении на территориях соседних с Россией государств «сети военнобиологических лабораторий США» [2, 19].

При этом Россия последовательно декларирует заинтересованность в выстраивании взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами Америки, на принципах равноправия, взаимного уважения интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга [1, 72].

Однако отношение к России со стороны Администрации президента США выглядит достаточно жестко. Авторы «Конкурентоспособной стратегии в отношении Китая и России» отмечают, что Россия страдает от слабости и унижения, которые она испытала в конце развала СССР и после окончания холодной войны. Она стремится восстановить свой статус и влияние в мире. Поэтому она стоит за многополярный мир главных стран в противовес одностороннему миру США.

Россия стремится восстановить сферу своего влияния как в ближнем зарубежье (Грузия, Украина), так и в дальнем зарубежье (Сирия). Для этого используются вооруженные силы, частные военные компании, военные связи, а также политические, экономические и энергетические средства. Существенным в стратегии России является ослабить союзы США в Европе и других частях света, а также подорвать и дискредитировать глобальное лидерство США.

Администрация США считает, что за исключением тех случаев, когда Россия строит свою сферу влияния, ее геополитические цели разрушительные, то есть подорвать мировой порядок и извлечь выгоду из последовавшего беспорядка.

Авторы документа полагают, что Россия субъективно ощущает себя великой державой, несмотря на экономическую отсталость, коррупцию и демографические проблемы. Хотя она работает над расширением возможностей своих вооруженных, в том числе и ядерных сил, но она по-прежнему зависит от западных технологических ресурсов и передовых технологий в ключевых областях.

По их мнению, для достижения своих целей Россия занимается продажей оружия, поставкой энергоресурсов и строительством гражданских атомных электростанций. На этой основе выстраиваются стратегические отношения с иностранными партнерами, которые Москва использует в политических целях.

Во внутренней политике, по мнению американских политиков, российские власти выступают со следующей картиной мира:

а) Россия окружена врагами во главе с США, которые стремятся подорвать консервативные ценности;

б) в борьбе с внешними силами требуется сильное, централизованное авторитарное национальное государство, подкрепленное наличием традиционных ценностей и поддержкой Русской православной церкви;

в) только такое мощное государство может сопротивляться деградации и обеспечить признание России как великой державы;

г) те, кто выступает против такого государства, угрожают будущему России и являются агентами враждебных иностранных держав;

д) осуществляется жесткий государственный контроль над СМИ, опасно выступать с позиций, не одобряемых властью.

Во внешней политике Россия занимается не столько повествованием о себе или о мире, а сеет раздоры, ослабляет сплоченность западных демократий — США и их союзников, и партнеров. Свою пропаганду она осуществляет открыто и скрыто, в том числе проводя информационные войны в киберпространстве [6, 3-4].

В изложении Кристофера А. Форда, Россия определяется как конкурент Соединенных Штатов в борьбе за глобальное лидерство в области вооружений, энергоресурсов и гражданских атомных станций. Государственное устройство и ценности России глубоко враждебны США и странам Запада. Стремление иметь свои национальные интересы и защищать их, считаются американскими политиками, подрывом международного порядка и ведением информационной кибервойны.

Китай в соответствии с заветами Дэн Сяопина долго скрывал свои намерения и только при Ху Цзиньтао, а затем Си Цзиньпине проявил стремление к геополитическому пересмотру своего положения, а сейчас уже открыто ищет возможность захватить доминирующее положение в Азии, а к 2049 году – 100-летия создания КНР строит планы создания вооруженных сил, которые будут самыми мощными в мире.

Авторы документа откровенно высказывают свои претензии к Китаю по ряду пунктов:

1) Стремление к гегемонизму в Азиатско-Тихоокеанском регионе (что имплицитно подрывает позиции США в этом регионе), захват лидирующих позиций в международных организациях и получение доминирующего положения в передовых технологиях, главным образом в военных технологиях.

2) Расширение совокупной национальной мощи, которая включает политические, экономические, военные аспекты, а также «мягкую силу». Причем расширение происходит на общесистемной основе, способной мобилизовать все аспекты китайского общества с помощью силы принуждения государства.

3) Значительное усиление возможностей НОАК, включая и ядерные силы, с акцентом на высоко технологичную продукцию, что может подорвать или полностью исключить доступ США в район Индийского и Тихого океанов в случае кризиса. Но в этом отношении Пекин остается все еще зависимым от западных технологий.

4) Важнейшая часть стратегии Китая — это доступ к передовым западным технологиям. Путем стратегии «сочетания военного

и гражданского», с помощью субсидированных и координированных государством коммерческих и промышленных программ, традиционного и нетрадиционного шпионажа происходит получение западных технологий, а затем от гражданских юридических лиц идет передача в армию или спецслужбы. Целью является революция в военных делах, которая основывается на технологиях.

5) Китай использует политическое и экономическое взаимодействие, в том числе путем приобретения доминирующей доли рынка в секторах передовых технологий, как телекоммуникации и ядерная энергетика в гражданских целях, для построения взаимоотношений с большим количеством правительственных и неправительственных партнеров во всем мире. Причем данные взаимоотношения используются в политических целях и для манипуляций в экономике и торговле.

Во внутренней политике авторы документа из Госдепартамента США не согласны с тем, что нахождение у власти Коммунистической партии Китая является необходимым, ибо

а) партийное руководство требуется для национального возрождения после 100 лет унижения со стороны Западных держав.

б) без твердой руки централизованного руководства и контроля КПК Китай может скатиться в хаос.

в) за имеющейся неудовлетворенностью властью КПК в Китае стоят иностранные державы, имеющие мотив навредить китайскому народу.

г) любая критика политики КПК только

помогает иностранцам угрожать судьбе Китая.

Во внешней политике американские чиновники из Госдепартамента также стремятся дезавуировать утверждения КПК о том, что

а) не нужно бояться подъема Китая, его растущая военная мощь будет использоваться только в оборонительных целях;

б) китайская модель авторитарного государственного капитализма, основанная на технологиях, лучше и успешнее западной либеральной модели

в) западные политические и экономические системы коррумпированные, упаднические, нестабильные и нефункциональные

г) любая критика политики КПК, ее геополитических амбиций и попытки выступить против достижения ее целей является старым мышлением «Холодной войны»;

д) другие страны должны отложить в сторону свою озабоченность, как Пекин будет реализовывать свою геополитическую власть, вступать в отношения сотрудничества с КПК во имя взаимной выгоды и увеличивающейся глобальной гармонии [6, 2-3].

Подобная риторика не может не вызывать опасения в Пекине. Министерство обороны КНР в последней «Белой книге» по обороне отмечает, что на смену возможностям глобализации пришла международная стратегическая конкуренция. «США корректируют свою стратегию национальной безопасности и стратегию национальной обороны, проводят одностороннюю политику, провоцируют и усиливают конкуренцию между основными державами, существенно увеличивают военные расходы, уско-

ряют наращивание потенциала в ядерной, космической, сетевой, противоракетной обороне и других областях и подрывают глобальную стратегическую стабильность» [9]. Азиатско-Тихоокеанский регион стал центром соперничества между крупными мировыми державами, что создает неопределенность для региональной безопасности. США укрепляют военные альянсы в АТР, развертывают системы ПРО в Южной Корее. Австралия продолжает консолидировать свой военный союз с Соединенными Штатами [9].

При этом о китайско-американском сотрудничестве Пекин отзывается в том же духе, что и Москва. Китайско-американские отношения являются одними из важнейших двусторонних отношений в мире. Сотрудничество является единственным правильным выбором между двумя странами. Соединенные Штаты должны отказаться от менталитета холодной войны. Китай не намерен бросать вызов Соединенным Штатам и не хочет заменять собой США. Но и Соединенные Штаты не должны ограничивать развитие Китая. КНР готова работать с США, чтобы расширять сотрудничество на основе взаимной выгоды, разрешать разногласия на основе взаимного уважения, продвигать китайско-американские отношения, основанные на координации, сотрудничестве и стабильности [10, 4].

Несмотря на вполне миролюбивый тон во внешней политике Китая, если после окончания холодной войны место США как глобального лидера никто не оспаривал, и только с приходом к власти президент Трамп обратил внимание на возвышении Китая и сфокусировал внешнюю политику на конкуренции Великих держав.

Отношение к Китаю в администрации США как к конкуренту повлекло за собой ревизию взаимодействия на всех уровнях – глобальном, региональном и двустороннем и во всех сферах — политической, социально-экономической, военной, гуманитарной. Были пересмотрены и ценностные основы бывшего сотрудничества.

Как Соединенным Штатам противостоять конкурентным вызовам и угрозам со стороны Китая и России?

Бюро Т Госдепартамента США — разработчик конкурентоспособной политики предлагает отказаться от мышления в духе отрицания абсолютного преимущества или абсолютной возможности в отношении конкуренции великих держав. Дело в том, что мощь конкурентных держав уже выросла до уровня «почти равных соперников» и по объемам, и по возможностям. Это является «свершившимся фактом», который нельзя отрицать. Фактически американские власти отказываются от игры с «нулевой суммой», когда победитель забирает все. Китай часто критиковал США в том, что они действуют в духе «холодной войны». Китайские власти в свою очередь предлагали взаимодействие на основе «общего выигрыша», когда выигрывают все участники геополитической игры.

Новое предложение Госдепартамента имеет свои особенности. В связи с тем, что конкуренция — это фактически состязание, то обнаруживаются два подхода участия в данном состязании.

Первый подход: это «бежать быстрее конкурентов», то есть США должны создавать процветание, расширять экономику; поддержи-

вать и усиливать привлекательность ценностей и идеалов, правительства и общества; строить взаимоподдерживающие и расширяющие возможности отношения с широким кругом соответствующих международных партнеров и других заинтересованных сторон; продвигать инновации и удерживать лидерство на критически важных аренах передовых технологий, способствующих укреплению национальной власти; использовать технологические достижения на арене национальной безопасности, чтобы сдерживать и, если необходимо, побеждать агрессию и содействовать американской безопасности [6, 5].

Второй подход: это заставить «конкурентов бежать медленнее» (препятствовать прогрессу), то есть, действуя как самостоятельно, так и с как можно большим количеством поддерживающих союзников и партнеров, США должны предпринять шаги, замедляющие темпы продвижения конкурентов в соответствующих областях, такие как вышеупомянутые, но не исключая способности Америки сотрудничать с этими конкурентами по общим интересам и использовать взаимовыгодное взаимодействие, где это возможно, для управления конкуренцией и снижения рисков [6, 5].

Таким образом, новый курс США в отношении своих двух крупных конкурентов, которые представляют угрозу национальной безопасности, это с помощью односторонних мер — собственных и коллективных — вместе с союзниками, партнерами и заинтересованными лицами путем политических, дипломатических, экономических, финансовых, торговых, инновационно-технологических мер затормозить развитие

Китая и России, тем самым добиться преимущества в конкурентной борьбе. Конкуренцию вести на всех уровнях и во всех областях.

В этой связи Китай и Россия должны осознать новую реальность в отношениях с США. Старые схемы взаимоотношений обнуляются. В систему международных отношений возвращается важнейший, практически забытый компонент как сила. В «Стратегии национальной безопасности» 2017 года уже провозглашалось, что «Соединенные Штаты будут искать области сотрудничества с конкурентами с позиции силы, прежде всего, благодаря тому, что наша военная мощь не имеет себе равных и полностью интегрирована с нашими союзниками и всеми нашими инструментами силы» [7,27]. Таким образом, отношения во всех областях с конкурентоспособными державами, как Китай и Россия, США будут рассматривать только с позиции силы.

Американские власти, объединив Китай и Россию в группу держав-конкурентов, создали объективные предпосылки для более тесного взаимодействия наших стран, чем оно было раньше. Практические действия администрации США в отношении Китая демонстрируют применение «мягкой силы со знаком минус»: в экономической области, как доведение торговых противоречий до торговой войны, в международной сфере, как намечавшееся сотрудничество в борьбе с пандемией COVID-19 под эгидой ВОЗ превратилось в раскол стран мира и выдвижение голословных обвинений против Китая в «заражении планеты» и «сокрытии информации о вирусе».

Что касается России, то американские власти продолжают принимать односторонние

санкции против юридических и физических лиц, связанных, главным образом, с военно-промышленным комплексом РФ и с не признанной Западом Республикой Крым. В военно-политической сфере администрация США последовательно подвергает слому всю международно-правовую договорную систему прошлого, предлагая новый формат и новых участников. Так, Д. Трамп объявил о выходе из Договора между США и СССР о ликвидации ракет средней и малой дальности. Под вопросом находится Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, СНВ-III. В США было принято решение о выходе из Договора по открытому небу, который был подписан в 1992 году. Все эти действия администрации Д. Трампа свидетельствуют о демонстрации США одностороннего гегемонизма и к переходу к отношениям «сотрудничества с позиции силы».

Новая реальность в международных отношениях, о которой многие политологи говорят в связи с пандемией коронавируса, наступила с приходом Д. Трампа в Белый дом в 2017 году и принятием в том же году «Стратегии национальной безопасности». Эпидемия COVID-19 лишь указала на узкие места в системе здравоохранения стран в мире, разную эффективность моделей государственного управления и чрезмерную политизацию эпидемиологической обстановки.

Если исходить из новой реальности, следует по-новому взглянуть на взаимодействие Китая и России как в преддверье президентских выборов в США, так и на более далекую перспективу.

1) Китаю и России необходимо заново оценить свои преимущества, возможности и ресурсы для конкуренции со США в глобальном, региональном и двустороннем формате.

2) КНР и Российской Федерации нужно провести пересмотр сфер деятельности, в которых ожидается конкурентное наступление со стороны США.

3) Китаю и России требуется наполнить новым содержанием формулу «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», принимая во внимание новую внешнеполитическую реальность.

4) Пекин и Москва, учитывая национальные интересы друг друга, должны разработать новые, более тесные и одновременно гибкие формы взаимодействия на международной арене для купирования рисков и угроз со стороны США.

5) В связи с резким возрастанием конкурентной борьбы с США и его союзниками и партнерами на международном уровне Китай и Россия могут рассмотреть вопрос о всестороннем углублении сотрудничества и укреплении стратегической взаимодополняемости в двусторонних отношениях.

6) С целью борьбы с монополизацией Западными странами мировых СМИ КНР и России необходимо совместно создавать привлекательный образ взаимодействия двух стран в гуманитарной области.

7) Активно укреплять наднациональные институты взаимодействия КНР и Российской Федерации — ШОС, БРИКС, РИК, сопряжение Инициативы «Один пояс, один путь» и ЕЭС в плане подготовки к участию в конкурентной борьбе с США.

8) Тесно сотрудничать и глубоко взаимодействовать друг с другом в структурах регионального и глобального управления с целью борьбы за справедливое представительство своих государств и оказания отпора вызовам со стороны США.

В заключение следует отметить, что в Соединенных Штатах Америки принята новая стратегия борьбы со странами, которые выбирают собственный путь развития — путь суверенитета. Если долгие годы мир оставался однополярным, и параллельно разрабатывались концепции многополярности, полицентризма на случай, если Америка утратит свою лидирующую роль. Глобализация с единым финансовым центром в США, в принципе, не оставляла места для возникновения иных политических комбинаций в мире.

Приход к власти Президента Д. Трампа не снял вопрос, как многим казалось, лидерства Америки в мире. Лозунг Трампа «Сделать Америку великой» относился не только к внутренней экономической жизни страны, но и ее статусу в глобальном мире. Он поставил своей задачей сделать роль Америки в мире более привлекательной, более эффективной и менее затратной. Глобалисты приучили весь мир, что за все платит Америка, а Трамп решил разложить бремя внешних расходов на всех, кто нуждался в помощи США. В русле оптимизации глобальной роли США лежит и изменение отношения к Китаю и России.

Экономическое возвышение КНР пришлось на период глобализации и одним из главных ее бенефициаров и защитников был Китай, до сих пор в программных документах

китайское правительство отмечает: «Китай развивается через взаимодействие с миром» [10, 2]. Подъем России также пришелся на бурные годы глобализации, когда потребность в энергоносителях была постоянной и большой. Военные успехи России в Сирии, разработка и внедрение новых вооружений зависели от проведения реформы в армии и модернизации вооружений, которые проходили в 2000 годы.

Повышение места и усиление роли государства в мировом сообществе зависят от экономических, военных и политических факторов. Великой державой может считаться страна, которая не только занимает первые места в экономических рейтингах органов глобального управления, но и обладает мощной армией и самостоятельным политическим голосом. Признание американскими властями за Китаем и Россией статуса Великих держав, которые заслуживают конкуренции, означает и высокую оценку политических и экономических или военных достижений, и большую ответственность за будущее развитие своих стран. Америка открыто объявила о том, что будет всеми политическими и экономическими средствами задерживать развитие своих конкурентов. Такая политика представляет собой консенсус всей элиты Соединенных Штатов, несмотря на глубочайшие противоречия по другим вопросам внутренней и внешней политики. Изменение этой политики не будет зависеть от результатов предстоящих президентских выборов в США. Именно такая политика представляет новую внешнеполитическую реальность для Китая и России.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). 2232-01-12-2016. 01.12.2016 18:41 [Электронный ресурс] // Сайт МИД России - URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 25.05.2020)
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 02.01.2016. 13:06 [Электронный ресурс] // Сайт МИД России - URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/294430 (дата обращения: 25.05.2020)
3. А. Кадомцев. «Вирусные» выборы - повлияет ли коронавирус на исход президентской гонки в США? [Электронный ресурс] // Международная жизнь, <https://interaffairs.ru/news/show/25604> (Дата обращения: 24.05.2020)
4. А Кадомцев. Трамп - против Байдена, коронавирус - против всех [Электронный ресурс] // Международная жизнь, URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26041> (Дата обращения: 24.05.2020)
5. Oxford Economics: Трамп может проиграть выборы из-за эпидемии COVID-19 18:37 21.05.2020 [Электронный ресурс] // Международная жизнь URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26408> (Дата обращения: 24.05.2020)

6. Christopher A. Ford. Competitive Strategy vis-à-vis China and Russia: A View from the "Т Suite". [Электронный ресурс] // Arms Control and International Security Papers. Volume 1 Number 6. May 11 2020, С. 2-3 URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/05/T-paper-series-6-Strategic-competition.pdf> (Дата обращения: 24.05.2020)
7. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс] // Сайт White House URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
8. World Health Organization. Coronavirus disease (COVID-19). Situation Report -124/ Date as received by WHO from national authorities by 10:00 CEST, 23 May 2020 [Электронный ресурс] // Сайт WHO URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200523-covid-19-sitrep-124.pdf?sfvrsn=9626d639_2 (Дата обращения: 24.05.2020)
9. 《新時代的中國國防》白皮書, Белая книга «Оборона Китая в новое время» 11:24 24.07.2019 [Электронный ресурс] // Сайт Минобороны КНР URL: http://www.mod.gov.cn/big5/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (Дата обращения: 26.05.2020)
10. 《新时代的中国与世界》白皮书, Белая книга «Китай нового времени и мир» 27.09.2019 [Электронный ресурс] // Сайт Канцелярии информации Госсовета КНР URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1665426/1665426.htm> (Дата обращения: 26.05.2020)

References

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). 2232-01-12-2016. 01.12.2016 18:41 [Электронный ресурс] // Сайт MID России - URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 25.05.2020)
2. Ukaz Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 02.01.2016. 13:06 [Электронный ресурс] // Сайт MID России - URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/294430 (дата обращения: 25.05.2020)
3. A. Kadomcev. «Virusnye» vybory - povliyaet li koronavirus na iskhod prezidentskoj gonki v SSHA? [Электронный ресурс] // Mezhdunarodnaya zhizn', <https://interaffairs.ru/news/show/25604> (Дата обращения: 24.05.2020)
4. A Kadomcev. Tramp - protiv Bajdena, koronavirus - protiv vseh [Электронный ресурс] // Mezhdunarodnaya zhizn', URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26041> (Дата обращения: 24.05.2020)
5. Oxford Economics: Tramp mozhet proigrat' vybory iz-za epidemii COVID-19 18:37 21.05.2020 [Электронный ресурс] // Mezhdunarodnaya zhizn' URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26408> (Дата обращения: 24.05.2020)
6. Christopher A. Ford. Competitive Strategy vis-à-vis China and Russia: A View from the "Т

- Suite". [Elektronnyj resurs] // Arms Control and International Security Papers. Volume 1 Number 6. May 11 2020, С. 2-3 URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/05/T-paper-series-6-Strategic-competition.pdf> (Data obrashcheniya: 24.05.2020)
7. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Elektronnyj resurs] // Sajt White House URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
8. World Health Organization. Coronavirus disease (COVID-19). Situation Report -124/ Date as received by WHO from national authorities by 10:00 CEST, 23 May 2020 [Elektronnyj resurs] // Sajt WHO URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200523-covid-19-sitrep-124.pdf?sfvrsn=9626d639_2 (Data obrashcheniya: 24.05.2020)
9. 《新時代的中國國防》白皮書, Belaya kniga «Oborona Kitaya v novoe vremya» 11:24 24.07.2019 [Elektronnyj resurs] // Sajt Minoborony KNR URL: http://www.mod.gov.cn/big5/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (Data obrashcheniya: 26.05.2020)
10. 《新时代的中国与世界》白皮书, Belaya kniga «Kitaj novogo vremeni i mir» 27.09.2019 [Elektronnyj resurs] // Sajt Kancelarii informacii Gossoveta KNR URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1665426/1665426.htm> (Data obrashcheniya: 26.05.2020)

Информация об авторах

Д.и.н., профессор **Семенов Александр Владимирович**

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва
Россия

legatus@bk.ru

Соискатель **Семенов Илья Александрович**

Нижегородский государственный университет
Россия

ilya@tento.com.tw

Information about the Authors

Alexander V. Semenov,

Doctor of History, professor

Department of Oriental Languages

Diplomatic Academy of Ministry for Foreign Affairs
of Russia,

Moscow, Russian Federation

legatus@bk.ru

Ilya A. Semenov,

PhD candidate

Institute of International Relations and World History

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Nizhny Novgorod, Russian Federation

ilya@tento.com.tw

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Брежнев и Сталин в китайской советологии 1990-х гг.**Brezhnev and Stalin in 1990s Chinese Sovietology***Цзе Лу | Jie Li**Единбургский университет**The University of Edinburgh**jielican2009@hotmail.com**DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-100-115***АННОТАЦИЯ**

Распад Союза Советских Социалистических Республик в 1991 году оказал глубокое влияние на Китай. Распад Советского Союза имел целый ряд существенных последствий для китайской внутренней и внешней политики и других аспектов. Однако многие мифы о китайских исследованиях Советского Союза после 1991 года были распространены и увековечены во вторичной литературе, написанной западными учеными. Некоторые вопросы были неясны или неправильно поняты в предыдущих исследованиях, и одна из этих неточностей связана с китайскими представлениями о роли последнего советского лидера Михаила Горбачева. Ряд вторичных источников утверждают, что после 1991 года, из-за их влияния на демократические движения Китая 1989 года, как они воспринимались китайским коммунистическим режимом, большинство китайских наблюдателей за Советским Союзом считали Горбачева и его либерализацию фундаментальными катализаторами в инициировании распада Советского Союза. В литературе, похоже, сходятся во мнении, что эти китайские ученые были однозначны в оценке отдельных действий и неудач Горбачева и что они преувеличивали значение Горбачева и его либеральных

ABSTRACT

The breakup of the Union of Soviet Socialist Republics in 1991 has had a profound impact on China. The Soviet dissolution has had a variety of significant repercussions on Chinese politics, foreign policy, and other aspects. However, many myths about post-1991 Chinese research on the Soviet Union have been circulated and perpetuated by a body of secondary literature written by Western scholars. Some issues have been unclear or misunderstood in previous studies, and one of these inaccuracies has to do with Chinese perceptions of the role of the last Soviet leader Mikhail Gorbachev. A number of the secondary sources argue that, after 1991, because of their impact on China's 1989 pro-democracy movements as perceived by the Chinese communist regime, most Chinese Soviet-watchers considered Gorbachev and his liberalization to be the fundamental catalysts in triggering the collapse of the Soviet Union. The literature seems to agree that those Chinese scholars were univocal in assessing Gorbachev's individual actions and failings, and that they overstated the implications of Gorbachev and his liberal programs for China. This research reveals that

программ для Китая. Это исследование показывает, что с середины 1990-х годов многие китайские советские наблюдатели проследили корни трагедии до администраций Леонида Брежнева и Иосифа Сталина, утверждая, что консервативные силы и жесткая коммунистическая система были решающими факторами в ее возникновении, а не только фигура Горбачева. Их труды подтвердили и узаконили планы китайского лидера Дэн Сяопина после Тяньаньмэньского противостояния левизне и спасения китайского социализма путем ускорения реформ и политики открытых дверей.

Ключевые слова: Дэн Сяопин, китайские советские наблюдатели, Пост-Тяньаньмэнь, Леонид Брежнев, Иосиф Сталин

Для цитирования: Цзе Ли. *Брежнев и Сталин в китайской советологии 1990-х гг.* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 100-115

INTRODUCTION

The breakup of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) in 1991 has had a profound impact on the People's Republic of China (PRC). The Soviet dissolution has had a variety of significant repercussions on Chinese politics, foreign policy, and other aspects. However, many myths about post-1991 Chinese research on the Soviet Union have been circulated and perpetuated by a body of secondary literature written by Western scholars. Some issues have been unclear or misunderstood in previous studies, and one of these inaccuracies has to do with Chinese perceptions of the role of the last Soviet leader Mikhail Gorbachev.

A number of secondary sources written by Western scholars (Rozman, 2010: 464-470; Marsh, 2005: 111; Shambaugh, 2008: 48-56; Wilson, 2007:

since the mid-1990s, many Chinese Soviet-watchers have traced the roots of the tragedy back to the administrations of Leonid Brezhnev and Joseph Stalin, arguing that the conservative forces and the rigid communist system were the decisive factors in bringing it about— rather than the figure of Gorbachev alone. Their writings confirmed and legitimized the Chinese leader Deng Xiaoping's post-Tiananmen agendas of opposing leftism and saving Chinese socialism by speeding up the reform and open door policy.

Keywords: Deng Xiaoping, Chinese Soviet-watchers, Post-Tiananmen, Leonid Brezhnev, Joseph Stalin

For citation: Jie Li. *Brezhnev and Stalin in 1990s Chinese Sovietology.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(1). 100-115

272) argued that, Chinese Soviet-watchers began making positive comments about Gorbachev immediately after he assumed power in 1985. However, these Soviet-watchers turned against the last Soviet leader soon after the Tiananmen Incident in 1989. The existing secondary literature seems to have exaggerated the impact of Gorbachev on China.

This article will reveal that after the demise of world communism in the early 1990s, many Chinese academic writings appeared to excite debates on the two Soviet leaders – Leonid Brezhnev and Joseph Stalin. Many Chinese Soviet-watchers have traced the roots of the Soviet demise back to the administrations of Brezhnev and Stalin, arguing that the conservative forces and the rigid communist system were the decisive factors in bringing it about – rather than the figure of Gorbachev alone.

METHODOLOGY AND SOURCES

With respect to primary sources, it should be mentioned here that this research is based wholly on the “national core journals” (*Guojiaji hexin qikan*) published in the PRC, and mainly on the following four categories of journals:

The first are those journals focusing on research in the humanities and social sciences in general (*Shehui kexue yanjiu*, *Shijie jingjiyu zhengzhi*). Second are those journals dealing with problems of socialism or communism in the world (*Dangdai shijie shehui zhuyi wenti*, *Shehui zhuyi yanjiu*). The third group forms the core of this study; they concentrate on questions and issues relating to the former Soviet Union (later the Russian Federation and other Commonwealth Independent States after 1991) (*Sulian dongou wenti*, *Eluosi yanjiu*). Lastly, the research scope also included relevant articles in various university journals (*Zhongguo shehui kexueyuan yanjiu shengyuan xuebao*, *Zhonggong zhongyang dangxiao xuebao*).

Moreover, the paper examines the thinking of Chinese Soviet-watchers against the backdrop of political developments in the PRC in the 1990s. Therefore, in order for this research to be successfully located in the rich fabric of intellectual activities and the changing environment of contemporary China, the investigator also consulted China's Party newspapers and journals, such as the *People's Daily*, *Guangming Daily*, and *Beijing Review* (English edition), and the writings and speeches of PRC officials, such as those of contemporary Chinese leaders.

RESULTS

In 1997, Chen Zhihua (陈之骅), a researcher in the Institute of World History at the Chinese Academy of Social Sciences (CASS) and a prominent scholar on Leonid Brezhnev, commented that Chinese research on Soviet history had overwhelmingly focused on the periods of Lenin, Stalin, Khrushchev, and Gorbachev, while overlooking the 18-year rule of Brezhnev, which was “the time when the Soviet Union started to decline”, and “the key to understanding the historical lessons of the Soviet downfall” (Chen, 1997: 12). Chen's remark is not altogether correct. In reality, Chinese research of Brezhnev and his administration had flourished in the 1990s.

In 1992, Chinese leader Deng Xiaoping embarked upon a trip to China's southern provinces, where he repeatedly urged the need for learning from capitalism and rekindling China's all-round economic development – particularly after the setback of Tiananmen, in which the Party conservative force attempted to attack and quash Deng's policies taken after 1978. Deng stressed that it was “the achievements of the reform and the open policy” that had helped China to weather the Tiananmen crisis. He argued that the PRC should “make socialism develop in a healthier direction”, in order to overcome the panic caused by the worldwide defeat of socialism. He especially emphasized that he could not tolerate “slow growth” and “stagnation”. He pointed out that “it is necessary to fundamentally change the economic structure”, and “to establish a vigorous socialist economic structure that will promote their development” (Deng, 1995d: 358). Deng seemed to fully understand that, after having squandered what legitimacy communism had in

the brutality of 1989 and the Soviet demise, the only resource of the Chinese Communist Party (CCP) regime was economic performance, which meant putting more food in the shops and improving the living standard of the Chinese people.

Moreover, another important purpose of Deng's 1992 southern tour was to win the factional warfare and succeed in having his reform strategy prevail after the Tiananmen backlash. The fact that his trip at first received no official media coverage and the People's Daily did not publish anything about it until one month later was a testament to the strength of CCP leftist opposition. In his talk, Deng asserted that the reason for the failure of European socialism had little to do with democracy, and more to do with the lack of security and prosperity. During the trip, Deng attempted to make moves against the Party conservatives, saying those insufficiently enthusiastic for reform should go (Deng, 1995d: 363).

In response to Deng's messages, on 4th June 1992, three years after the Tiananmen Incident, the People's Daily published an article saying that China should "give up the highly centralized socialist economic system borrowed from other countries before", and "overcome the problem of the leftist thinking" (*People's Daily*, 1992: 2). On the same day in 1993, another article in the People's Daily indicated that "leftism is the biggest enemy of socialism" (*People's Daily*, 1993: 2). In scholarly writings, Wu Xingtang (吴兴唐), vice-president of the Chinese Association of International Communist Movement Studies, praised Deng's speech in early 1992 as "the guiding principle for studies in international relations and the communist movement". Wu sneered at the leftist thinking, which put blame

on "the excessiveness of reforms and insufficient class struggle" as the main factors for causing the Soviet demise. He concluded that the real intention of leftism was for "obstructing Deng's reformist line" (Wu, 1992: 3-4). Gao Fang (高放), a professor of international relations at Renmin University and an expert in the history of world communism, in another article also strongly attacked the leftist tendencies. The author attributed the failure of Soviet socialism to economic, not political, factors. He said that "leftism was the true gravedigger of the USSR, while rightism was only putting a nail in its final coffin" (Gao, 1992: 10).

In and after 1992, many pieces of academic work seemed to lavish attention on the Soviet Union under Brezhnev (E, 1992: 27-33; Liu, 1992: 8-12; Huang, 1993: 39-46; Chen, 1993: 53-57; Ma, 1995: 59-63). Chinese scholars were targeting his obsession with the status quo and ignorance of true reality, which made the Soviet economy lag behind the West more and more. The commentaries meshed with Deng's emphasis on economic growth and antileftism after the Soviet demise. As CASS scholar E Huancheng (鄂焕成) wrote, "Comrade Deng Xiaoping once remarked that the priorities of development are scientific technologies and the productive forces, and such remark inspires us to seek the true reason of Brezhnev's failure." The author concluded that the Soviet problems had surfaced under Stalin and escalated in Brezhnev's time, which he termed as "the long medieval ossified rule". He said that the Brezhnev administration had rendered subsequent reforms launched by Gorbachev insufficient to rescue the Soviet system (E, 1992: 31).

Another CASS scholar, Liu Guanghui (刘光慧), described the USSR after the 1970s as “a pool of lifeless and stagnant water”. He found that the biggest reason for Brezhnev’s unwillingness to take up reforms was his predecessor Khrushchev’s rashness in improvising the reform programs that had contributed to the chaotic economic situation — thus causing the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) to become tired of such adventure and to itch for stability. He concluded that the lesson from Brezhnev was that socialism should “persist with reforms forever” (Liu, 1992: 10-11). After criticizing the Brezhnev administration for being “conservative and rigid”, Huang Zongliang (黄宗良), vice-director of the Russian Studies Institute at Beijing University, concluded that a socialist country should always find a balance between reform and stability. While a stable environment could ensure the success of reform, nonetheless reform should always be prioritized in order to maintain stability and prosperity (Huang, 1993: 44-45).

In the late 1990s, CASS senior researcher Xu Kui (徐葵) retraced Brezhnev’s early life and trajectory to power, and studied his personal attributes and characters, such as “mediocrity, lack of innovation, being pleasure-seeking and vainglorious”. He argued that these explained why the Soviet Union since the 1970s had been fraught with personality cults, incorrigible bureaucracy, and economic deterioration. He commented that the era of Brezhnev was “the turning point when the Soviet Union went from prosperity to decline” (Xu, 1998: 27). In late 1998, Chen Zhihua (in his new book funded and published by CASS) re-examined Brezhnev and his time. At the beginning of the book, Chen wrote that his analysis was in accordance with the motif of

Deng’s speech in 1992, which was the theoretical framework of the project (Chen, 1998: 1). The author said that the rule of Brezhnev was not only the dividing line for the USSR’s turn from strength to weakness, but also “the bane of the final demise in 1991”. In his view, “Studying Brezhnev’s period is a must in finding out reasons for the downfall” (Chen, 1998: 4-5). He finally contended that the crumbling of the USSR was not historically inevitable. The state under Brezhnev was ripe for reforms, but he slept through it, as it were. Brezhnev might have helped the Soviet Union survive, but he had missed the chance to transform the sorrow into strength in the 1970s (Chen, 1998: 24).

First, the renewed discussion on Brezhnev was a product of a more open political milieu resulting from Deng Xiaoping’s 1992 landmark speech. Accordingly, Chinese intellectual debates became, to a limited degree, more lively and animated than the dreary period after 1989. In the wake of Deng’s southern tour, the spirit of “seeking truth from facts” was re-emphasized to give a new impulse to the study of socialism (Deng, 1995d: 369-370). Although the general political climate in China was still uncertain, this modest progress had made it possible for scholars to discover more objectively the problems of the USSR, and to diversify the roots of the collapse. It provided encouragement to reinterpret and challenge the prevalent one-sidedly views that were mainly concerned with the cause of Gorbachev.

Second, unlike the post-Tiananmen official and academic analysis, which argued that the peaceful evolution engineered by the West had played a prominent role in jolting Eastern Europe and the USSR, the debate on Brezhnev and the moribund

economy under his administration marked the termination of the peaceful evolution thesis, which seemed to be an exaggerated accusation that the Soviet collapse was simply a victim of Western subversion. The doctrine of peaceful evolution was more a propaganda trick than a genuine academic argument.¹ The Party hard-liners had used the threat of peaceful evolution as the justification to shut down reforms.² The first PRC leader Mao Zedong once said that “the fundamental cause of the development of a thing is not external but internal” (Mao, 1965: 313). Some Chinese Soviet-watchers also remarked that putting blame for the Soviet downfall on external factors such as the peaceful evolution was either “superficial” (E, 1992: 8) or “one-sided and noxious” (Chen, 1993: 53).

Since 1992 some scholars also concluded that, if the impact of Gorbachev’s *glasnost* (openness) and the peaceful evolution were rational explanations for the collapse, then it was because the inherent weakness of the Soviet socialist system that had made it become unable to resist the restoration of capitalism and democratization (Chen, 1993: 56; Lu, 1997: 14). By dispelling the assertion of peaceful evolution, Deng won the power battle over his Party rivals, ensuring a state-wide consensus to embrace his strategy of faster growth, enhanced economic reform, and greater interaction with the outside world. Similarly, the research on Brezhnev in the 1990s also signalled the return of a down-to-earth and critical approach in studying

the Soviet demise, and the repudiation of seemingly non-scholarly and irrelevant official rhetoric.

Last, there was a distinct change in Chinese writings in the 1990s, from attacking Gorbachev’s liberalization to condemning Brezhnev’s conservatism. After that, Gorbachev became the lesser of two evils and was rarely seen as the cardinal source of the downfall.⁶ In and after 1992, when China had come out of the shadow of Tiananmen and the Soviet demise, and was at the height of campaigning for anti-leftism, the practice of criticizing Brezhnev’s orthodoxy instead of attacking Gorbachev’s liberalization was instrumental in encouraging more innovation to keep the socialist regime vital. The discussion of Brezhnev played a role in affirming and promoting China’s market-oriented path, thereby revivifying the pace of reform that had slowed in the wake of the 1989 repression. Chinese writings intended to take advantage of the study of Brezhnev to give credit to the ethos of Deng’s 1992 speech, and to enlist support for his future vision for China in the post-communist world.

Apart from Brezhnev, another Soviet leader Joseph Stalin had become the subject of avid study in 1990s China. After Deng Xiaoping’s southern tour in early 1992, China began to reflect on its past inefficient socialist economic system, for the take-off of a new wave of reforms after the backlash of Tiananmen. In late 1992, the new CCP

¹ Shambaugh also has a survey on the pre-1992 Chinese short-lived thesis of peaceful evolution, see Shambaugh, 2008: 55.

² Deng once indicated that the Soviet collapse could not be attributed to the peaceful evolution statement. He said, “Some theoreticians and politicians have used this thesis in an attempt to jettison the economic reform policy. Their thinking is not safeguarding but negating socialism.” See Zong, 2007: 42.

⁶ For details, see Etheridge, 1990.

Secretary General Jiang Zemin delivered an opening speech at the 14th CCP Congress. He remarked:

This new revolution is not going to change the nature of our socialist system; instead, it is a self-improvement and a further development of socialism. However, it is also not a simple repair to our economic structure, but a fundamental reform of it. The past economic system was born under the special historical circumstances, and it had once played a key role in our socialist construction. However, as time goes on, the system becomes increasingly unfit for the requirement of modernization (Jiang, 2006: 212).

Jiang's words revealed that after Tiananmen and the perdition of European communism, China had no intention to change its political system to adjust to the post-communist world. However, the CCP was eager to tackle its economic institution in order to make the regime more viable after the worldwide crisis of socialism.

Encouraged by the official announcements, Li Zongyu (李宗禹), a researcher in the Institute of Studies of the International Communist Movement at the CCP Central Bureau for the Compilation and Translation, reactivated the attacks on Stalin in late 1992. In his article published in *Dangdai shijieyu shehui zhuyi* (当代世界与社会主义 Contemporary World and Socialism), the author made the point that all problems of the former Soviet Union had originated from the Stalinist model after Lenin. He contended that such a model had overly excluded the capitalist elements and obstructed the productive forces and economic development, when Soviet socialism was still in its infancy — thus contributing to the subsequent dissolution of the state. In his opinion, both Deng's theory of building social-

ism with Chinese characteristics and the goal of the 14th Congress in establishing a socialist market economy, were “a breakaway from Stalin's formulaic understanding of Marxism and the highly centralized plan economic system founded by Stalin, respectively” (Li, 1992: 23).

In his book published by CASS in 1994, the well-known Soviet historian and independent scholar Shen Zhihua (沈志华), by quoting the classics of Karl Marx and Vladimir Lenin, pointed out that socialist agriculture needs to be privatized and complemented by capitalist management methods, thereby criticizing Stalin's notion that only collectivization was socialist in nature and the state was the owner of the land (Shen, 1994: 21). Throughout the book, Shen stated unequivocally that building socialism needs to be guided by the line of state capitalism. He argued strongly that Stalin had overturned Lenin's liberal approach to Soviet agriculture initiated during the New Economic Policy (NEP, 1922-1928) period. Such a move paved the path to not only the subsequent disastrous rural famine in the 1930s, but also the final collapse of Soviet economic and political system in 1991 (Shen, 1994).

Afterwards, throughout the 1990s, numerous articles appeared in various academic journals and studied the Stalinist model for helpful lessons in building socialism in China. Most of them resembled the tone of Li Zongyu's article; they were criticizing Stalinism as a distortion of Leninism and socialism, the origin of leftism in the international communist movement, and a fundamental cause of the Soviet demise (Zhao, 1993: 3-9; Yu, 1994: 64-69; Zheng, 1995: 7-12; Zuo, 1996: 57-63). In the late 1990s, several articles generated new arguments and went further to attack the Stalinist mod-

el. Unlike some erstwhile Chinese writings, which justified that the Stalinist economic institution was absolutely essential during the period of war, but not necessary in the time of peace (Wang, 1989: 58; Kong, 1990: 29-34; Zhang, 1990: 188), Wu Kequan (武克全), a researcher at the Shanghai Academy of Social Sciences, dismissed the historical inevitability of the Stalinist model and concluded that such a highly militarized but inefficient system was by no means a measure of building socialism under any circumstances (Wu, 1998: 13-17).

The post-1991 Chinese re-evaluation and criticisms of Stalin should be analysed in a broad spectrum after Deng's southern tour in 1992. In a book on Stalin's political life published in 1997, the authors Jiang Changbin (姜长斌)³ and Zuo Fengrong (左凤荣)⁴ wrote in the Epilogue (Jieshuayu 结束语) that the project was inspired by Deng's 1992 talk. It was Deng's remarks on the nature of socialism and the Soviet model that had made the authors "become enlightened". They decided to use Deng's theory as the "guiding principle" in conducting research into Stalin (Jiang and Zuo, 1997: 623). According to them, the Soviet model, which had consigned the country to the ash heap of history, was, in fact, the Stalinist model – and this model should hold the responsibility for the downfall. They contrasted the lethargic and inflexible Stalinist model with the pragmatic Deng model, which focused on combining Marxism with China's peculiar conditions (Jiang and Zuo, 1997: 624-625).

Many Chinese writings after Deng's southern tour also pointed out that the rightist tendencies practised by Gorbachev in the late 1980s were, in fact, an outcome of Stalin's leftism. Gorbachev's restoration of capitalism was a bounce-back to the long history of stagnation and self-seclusion caused by Stalin. At the time, the last Soviet leader had no choice but applied extreme methods to save the falling USSR (Wang, 1993: 38; Ma, 1998: 29; Lu and Jiang, 1999: 142-143). Such a conclusion accorded with the ancient Chinese proverb Wuji bifan (物极必反), which means when things are forced to become worse they begin to go to another extreme for retaliation. While some 1980s Chinese writings targeting Stalin might in fact be indirectly blaming Mao's political repression in China (Zheng, 1989: 6; Beijing Review, 1989: 7-8), the 1990s criticisms on the ossification of the Soviet model created by Stalin could also be considered as a foil to attack Mao's past leftist economic (not political) policy. This policy was similar to that of Stalin, as both leaders favoured heavy industrialization and exploitative economy as their repertoires.⁵

Post-1991 Chinese Soviet research put the Stalinist economic model and the discredited leftism in 1990s China on an equal footing. By arguing that Stalinism was the root of the Soviet demise and retracing its damage on China under Mao, scholars justified Deng's 1992 statement that leftism has done more harm than good to China, and like rightism, it could also destroy socialism (Deng, 1995d: 363). Therefore, they used their writings

³ Jiang Changbin was a professor of international politics at the Central Party School.

⁴ Zuo Fengrong was a PhD candidate in international politics at the Central Party School under Jiang Changbin's supervision.

⁵ On the comparison between Mao and Stalin in administering their own economies in China and the Soviet Union, respectively, see Li, 2006.

to defend China's post-Tiananmen policy of accelerating economic reform and open door policy, and to assist the CCP reformers' efforts to thwart the comeback of the leftist offensive.

CONCLUSION

The revival of research on Brezhnev and the re-assessment of Stalin's model in 1990s Chinese Soviet research are two sides of the same coin. They are the two components of the principle that argues the decline of Soviet socialism had originated from Stalin and had been exacerbated by Brezhnev's stagnation. The final demise of the country was due to the post-Lenin leaderships' deviation from Lenin's principle of building socialism. Chinese Soviet-watchers tended to highlight the intrinsic relations between the two leaders. While Xu Kui defined the Brezhnev administration as "Neo-Stalinism" (Xu, 1998: 33), Gao Fang described that the USSR under Stalin was already "a patient with early symptoms of cancer", and Brezhnev later aggravated the situation that led the country into "the terminal stage of cancer". As a result, when Gorbachev came to power, the Soviet Union had no hope of recovery at all and it became a totally spent force (Gao, 1998: 79).

Both research trends not only served to checkmate the resurgent leftist thinking after Tiananmen, but their rationales could also be explained in the following ways. First, the research outcomes justified Deng's consistent understanding that the problem was not socialism but the outdated Soviet model (Deng, 1995b: 143; 1995c: 180). The underlying concept of Chinese writings is that there was nothing wrong with socialism itself and the problems lay with the people who operated the system. The Soviet leaders achieved the oppo-

site of what they intended. They had involuntarily destroyed this good system.

Second, after the demise of the USSR, Deng re-emphasized during his southern tour that China is still in the primary stage of socialism and it should make use of any means necessary to build socialism. Therefore, he announced "the more elements of capitalism will be introduced and the more capitalism will expand in China" (Deng, 1995d: 361). The writings of Chinese Soviet-watchers were also pertinent to Deng's call. Through analysis of the rules of Brezhnev and Stalin, a common judgment appeared that argued that self-complacency, sheer immobilism, and rigid economic planning are fatal to socialism. By observing the lessons of Moscow, China should not be constrained by the orthodox mode of development. It should be more open to innovative experiments. It should learn something new from a market economy and replace the problematic Soviet model — developing the so-called "Chinese-style socialism" underscored by Deng (Deng, 1995d: 360).

Third, according to James Etheridge, before 1989, the Chinese leadership attempted to push the price reform, in order to accelerate the process of dismantling the plan economy and establish the market mechanism. Unfortunately, the experiment failed and resulted in skyrocketing inflation, rampant corruption, and an extraordinary sense of uncertainty concerning what the reforms would lead to, which created widespread frustration and fear among the people. Moreover, the economic crisis led to a deep division within the Party leadership. The reform-minded leaders led by Zhao Ziyang were facing fierce challenges from the Party old guards, who believed that the price reform had

damaged the CCP's control of China's political power and undermined the legitimacy of the Party. These setbacks resulting from the price reform brought all the accumulated societal problems to the surface and piled up the people's resentments. Most seriously, it greatly increased the faith crisis among everyday Chinese by directing it towards the CCP's qualification and capacity to rule the country. After witnessing the rapid rise of pro-democracy tides in Eastern Europe and Gorbachev's promotion of glasnost in the Soviet Union, many Chinese, particularly intellectuals and university students, became increasingly convinced that it was time to shift the emphasis of China's reform project to the political sphere, exploring the prospect of transforming the party-state structure and creating new political institutions with checks and balances. They believed that doing so could ensure the better management of the state economy and a cheerful prospect of Chinese people's livelihood.⁶

In sum, the economic situation in the late 1980s was also a factor in touching off the Tiananmen crisis. As such, by holding out the negative example of the Soviet economies under Stalin and Brezhnev and using the discussion to their advantage, Chinese scholars created a rallying point for urging and supporting the CCP's post-Tiananmen efforts, in order to normalize the distressed economy and revive its reform process in the shortest possible time. As we have seen in their discussion above, it was not just an economic issue for the Chinese leadership, but it was also a major political issue concerning the legitimacy of the Party – especially given its unwillingness to implement political reform and its decision to brutally crack

down on the pro-democratic Tiananmen demonstrations. Thus, the CCP would desperately seek to regain its weakened legitimacy in China by fixing the past economic disorder and catalysing a new round of economic take-offs, after the wholesale collapse of world communism.

Fourth, the 3-year period between the Tiananmen Incident and the disintegration of the Soviet Union was an earth-shaking period that nearly convulsed the CCP regime. The Chinese reformist leadership led by Deng Xiaoping understood very well that only by successfully carrying out the reforms would the Chinese communist state be able to regain the legitimacy that it had lost. They were eager to explore a new way of dispelling tough resistance by the hardliners and make a breakthrough. They needed to regenerate the Party that was still in a coma after experiencing a heavy blow by the Tiananmen crisis and the ensuing collapse of communism in Europe.

As seen in this article, it is apparent that Chinese Soviet-watchers were trying to use the reassessments of Brezhnev and Stalin to create new momentum. They intended for this momentum to revive China's reform and open door policies, and to further the cause of socialist modernization that had been championed since 1978. The discussion of the two Soviet leaders was a means to rally support for the forces of pro-reform. Afterwards, China was bolder in embracing economic liberalization while still refusing to transform its quasi-Leninist political system. Especially after Deng's southern tour in 1992, the CCP formally adopted the concept of "socialist market economy" (Deng, 1995d: 361). China then registered unprecedented economic

⁶ For details, see Etheridge, 1990.

growth and experienced profound social transformation throughout the rest of the 1990s, a phenomenon that continued in the 21st century. As Chen Jian comments, “The Tiananmen tragedy remains a knot that must be untied and a barrier that must be removed in China’s continuous advance towards modernity” (Chen, 2009: 126). The use of Brezhnev and Stalin after Tiananmen was seen to be the best way for China to untie the “knot” and remove the “barrier”.

Last, in the 1980s many Chinese Soviet-watchers had thought highly of Gorbachev’s inspiration in undertaking political reform for facilitating economic modernization. However, in the 1990s most of them dismissed such an idea as one of Gorbachev’s weaknesses and a precipitating cause of the Soviet breakup (Li, 2016). The changing tone of Chinese writings tied in with the shake-up of the CCP in the aftermath of the Tiananmen Incident, when Deng made a comeback and reasserted his supreme position in China. While both Zhao Ziyang and Gorbachev championed the notion that economic reform is a product of political restructuring, Deng consistently remained wary of such a concept and emphasized political stability but not political pluralism. He found it good enough to have economic prosperity under the one-party rule, and felt there was little need to tackle the communist institution (Deng, 1995a: 129-130). This was particularly evident after Tiananmen, when the CCP became simply a delivery vehicle for material progress or a self-preservation machine, claiming the modern mandate of heaven with no greater purpose than to hold on to power.

While stressing reform and open door directions, Deng in his 1992 talk did not forget to defend

“the dictatorship of the proletariat” and “the Four Cardinal Principles” (Deng, 1995d: 367). Chinese examination of Brezhnev and Stalin after 1990 was a response to the return of such Deng’s orthodox line, which focused on the sheer survival of the communist regime by economic means. It also disregarded any political demands, while making it clear that the policy of prioritizing political liberalization did not comport with socialism, and was not a future direction of the PRC in the post-communist world. In the 1990s, Chinese Soviet-watchers concentrated on the economic aspects of Brezhnev and Stalin while ignoring their political policies, and such a tendency was in tune with Deng’s 1992 guidelines. That the research focused on economic problems suggested that scholars seemed to have believed that the breaking apart of the Soviet Union was mainly due to economic illness but not the deficiency of political institutions. Having observed the economic troubles in the times of Stalin and Brezhnev, the writings appear to suggest that state legitimacy comes from economic results and consumer satisfaction, and socialism would be going down the wrong road if it could not deliver economic benefits to the people. The findings gave credibility to Deng’s faith that only a strong one-party rule could ensure the effective implementation of rapid economic development. They justified the post-1991 China’s state agenda of taking precedence in economic modernization while downplaying the importance of political restructuring. Their conclusions conveyed a message that it is economic affluence, not political reform, that matters the most for the survival of Chinese socialism after the fall of the USSR.

To conclude, the 1990s Chinese debates about Brezhnev and Stalin revolved around the

backgrounds of the aftermath of Tiananmen and the collapse of world communism. The discussion confirmed that Deng Xiaoping's 1992 agendas involved renouncing the past Soviet model of economic development, opposing leftism, and saving Chinese socialism by speeding up the pace of reform and open-door policy.

While ostensibly examining policies of the two Soviet leaders, in reality, Chinese Soviet-watchers were making pointed references to Chinese reality against the Soviet precedent. They not only learned the negative experience of the Soviet past, but also attempted to sum up lessons for China's future direction and the prospect of its communist regime. By depicting Brezhnev's stagnation and Stalin's rigid centralization as the primary causes of the collapse, their writings suggested that state legitimacy comes more from economic results and consumer satisfaction than democratic politics, and socialism would not be attractive to the people if it could not deliver economic benefits to them. As can be seen from the re-assessments of Brezhnev and Stalin in the 1990s, the major conclusion of Chinese Soviet-watchers also reiterated a thesis. Namely, the survival of Chinese socialism lies on good economic performance and political stability, but not dynamic transformation of the communist ruling institutions.

Литература/References

1. Beijing Review (1989, May 15-21), "Stalin's image fades in China", pp. 7-8.
2. Chen, Lin 陈林 (1993), "Sudong yanbian yuanyinzhi bianxi" (苏东演变原因之辨析) [Analysis of the Reasons for the Changes in the Soviet Union and East Europe], Shehui zhuyi yanjiu (社会主义研究) [Socialism Studies], Vol. 3, pp. 53-57.
3. Chen, Zhihua 陈之骅 (1997), "Dangqian sulianshi yanjiu zhongde jige fangfalun wenti" (当前苏联史研究中的几个方法论问题) [Several Methodological Questions on Present Research of Soviet History], Eluosi dongou zhongya yanjiu (俄罗斯东欧中亚研究) [Russian, East European and Central Asian Studies], Vol. 4, pp. 10-13.
4. Chen, Zhihua 陈之骅 (1998), Bolieriniefu shiqide sulian (勃列日涅夫时期的苏联) [The Soviet Union under Brezhnev], Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [China Social Sciences Press].
5. Deng, Xiaoping (1995a), "Bourgeois Liberalization Means Taking the Capitalist Road, May and June 1985", in The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin under the Central Committee of the Communist Party of China (ed. and trans.), Selected Works of Deng Xiaoping, Beijing: Foreign Languages Press, Vol. 3, pp. 129-130.
6. Deng, Xiaoping (1995b), "Reform is the Only Way for China to Develop Its Productive Forces, August 28, 1985", in The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin under the Central Committee of the Communist Party of China (ed. and trans.), Selected Works of Deng Xiaoping, Beijing: Foreign Languages Press, Vol. 3, pp. 140-143.
7. Deng, Xiaoping (1995c), "On Reform of the Political Structure, September-November 1986", in The Bureau for the Compilation and

- Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin under the Central Committee of the Communist Party of China (ed. and trans.), Selected Works of Deng Xiaoping, Beijing: Foreign Languages Press, Vol. 3, pp. 178-181.
8. Deng, Xiaoping (1995d), "Excerpts from Talks Given in Wuchang, Shenzhen, Zhuhai and Shanghai, January 18-February 21, 1992", in The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin under the Central Committee of the Communist Party of China (ed. and trans.), Selected Works of Deng Xiaoping, Beijing: Foreign Languages Press, Vol. 3, pp. 358-370.
 9. E, Huancheng 鄂焕成 (1992), "Sulian dongou jubian yuanyinde duibi fenxi" (苏联东欧剧变原因的对比分析) [Comparative Analysis of the Reasons for the Radical Changes in the Soviet Union and East Europe], Dangdai shijie shehui zhuyi wenti (当代世界社会主义问题) [Problems of Contemporary World Socialism], Vol. 1, pp. 27-33.
 10. Gao, Fang 高放 (1992), "Sulian dongou jubian de genben yuanyin hezai?" (苏联东欧剧变的根本原因何在?) [What Were the Reasons of the Soviet and East European Turbulence?], Dangdai shijieyu shehui zhuyi (当代世界与社会主义) [Contemporary World and Socialism], Vol. 3, pp. 9-10.
 11. Gao, Fang 高放 (1998), "Sulian jubian hongguan yanjiu lungang" (苏联剧变宏观研究论纲) [The Macro Framework of Research of the Soviet Turbulence], in Gong Dafei 宫达非 (ed.), Sulian jubian yanjiu xintan (苏联剧变新探) [New Inquiries on the Soviet Turbulence], Beijing: Shijie zhishi chubanshe [World Affairs Press], pp. 68-89.
 12. Huang, Zongliang 黄宗良 (1993), "Jianlun sulian jubian de yuanyinhe jiaoxun zhongde liuda guanxi" (简论苏联剧变的原因和教训中的六大关系) [On the Six Major Relationships and the Causes and Lessons of the Sudden Collapse of the Soviet Union], Eluosi dongou zhongya yanjiu (俄罗斯东欧中亚研究) [Russian, East European and Central Asian Studies], Vol. 1, pp. 39-46.
 13. Jiang, Changbin 姜长斌 and Zuo, Fengrong 左凤荣 (1997), Sidalin zhengzhi pingzhuan (斯大林政治评传) [The Political Biography of Stalin], Beijing: Zhonggong dangxiao chubanshe [Central Party School Publishing House].
 14. Jiang, Zemin 江泽民 (2006), "Jiekuaigaige kaifanghe xiandaihua jianshe bufa, duqyou zhongguo tese shehui zhuyi shiyede gengdashengli" (加快改革开放和现代化建设步伐, 夺取有中国特色社会主义事业的更大胜利) [To Accelerate the Pace of Reform, Open Door, and Modernization, and Achieve a Bigger Victory in Building Socialism with Chinese Characteristics], in Jiang Zemin 江泽民, Jiangzemin wenxuan 江泽民文选 [Selected Works of Jiang Zemin], Beijing: Remin chubanshe [People's Publishing House], Vol. 1, pp. 210-254.
 15. Kong, Lingdong 孔令栋 (1990), "Duisulian moshide yixie renshi" (对苏联模式的一些认识) [Some Thoughts on the Soviet Model], Dangdai shijie shehui zhuyi wenti (当代世界社会主义问题) [Problems of Contemporary World Socialism], Vol. 1, pp. 27-33.

- 社会主义问题) [Problems of Contemporary World Socialism], Vol. 3, pp. 29-33.
16. Li, Zongyu 李宗禹 (1992), "Yanjiuhe qingli guoji gongyun shishang 'zuo'de lilun guandiande ruili wuqi" (研究和清理国际共运史上“左”的理论观点的锐利武器) [A Sharp Weapon in Clearing the "Leftist" Theories in the International Communist Movement], Dangdai shijieyu shehui zhuyi (当代世界与社会主义) [Contemporary World and Socialism], Vol. 4, pp. 22-27.
17. Liu, Guanghui 刘光慧 (1992), "Bolieriniefu zhizheng niandai shuping" (勃列日涅夫执政年代述评) [On the Brezhnev Administration], Eluosi dongou zhongya yanjiu (俄罗斯东欧中亚研究) [Russian, East European and Central Asian Studies], Vol. 4, pp. 8-12.
18. Lu, Nanquan 陆南泉 (1997), "Sulian jubian yuanyin yanjiuzhi jinzhan qingkuang" (苏联剧变原因研究之进展情况) [Further Research of the Reasons of the Soviet Disintegration], Eluosi dongou zhongya yanjiu (俄罗斯东欧中亚研究) [Russian, East European and Central Asian Studies], Vol. 3, pp. 11-16.
19. Lu, Nanquan 陆南泉 and Jiang, Changbin 姜长斌 (1999), Sulian jubian shencengci yuanyin yanjiu (苏联剧变深层次原因研究) [Research on the Causes of the Soviet Turbulence], Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [China Social Sciences Press].
20. Ma, Longshan 马龙闪 (1998), "Congsidalin daogebaqiaofu" (从斯大林到戈尔巴乔夫) [From Stalin to Gorbachev], Eluosi dongou zhongya yanjiu (俄罗斯东欧中亚研究) [Russian, East European and Central Asian Studies], Vol. 2, pp. 28-36.
21. Ma, Zhenggang 马郑刚 (1995), "Shehui zhuyi guojia zhongde quanli fubai xianxiang tanyuan" (社会主义国家中的权力腐败现象探源) [Origin of Bureaucratic Corruption in the Socialist Countries], Dangdai shijie shehui zhuyi wenti (当代世界社会主义问题) [Problems of Contemporary World Socialism], Vol. 2, pp. 59-63.
22. Mao, Tse-tung 毛泽东 (1965), "On Contradiction", in Mao Tse-tung, Selected Works of Mao Tse-tung, Peking: Foreign Languages Press, Vol. 1, pp. 311-350.
23. Renmin Ribao (人民日报) [People's Daily] (1992, June 4), "Lunjiefang sixiang" (论解放思想) [On the Liberation of Thoughts], p. 2.
24. Renmin Ribao (人民日报) [People's Daily] (1993, June 4), "Lunshehui zhuyide fazhan jieduan" (论社会主义的发展阶段) [On the Development Stages of Socialism], p. 2.
25. Shen, Zhihua 沈志华 (1994), Xinjingji zhengceyu sulian nongye shehuihua daolu (新经济政策与苏联农业社会化道路) [New Economic Policy and Agricultural Socialization in the USSR], Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [China Social Sciences Press].
26. Wang, Jianhong 王坚红 (1989), "Guanyu sidalin wenti" (关于斯大林问题) [On the Questions of Stalin], Shehui zhuyi yanjiu (社会主义研究) [Socialism Studies], Vol. 3, pp. 57-58.

27. Wang, Jianyu 王建宇 (1993), "Congsulian shehui zhuyi xinshuaide jingyan jiaoxunzhong kanyou zhongguo tese shehui zhuyi lilun" (从苏联社会主义兴衰的经验教训看中国特色的社会主义理论) [Viewing the Theory of Socialism Chinese Debates Concerning the Causes for the Collapse of the Soviet Union 197 with Chinese Characteristics through the Lessons of the Rise and Fall of Soviet Socialism], Jinri qiansulian dongou (今日前苏联东欧) [The Present Days of the Former Soviet Union and Eastern Europe], Vol. 4, pp. 36-40.
28. Wu, Kequan 武克全 (1998), "Shehui zhuyi-yu sidalin moshi" (社会主义与斯大林模式) [Socialism and the Stalinist Model], Fudan xuebao (复旦学报) [Fudan Journal], Vol. 2, pp. 13-20.
29. Wu, Xingtang 吴兴唐 (1992), "Yanjiu guoji gongyunde zhinan" (研究国际共运的指南) [The Guiding Principle for Studying the International Communist Movement], Dangdai shijieyu shehui zhuyi (当代世界与社会主义) [Contemporary World and Socialism], Vol. 3, pp. 3-4.
30. Xu, Kui 徐葵 (1998), "Bolieriniefu niandai: sulian zouxiang shuaiwangde guanjianxing zhuanzhe shiqi" (勃列日涅夫年代: 苏联走向衰亡的关键性转折时期) [The Era of Brezhnev: A Major Turning Point of the Soviet Union], Eluosi dongou zhongya yanjiu (俄罗斯东欧中亚研究) [Russian, East European and Central Asian Studies], Vol. 1, pp. 27-41.
31. Yu, Hanxi 余汉熙 (1994), "Zongjie sulian yanbianhe jieti jiaoxunde jidian sikao" (总结苏联演变和解体教训的几点思考) [Several Thoughts on the Evolution of the USSR and the Lessons of the Collapse], Eluosi yanjiu (俄罗斯研究) [Russian Studies], Vol. 4, pp. 64-69.
32. Zhang, Xiaoxiao 张晓校 (1990), "Shijie xian-daishi yanjiu" (世界现代史研究) [Current Research on Modern World History], Lishi yanjiu (历史研究) [Historical Research], Vol. 6, pp. 186-189.
33. Zhao, Mingyi 赵明义 (1993), "Dangdai shehui zhuyide zhongda keti" (当代社会主义的重大课题) [The Big Issues of Contemporary Socialism], Dangdai shijie shehui zhuyi wenti (当代世界社会主义问题) [Problems of Contemporary World Socialism], Vol. 3, pp. 1-9.
34. Zheng, Shaoqin 郑绍钦 (1989), "Mimi baoga-o' deneirong yushiji yiyi" ("秘密报告"的内容与实际意义) [Content and Significance of the "Secret Speech"], Shijie lishi (世界历史) [World History], Vol. 1, pp. 2-6.
35. Zheng, Yifan 郑异凡 (1995), "Yiguo jiancheng shehui zhuyi lilun xinping" (一国建成社会主义理论新评) [A New Comment on the Theory of Socialism in One Country], Dangdai shijieyu shehui zhuyi (当代世界与社会主义) [Contemporary World and Socialism], Vol. 1, pp. 7-12.
36. Zong, Fengming 宗凤鸣 (2007), Zhaoziyang ruanjin zhongde tanhua (赵紫阳软禁中的谈话) [Zhao Ziyang: Captive Conversations], Hong Kong: Open Books.

37. Zuo, Fengrong 左凤荣 (1996), "Yeping sidalin 'yiguo jiancheng shehui zhuyi' lilun" (也评斯大林“一国建成社会主义”理论) [On Stalin's Theory of "Socialism in One Country"], Dangdai shijie shehui zhuyi wenti (当代世界社会主义问题) [Problems of Contemporary World Socialism], Vol. 2, pp. 57-63.
38. Chen, Jian (2009), "Tiananmen and the Fall of the Berlin Wall: China's Path towards 1989 and Beyond", in Jeffrey Engel (ed.), The Fall of the Berlin Wall: The Revolutionary Legacy of 1989, Oxford: Oxford University Press, pp. 96-131. Desjardins, Robert (1988), The Soviet Union Through French Eyes, 1945-1985, Basingstoke: Macmillan.
39. Etheridge, James (1990), China's Unfinished Revolution: Problems and Prospects since Mao, San Francisco, Calif.: China Books & Periodicals.
40. Li, Hua-Yu (2006), Mao and the Economic Stalinization of China, 1948-1953, Oxford: Rowman and Littlefield.
41. Li, Jie (2016), "Gorbachev's Glasnost and the Debate on Chinese Socialism among Chinese Soviet-watchers, 1985-1999", Journal of the British Association for Chinese Studies, Vol. 6, No. 4 (December), pp. 35-65.
42. Marsh, Christopher (2005), Unparalleled Reforms: China's Rise, Russia's Fall, and the Interdependence of Transition, Oxford: Lexington Books.
43. Rozman, Gilbert (2010), "China's Concurrent Debate about the Gorbachev Era", in Thomas Bernstein and Hua-yu Li (eds), China Learns from the Soviet Union, 1949-Present, Lanham, MD: Lexington Books, pp. 449-476.
44. Shambaugh, David (2008), China's Communist Party: Atrophy and Adaptation, Berkeley, CA: University of California Press.
45. Wilson, Jeanne (2007), "The Impact of the Demise of State Socialism on China", in David Lane (ed.), The Transformation of State Socialism: System Change, Capitalism or Something Else?, New York: Palgrave Macmillan, pp. 269-285.

Информация об авторе

PhD (история), **Цзе Ли**

Университет Эдинбурга

jielican2009@hotmail.com

Information about the Author

PhD in History, **Jie Li**

University of Edinburgh

jielican2009@hotmail.com

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Проблемы адаптации брачных мигранток из Вьетнама в Южной Корее

Problems of adaptation of married migrants from Vietnam in South Korea

Борисенко Мария Дмитриевна

Дальневосточный федеральный университет

masha.borisencko2016@yandex.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-116-119

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с различными причинами дискриминации по отношению к вьетнамским брачным мигранткам, проживающим на территории Южной Кореи. Особое внимание уделено тому, как дискриминационное отношение влияет на процесс адаптации вьетнамских женщин, состоящих в международном браке. Материалы представленной работы могут быть интересны как востоковедам, так и социологам, международникам, в том числе использованы для чтения специсеминаров и спецкурсов.

Ключевые слова: международный брак, процесс адаптации, проблемы адаптации, вьетнамские замужние мигрантки.

Для цитирования: Борисенко М.Д. *Проблемы адаптации брачных мигранток из Вьетнама в Южной Корее. Современные востоковедческие исследования.* 2021; 3(1). 116-119

ABSTRACT

The article deals with issues related to various reasons for discrimination against Vietnamese married migrants living in South Korea. Special attention is paid to how discriminatory attitudes affect the adaptation process of Vietnamese women who are married internationally. The materials of the presented work may be of interest to both orientalists, sociologists, and international experts, including those used for reading special seminars and special courses.

Keywords: international marriage, process of adaptation, problems of adaptation, Vietnamese married immigrant women.

For citation: Borisenko M.D. *Problems of adaptation of married migrants from Vietnam in South Korea.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(1). 116-119

В связи с растущей тенденцией к международным бракам между корейскими мужчинами и иностранными женщинами, в Южной Корее за последние два десятилетия значительно вырос интерес к их иммиграционным исследованиям. В частности, в последнее время большое внимание уделяется возрастающему числу вьетнамских замужних мигранток и их проблемам, вытекающих из социально-экономического неблагополучия, низкого образования и плохого владения корейским языком. В данной статье были предприняты попытки выявить проблемы вьетнамских замужних мигранток и их влияние на процесс адаптации.

Феномен международного брака между вьетнамскими женщинами и иностранными мужчинами появился в 1990-е годы в результа-

те быстрого развития и более глубокой интеграции в области политики, экономики, культуры и общества между Вьетнамом и другими странами [1, с 783]. В первые годы вьетнамские женщины в основном выходили замуж за тайваньских мужчин, но с 2000-х годов число женщин, выходящих замуж за тайванцев, имело тенденцию к снижению, в то время как число женщин, выходящих замуж за корейских мужчин, увеличилось. Только в период с 2011 по 2013 год число женщин, выходящих замуж за корейских мужчин, выросло почти в три раза по сравнению с теми, кто выходит замуж за тайванцев. Как видно из таблицы 1, с 2015 года число замужних мигранток из Вьетнама ежегодно увеличивалось, а доля замужних мигранток из Вьетнама оставалась самой высокой.

	2015	2016	2017	2018	2019
Вьетнам	4,651	5,377	5,364	6,338	6,712
Китай	4,545	4,198	3,880	3,671	3,649
Япония	1,030	838	843	987	903
Америка	577	570	541	567	597
Россия	110	125	171	234	305

Таблица 1. Число и уровень браков мигранток в Корее по странам 2015-2019 гг. в Южной Корее [2].

Table 1. The number and level of migrant marriages in Korea by country in 2015-2019 in South Korea [2].

Одним из фундаментальных мотивов, побуждающих вьетнамских женщин выходить замуж за корейцев, является экономический фактор. Несмотря на значительный экономический рост в последние годы, Вьетнам все еще остается относительно бедной страной [3, с.58]. Поэтому многие молодые женщины мечтают переехать в более богатую страну через брак

с надеждой на лучшую жизнь не только для себя, но и для своих семей. Кроме того, феномен международных браков связан с гендерным неравенством в сельских районах Вьетнама. Это приводит к тому, что сельские женщины выходят замуж за иностранцев как способ найти своего партнера, а также улучшить свою жизнь [4]. Более того, еще одним важным

фактором, способствующим процессу вьетнамско-корейских браков, является влияние глобализации в культурной сфере. То есть, влияние средств массовой информации и других материальных обменов между Кореей и Вьетнамом, таких как фильмы, мода, еда или популярная музыка сократили психологическую дистанцию между двумя странами [5].

Однако, вьетнамские женщины-иммигрантки постоянно сталкиваются с многочисленными стрессорами и проблемами. К числу вопросов, связанных с иммигрантами и миграцией, относятся аккультурация, когда индивид приспосабливается к новой культуре и сопутствующему стрессу. Вьетнамские замужние иммигрантки испытывают крайний аккультуративный стресс, сталкиваясь с незнакомыми ценностями, поведением и нормами, такими как языковые трудности, давление на ассимиляцию, отделение от семьи или опыт дискриминации [6]. В случае брака женщин — мигранток в Корее, в дополнение к аккультуративному стрессу, они испытывают другие стрессоры, которые сопровождают транснациональный брак. К ним относят семейные конфликты из-за различий в образе мышления, коммуникации и образе жизни между иностранными женами и корейскими мужьями, а также корейскими родственниками [7]. В частности, вьетнамские жены — мигрантки часто сталкиваются с различными трудностями в деторождении или воспитании детей из-за их незнания корейского языка и культурных различий. Например, ограниченное владение корейским языком приводит к тому, что многие вьетнамские матери испытывают трудности в общении со своими же детьми. Кроме того, многие замужние мигрантки, в частности жены из Вьетнама, сталкиваются с финансовыми трудностями из-

за проблем трудоустройства. Что касается уровня занятости жен — мигранток в Корее, то, согласно ежегодным статистическим данным Южной Кореи, вьетнамские женщины показали более низкий процент занятых, чем другие группы: 57,5% безработных и 42,5% занятых в 2012 году [8]. Этот высокий уровень безработицы может быть связан с образовательными и языковыми недостатками среди вьетнамских замужних мигранток в Корее, которые, как правило, имеют более низкое образование и языковую компетентность по сравнению с другими азиатскими женами [9]. Другой проблемой адаптации брачных мигранток из Вьетнама является низкий доход домашних хозяйств [10]. Большинство мультикультурных семей имеют относительно низкий доход. Согласно национальному опросу мультикультурных семей, проведенному статистическим управлением Кореи в 2012 году, более половины (57,4%) корейских мужей, вступивших в брак с иностранными женами, имеют ежемесячный доход от одного миллиона до менее чем двух миллионов вон, что ниже среднемесячного дохода почти в 2,6 миллиона вон, получаемого корейскими мужчинами в целом. Что касается ежемесячного дохода вьетнамских жен, то большинство (43,1%) имеют ежемесячный доход только от пятисот до менее одного миллиона вон, что ниже среднемесячного дохода примерно в 1,7 миллиона вон, получаемого обычными корейскими женщинами. Кроме того, низкий уровень образования среди вьетнамских замужних мигранток, также, рассматривается как фактор риска, связанный с более низким уровнем владения корейским языком по сравнению с другими азиатскими женами [11]. Это приводит к многочисленным проблемам адаптации к корейской культуре из-за языковых барьеров. Помимо этого, SEO обнаружил высокий уровень

материнского стресса среди вьетнамских мигранток из-за низкой самооэффективности, супружеских конфликтов и слабой социальной поддержки. Все эти факторы указывают на неблагоприятное положение вьетнамских женщин в корейском обществе и предполагают необходимость большей заботы об этом населении.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что брачные мигрантки из Вьетнама в большей степени подвергнуты затруднительному процессу адаптации в Южной Корее. Данному процессу препятствуют аккультуративный стресс, межкультурные различия Вьетнама и Южной Кореи, проблемы трудоустройства, финансовые трудности и языковой барьер.

Литература/References

1. Hoang, B. T. (2009). Rural employment and life: Challenges to gender roles in Vietnam's agriculture at present. Paper presented at the FAO-IFAD-ILO Workshop on Gaps, trends, and current research in gender dimensions of agricultural and rural employment: differentiated pathways out of poverty. Rome, 31 March – 2 April 2009. https://kosis.kr/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=M_T_ZTITLE&parmTabId=M_01_01&parentId=A.1;A_3.2;#A_3.2
2. Nguyen, N. T. (2014a). Hallyu in the Contemporary Culture of Vietnam. *Journal of Gunji Humanities*, 11, 273–288
3. Nam, B. H. (2010). *Multicultural Families*. Jangseowon Publishing (in Korean)
4. Lee, Y-J. (2006). Increasing International Marriages in Korea: A Sociological Analysis. Paper presented at the 3rd World Congress of Korean Studies in Jeju, Korea.
5. Williams, C. L., & Berry, J. W. (1991). Primary prevention of acculturative stress among refugee: application of psychological theory and practice. *Am Psycho*, 46, 632–641.
6. Jeong, H. Y., & Kim, J. W. (2010). Conflict process according to the acculturation of the Vietnamese migrated women's family in Korea. *Korean Journal of Social Welfare*, 62(2), 29–55 (in Korean). https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=2012012&themald=#D_23_001_001.4
7. Chung, K. S., & Han, J. E. (2009). International Marriage migrants' Adjustment and Mental Health. *Korean Journal of Demography*, 32(2), 87–114 (in Korean).
8. Jo, J. (2010). Determinants of Satisfaction with Life among Foreign Wives in Kyunggi-do: An Empirical Examination of Perceived Economic Factors and Post Migration Problems. *The Journal of Multicultural Society*, 1(2), 101–123 (in Korean).
9. Nam, B. H. (2010). *Multicultural Families*. Jangseowon Publishing (in Korean).

Информация об авторе

Борисенко Мария Дмитриевна

Дальневосточный федеральный университет
Россия
masha.borisencko2016@yandex.ru

Information about the Author

Master's degree, **Maria D. Borisenko**
Department of Oriental Studies
Far Eastern Federal University
Russia
masha.borisencko2016@yandex.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Позиция Китая в отношении российско-японской территориальной проблемы

China's position on the Russian-Japanese territorial issue

Перов Алексей Андреевич

Хэйлунцзянский университет

perov_a1997@mail.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-120-131

АННОТАЦИЯ

С момента окончания Второй мировой войны уже в течение 75 лет Россия и Япония предпринимают попытки заключить мирный договор, главной преградой на пути, к которому является вопрос южных Курил. Курильские острова — это архипелаг, расположенный на границе Тихого океана и Охотского моря между островом Хоккайдо и полуостровом Камчатка. К южной их части, ставшей причиной разногласий между Москвой и Токио, относятся Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи, включающая Зеленый, Танфильева, Полонского, Юрий и остров Анучина. Начиная с 1945 г. Советский Союз (а затем и Россия), в соответствии с Ялтинским соглашением, обладает суверенитетом над всеми Курильскими островами, то и дело оспариваемым Японией на основании как довоенных, так и послевоенных соглашений. Немалое влияние на процесс урегулирования российско-японского территориального спора оказывают позиции близлежащих стран, в частности Китая. Данная статья стремится проследить эволюцию точки зрения

ABSTRACT

Since the end of the Second World War, for 75 years, Russia and Japan have been trying to conclude a peace treaty, the main obstacle to which is the question of the southern Kurils. The Kuril Islands are an archipelago located on the border of the Pacific Ocean and the Sea of Okhotsk between the island of Hokkaido and the Kamchatka Peninsula. The southern part of them, which has caused disagreements between Moscow and Tokyo, includes Iturup, Kunashir, Shikotan and the Habomai island group, which includes Zeleny, Tanfilyev, Polonsky, Yuri and Anuchin Island. Since 1945. The Soviet Union (and later Russia), in accordance with the Yalta Agreement, has sovereignty over all the Kuril Islands, now and then disputed by Japan on the basis of both pre-war and post-war agreements. The positions of neighboring countries, in particular China, have a considerable influence on the process of resolving the Russian-Japanese territorial dispute. This article seeks to trace the evolution of the PRC's point of view on the problem of the southern Kuril Islands, to analyze the opinions of the central and local press

КНР на проблему южных Курильских островов, проанализировать мнения центральных и локальных печатных органов Народной республики, отдельных исследователей Китая о положении спорных островов, а также охарактеризовать картографический вопрос во взаимоотношениях Москвы и Пекина. В конце статьи суммируются результаты исследовательской работы по приведенной теме, и формулируется вывод.

Ключевые слова: российско-японская территориальная проблема, позиция КНР, периодические издания Китая, китайские исследователи, картографический вопрос.

Для цитирования: Перов А.А. *Позиция Китая в отношении российско-японской территориальной проблемы*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 120-131

ВВЕДЕНИЕ

Территориальные вопросы являются важным аспектом международных отношений, представленная работа рассматривает один из таких сюжетов, а именно российско-японские разногласия, но с позиции Китая. Следует понимать, что Южные Курилы не являются предметом споров между РФ и КНР, у Пекина отсутствуют коренные интересы в их отношении. Народная Республика также не намерена расширять свое влияние в данном районе Тихого океана. Однако все вышеперечисленное вовсе не означает, что Китай никак не связан с южными Курильскими островами. Учитывая, что Поднебесная играет значительную роль в Северо-Восточной Азии, даже символическая поддержка Пекином одной из конфликтующих сторон может заметно сказаться на ситуации в регионе в целом.

bodies of the People's Republic, individual researchers of China on the situation of the disputed islands, and to characterize the cartographic issue in the relations between Moscow and Beijing. At the end of the article, the results of the research work on the given topic are summarized, and a conclusion is formulated.

Keywords: Russian-Japanese territorial problem, the position of the People's Republic of China, periodicals of China, Chinese researchers, cartographic issue.

For citation: Perov A.A. *China's position on the Russian-Japanese territorial issue*. Modern oriental studies. 2021; 3(1). 120-131

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная работа главным образом опирается на статьи китайских исследователей, периодических изданий материкового Китая, а также газет Сянгана, Аомыня и Тайваня. Кроме того, в рамках представленной статьи использованы тексты двусторонних заявлений, материалы российских новостных порталов (ТАСС, РИА Новости) и китайской карты, по воле случая оказавшейся в распоряжении автора.

При написании данной работы в основном использовался историко-системный метод, а именно такие его аспекты как структурный и функциональный анализ. Первый из них применяется в отношении отдельных составляющих точки зрения Китая на проблему южных Курил — позиция Госсовета КНР, мнения центральных и локальных печатных органов

Народной Республики, а также ученых Поднебесной —, характеризуя их современное состояние и особенности. Функциональный же анализ позволяет не только взглянуть на позицию КНР относительно российско-японского территориального спора через призму истории её взаимоотношений с Москвой и Токио, но и провести параллель между курильским вопросом и проблемами современного Китая (в частности, вопросом Тайваня). Также в представленном исследовании задействованы общенаучные методы анализа и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С течением времени под воздействием как внешних, так и внутренних факторов Китай неоднократно менял собственную точку зрения на советско/российско-японский территориальный вопрос. Сразу после образования КНР и её вхождения в социалистический лагерь руководство Народной Республики избрало внешнеполитический курс «придерживаться одной стороны» [1, С. 122], то есть во всех вопросах внешней политики поддерживать позиции СССР. Поэтому точка зрения Китая на территориальный спор между Советским Союзом и Японией в 1950-х гг. была весьма очевидной, хотя открыто и не высказывалась.

В 60-х же гг. XX в. взаимоотношения Москвы и Пекина характеризовались нарастающей напряженностью, достигшей к концу указанного десятилетия вооруженной конфронтации. В данных условиях 10 июля 1964 г. Мао Цзэдун во время встречи с японской делегацией, отвечая на вопрос заместителя председателя ассоциации японо-китайской дружбы Тетцуо Арао принадлежности Курильских островов,

заявил: «У Советского Союза и без того территория уже слишком большая, более 20 миллионов квадратных километров. Население же составляет лишь 200 миллионов. У вас, японцев, население составляет более 100 миллионов, а площадь территории — лишь 370 тысяч квадратных километров... Поэтому, что касается ваших Курильских островов, то для нас нет никакой проблемы с тем, чтобы вернуть их вам» [2, С. 45-46]. Приведенное высказывание председателя ЦК КПК стало первым открытым выражением позиции народного Китая по проблеме южных Курил.

В 1970-е гг., период внешнеполитического застоя в советско-китайских отношениях, южные Курилы стали для Пекина символом борьбы японского народа против так называемого «советского социал-империализма», отсюда официальная пресса КНР вплоть до конца «культурной революции» выражала моральную поддержку Японии в её притязаниях на южные Курильские острова, а также протестах Токио против «советского гегемонизма» [1, С. 123].

За последние же десятилетия в условиях всестороннего стратегического партнерства с Россией и напряженности в отношениях с Японией позиция Народной Республики по вопросу южных Курил вновь претерпела изменения. Официально Пекин старается не комментировать ситуацию вокруг российско-японского территориального спора, заявляя, «что вопрос четырех северных островов — вопрос двусторонних отношений России и Японии, и мы надеемся, что стороны путем консультаций надлежащим образом решат эту проблему» [3]. В то же время, 5 июня 2019 г. между

главами России и Китая в Москве было подписано «Совместное заявление РФ и КНР о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». Согласно данному заявлению, стороны будут стремиться к еще более решительной и энергичной взаимной стратегической поддержке, «в том числе в вопросах следования собственному пути развития, защиты ключевых национальных интересов, обеспечения безопасности, суверенитета и территориальной целостности России и Китая» [4]. В своем поздравлении с 75-летием Великой Победы, направленном В.В. Путину 3 сентября 2020 г., Си Цзиньпин также отметил, что «Пекин намерен углублять отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с Москвой, защищать итоги Второй мировой войны и справедливый международный порядок» [5]. Более того, в рамках телефонного разговора 8 июля 2020 г. председатель КНР поздравил президента России с успешным голосованием по поправкам в Конституцию РФ, а также подчеркнул, что власти Народной Республики стремятся к укреплению отношений взаимной поддержки между двумя державами и решительно выступают против посягательств внешних сил на суверенитет России и Китая [6]. Таким образом, учитывая вышеописанные устремления Москвы и Пекина по взаимной защите территориальной целостности двух держав и отстаиванию результатов Победы во Второй мировой войне, можно прийти к выводу о том, что правительство Народной Республики фактически признает законность российского суверенитета

над южными Курилами. Однако обратимся еще к формальной стороне данного вопроса.

Периодические издания КНР и Тайваня о вопросе южных Курил

Согласно исследованию Ж.Е. Глумовой, центральные печатные органы КНР главным образом отражают позиции российских и японских СМИ и не выражают открытой поддержки какой-либо из сторон, тем самым предоставляя гражданам возможность самостоятельно сформулировать свою точку зрения по вопросу южных Курил [7, С. 92]. Например, статья в «Жэньминь жибао» от 12 июня 2015 г. сообщает: «Российско-японский диалог в рамках проблемы северных территорий напрямую связан с коренными интересами Японии... Россия же в настоящее время непрерывно наращивает финансовые вливания и стимулирует строительство инфраструктуры в данном регионе, ... посредством чего её связи с северными островами перманентно углубляются, к тому же северные территории постепенно отдаляются от Японии» [8]. Здесь важно обратить внимание на то, что утверждение Фань Сюэсуна¹ об изменении используемой прежде печатными изданиями Китая формулировки «оспариваемые Японией и Россией четыре северных острова (называемые Россией южными Курильскими островами)» на «оспариваемые Россией и Японией южные Курильские острова (называемые Японией четырьмя северными островами)» [1, С. 123-124] не совсем правомерно. Дело в том, что та же «Жэньминь жибао» в своих формулировках главным образом ориентируется на читателя: если в японском сегменте газеты при

¹ Аспирант Московского государственного института международных отношений МИД России.

обсуждении темы территориального спора между Москвой и Токио традиционно используются выражения «проблема северных территорий», «северный вопрос» [9]; то в сегменте, ориентированном на РФ, данное издание старается употреблять российские топонимы — «острова Южно-Курильской гряды» [10]. Вышеописанная ситуация имеет место потому, что Народная Республика стремится, с одной стороны, сохранить партнерские отношения с Японией, а с другой — продолжить развивать торгово-экономические отношения с Россией.

В то же время, в отличие от своих пекинских коллег, редакторы газет Гонконга, Макао и Тайваня отличаются большей гибкостью и свободой в выражении собственной точки зрения. Так, согласно гонконгской газете «Вэнь Вэй По» от 23 января 2019 г.: «Россия обращает значительное внимание на южные Курилы, их географическое, стратегическое положение и ресурсное состояние, не способна допустить торговли территорией, а основной её линией в рамках переговоров является уважение послевоенных соглашений. Вероятность обретения Японией суверенитета над четырьмя северными островами практически равна нулю, удовлетворение существенной части её важных интересов является возможным делом лишь после президентства Путина» [11]. Однако следует заметить, что, согласно работе Цзэн Минькая,² «Вэнь Вэй По» отличается низким уровнем доверия и плачевным тиражом [12, С. 124]. Старейшая же англоязычная газета Гонконга «South China Morning Post» более осторожна в своих формулировках по проблеме южных

Курильских островов: «Советский Союз захватил данные острова вслед за капитуляцией Японии в 1945 г., что, по утверждению Москвы, является легитимным итогом войны. Токио же оспаривает законность подобного завладения и продолжает требовать возвращения указанных территорий» [13].

Газета Макао «Аомынь Жибао», в свою очередь, заявляет: «Ввиду жесткой позиции сторон, в ближайшее время российско-японская территориальная проблема не может быть разрешена, однако, исходя из действительных потребностей, стороны также не способны завести отношения в абсолютный тупик, и Россия, и Япония нуждаются в дальнейшем укреплении торгово-экономического и энергетического сотрудничества... Так как южные Курилы фактически подконтрольны России, Япония в рамках урегулирования территориального вопроса кроме нередкого выражения сожалений все чаще проявляет бессилие» [14]. Редакция ежедневной газеты также подчеркивает: «В настоящее время Япония в вопросе освоения южных Курильских островов стала весьма пассивной... Теперь не так важно, сотрудничает ли Япония с Россией или нет, ведь последняя уже приняла решение самостоятельно развивать южные Курильские острова» [14].

Несложно заметить, что периодические издания Гонконга и Макао в основном склоняются на российскую сторону, давая оценку положения южных Курил. Что же касается газет Тайваня, то согласно статье в ежедневном издании «Ляньхэбао» от 12 декабря 2016 г.: «Япония в рамках Сан-Францисского мирного

² Малазийский политик, член парламента от Алор-Сетар (штат Кедах).

договора была вынуждена отказаться от претензий в отношении Сахалина и Курил. В действительности же Курильские острова уже являлись японской территорией, абсолютно не следовало от них отказываться, но в то время Япония не обладала возможностью сказать "нет", ввиду положения могла лишь пойти на принудительный отказ... С точки зрения международного права, вопрос принадлежности Курил остается открытым... Предполагаемый автором итог — это решение обеих сторон о подписании мирного договора, в процессе которого следует начать обсуждение способа возвращения двух островов, а оставшиеся два острова должны стать предметом будущей дискуссии. Однако в конечном счете необходимо обращать внимание на "политические переговоры" деспота Путина и премьер-министра Абэ в процессе принятия решения» [15]. Подобная прояпонская позиция редакции тайваньской газеты немало связана с положением самого острова и его взаимоотношениями с КНР. Так, автор акцентирует внимание на том, что «хотя Япония в договоре согласилась отказаться от Тайваня и Пэнху, но Китайская Республика не принимала участия в соглашении. В связи с этим положение Тайваня исключительно способно породить дальнейшие споры, аналогичная же картина сложилась в отношении северных территорий» [15].

Ученые Китая и курильская проблема

Если же говорить о мнении отдельных китайских исследователей по вопросу южных

Курильских островов, то, согласно работе Люй Яодуна,³ присоединение Советским Союзом южных Курил — это один из итогов Второй мировой войны, а Россия является законной правопреемницей СССР, следовательно, в соответствии с положениями международного права, российская сторона обладает неоспоримым суверенитетом в отношении указанных островов [16, С. 6]. Подобная открытая и всеобъемлющая поддержка позиции России в территориальном споре с Японией встречается среди китайских исследователей достаточно редко, в основном авторы Поднебесной предпочитают придерживаться объективной точки зрения, лишь в некоторой степени склоняясь на российскую или японскую сторону. Люй Яодун также подмечает, что Москва более не придерживается прежней позиции, заключавшейся в подписании мирного договора между двумя государствами без каких-либо предварительных условий, но в то же время стремится максимизировать собственные экономические и даже политические интересы в отношении Токио. Учитывая вышеперечисленное, развитие экономического сотрудничества с Россией становится для Японии необходимой мерой в рамках создания условий для окончательного решения территориальной проблемы [16, С. 6]. Однако, по мнению автора, приведенные условия все еще не сложились, а российско-японские переговоры по-прежнему находятся на подготовительном этапе [16, С. 9].

Ли Юнхуэй⁴ же считает, что, хотя Россия не признает спора о южных Курилах, в силу

³ Директор отдела исследования японской дипломатии, зам. заведующего центром исследования китайско-японских отношений Академии общественных наук КНР.

⁴ Доктор юридических наук, зам. директора отдела российской дипломатии Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР.

гуманитарных соображений, Москва может передать данные острова Токио. Автор также подчеркивает, что российско-японская территориальная проблема включает не только исторический вопрос о суверенитете над островами, но и касается признания международных договоров и политических документов, зафиксировавших итоги Второй мировой войны, а также несения Японией ответственности за развязывание прежней агрессии. Таким образом, если Россия в текущей ситуации откажется от прав на представленные острова, то это станет своего рода прецедентом возврата территории, который способен спровоцировать новый передел послевоенных границ в Азии и Европе, разрушение определенного Ялтинским и Потсдамским соглашениями международного порядка, что несомненно приведет к непредсказуемым последствиям [17, С. 149-150].

Ван Хайбинь,⁵ в свою очередь, выделяет следующие стратегические мотивы для дальнейшего развития российско-японских отношений: с точки зрения Токио — сдерживание Китая, улучшение дипломатического положения Японии в АТР, решение российско-японской территориальной проблемы, стимулирование экономического развития Японии; с точки зрения Москвы — сохранение равновесия сил в АТР, сдерживание американо-японских отношений, овладение инициативой во взаимоотношениях с Токио, а также ускорение экономического развития Дальнего Востока России по

средством Японии. Китайский исследователь также приводит три потенциальных способа урегулирования курильского вопроса:

1. «возвращение двух островов», то есть после подписания Москвой и Токио мирного договора, в соответствии с «Советско-японской совместной декларацией» 1956 г. и «Иркутским заявлением» 2001 г., Россия должна передать острова Шикотан и Хабомаи Японии, и на этом стороны ставят точку;
2. «предварительная передача двух островов», а именно Москва в первую очередь признает суверенитет Токио над всеми южными Курилами, после чего должна передать японской стороне острова Шикотан и Хабомаи, а затем начать переговоры по вопросу возвращения Итурупа и Кунашира;
3. «возвращение трех островов», то есть Россия и Япония должны поровну разделить спорные острова, исходя из площади последних. Таким образом, Токио получит Хабомаи, Шикотан, Кунашир, а также часть острова Итуруп [18, С. 54-56].

Интересно, что ни один из приведенных автором способов не предполагает сохранения российского суверенитета над всеми южными Курильскими островами.

По мнению же Янь Дэсюэ⁶ и Сунь Чао,⁷ современные активные действия России

⁵ Доцент Института философии и государственного управления Хэнаньского университета, научный руководитель докторантов.

⁶ Научный сотрудник центра изучения России Восточно-китайского педагогического университета, научный руководитель магистрантов.

⁷ Лектор центра изучения международных вопросов школы провинциального комитета КПК Цзянсу.

в пределах южных Курил (в частности, создание территории опережающего социально-экономического развития) демонстрируют, что Москва не связывает территориальную проблему с ожиданиями по российско-японскому экономическому сотрудничеству, а также стремится вызвать смятение в правительстве Японии и даже добиться от него уступок. Более того, традиционная позиция России по курильскому вопросу, а также патриотизм российской общественности не позволят властям РФ пойти на компромисс с Токио [19, С. 84-85].

Важно обратить внимание на то, что, согласно исследованию Ван Цзинли,⁸ два из четырех спорных островов, а именно Итуруп и Кунашир, принадлежат Курильской гряде, в то время как Шикотан и Хабомаи автор причисляет к островам, относящимся к Хоккайдо [20, С. 51]. Более того, по словам Ван Цзинли, несмотря на то, что дальнейшая судьба курильского вопроса теоретически может быть решена тремя путями (возвращение указанных территорий целиком, частичная передача с последующим постепенным возвращением всех островов или сохранение существующего положения), но фактически Россия весьма вероятно продолжит уверенно контролировать оспариваемые Японией территории. Тем не менее, автор замечает, что по окончании «холодной войны» КНР осуществила заметную корректировку собственной внешней политики, и в условиях поддержки российской позиции Китаем Москве не стоит слишком переживать из-за своей тактики оттяжек в отношении проблемы южных Курильских островов. Ван Цзинли также подчер-

кивает, что в случае отказа от четырех островов Россия не только лишится территорий со значительным запасом минеральных ресурсов, но также образует немалую брешь в стратегическом барьере на пути к Дальнему Востоку, позволив США и Японии расширить подконтрольную им область [20, С. 55-56].

Картографический вопрос российско-китайских отношений

В рамках изучения позиции Китая по проблеме южных Курильских островов нельзя обойти стороной вопрос изображения представленных территорий на картах и в атласах Народной Республики. Согласно работе Фань Сюэсуна, южные Курилы изображались на картах, изданных в КНР в 50-е гг. XX в., как территория СССР [1, С. 125]. Тем не менее, начиная с 1960-х гг., южные Курилы в Китае привычно именуют «четырьмя северными островами» или «северными территориями» [20, С. 51], а в атласах они обозначаются как не принадлежащие Советскому Союзу и Российской Федерации. Точнее говоря, на всех картах, издаваемых правительством Народной Республики, южные Курильские острова закрашены в цвет территории Японии, знак границы последней с РФ располагается между островами Уруп и Итуруп, а наименования самих спорных островов обозначаются следующим образом: «о. Итуруп (оккуп. Россией), о. Кунашир (оккуп. Россией), о. Шикотан (оккуп. Россией), о-ва Хабомаи (оккуп. Россией)» [1, С. 125].

В соответствии с материалами, которыми располагает данная статья, как минимум

⁸ Институт международных отношений Пекинского университета иностранных языков.

до июля 2017 г. Пекин изображал южные Курилы на собственных картах и в атласах вышеописанным образом [21].

Фань Сюэсун заявляет, что подобное положение спорных островов на китайских картах является не чем иным, как пережитком «политики борьбы против советского гегемонизма», имевшей место во времена раскола между СССР и КНР. Автор также подчеркивает, что данный пережиток сохраняется, так как у правительства Народной Республики существуют обстоятельные и строгие правила картоирования, и до тех пор, пока Пекин официально не заявил о своей новой позиции в отношении российско-японского территориального спора, китайские картографы продолжают следовать прежним правилам [1, С. 126]. Справедливости ради, стоит заметить, что на картах, издаваемых в России, также часто отсутствует поддержка Китая в вопросах Тайваня, Южного Тибета и Аксайчина, архипелагов Наньша, Дяоюйдао и т.д.

ВЫВОДЫ

Итак, вопрос южных Курил, как и территориальные проблемы Северо-Восточной Азии в целом, весьма чувствителен и сложен. Отдельные китайские исследователи и периодические издания в зависимости от собственной специализации и региона выражают приверженность российской или же японской позиции. Однако правительство и центральные печатные органы КНР избегают открытого высказывания своей точки зрения по проблеме южных Курильских островов, отказываются от вмешательства в российско-японские двусторонние отношения и официальной поддержки

какой-либо из конфликтующих держав, тем самым стремясь сохранить взаимовыгодные связи с каждой из них, а также баланс сил в регионе. Тем не менее, не стоит забывать о широких перспективах сотрудничества Москвы и Пекина в сфере региональной безопасности, которое может немало поспособствовать урегулированию не только курильской, но и других территориальных проблем в АТР. Окончательное же решение указанных проблем может быть достигнуто лишь в том случае, если стороны согласятся уважать непреложные факты истории, руководствоваться поддержанием мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а также продолжать развивать и расширять конструктивное взаимодействие.

Литература

1. Фань Сюэсун. Позиция КНР по проблеме принадлежности южных Курил // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 121–128.
2. Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Россия и АТР. 2004. № 4. С. 44–52.
3. МИД Китая не комментирует ситуацию вокруг южных Курил. – URL: <https://ria.ru/20110215/334445813.html> (дата обращения 11.08.2020)
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения 26.10.2020)

5. Си Цзиньпин поздравил Владимира Путина с 75-летием Победы во Второй мировой войне. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/9357369> (дата обращения 26.10.2020)
6. Си Цзиньпин провел телефонный разговор с Владимиром Путиным. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8913673> (дата обращения 20.11.2020)
7. Глумова Ж.Е. Освещение проблемы островов Курильской гряды в китайских и японских СМИ // Российско-китайские исследования. 2019. № 1. С. 90–94.
8. “对立”与“对话”揭示日俄关系困境[Раскрытие трудного положения российско-японских отношений через «противостояние» и «диалог»]. — URL: <http://japan.people.com.cn/n/2015/0612/c35469-27143965.html> (дата обращения 10.08.2020)
9. 日本首相表示欢迎普京关于北方领土问题最新发言[Японский премьер-министр одобряет недавнее выступление Путина о проблеме северных территорий]. — URL: <http://cjkeizai.j.people.com.cn/98733/7748410.html> (дата обращения 10.08.2020)
10. Россиянам нужны Южно-Курильские острова. — URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7869700.html> (дата обращения 11.08.2020)
11. 日俄首腦會談 北方四島未達共識 專家：有共同開發可能[Переговоры глав Японии и России. По четырем северным островам не достигнуто консенсуса. Эксперты: существует возможность совместного освоения]. — URL: <http://news.wenweipo.com/2019/01/23/IN1901230062.htm> (дата обращения 26.10.2020)
12. Ming K. Chan (1997). The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China [Вызов реинтеграции Гонконга с Китаем]. Hong Kong: Hong Kong University Press. 244 p.
13. Japan renews claim on Russia-held Kuril Islands in foreign policy report [Япония возобновляет притязания относительно удерживаемых Россией Курильских островов во внешнеполитическом отчете]. — URL: <https://www.scmp.com/news/asia/east-asia/article/3084986/japan-renews-claim-russia-held-kuril-islands-foreign-policy> (дата обращения 13.11.2020)
14. 俄日领土谈判几天共识 日难有作为 [Несколько дней взаимопонимания в российско-японских территориальных переговорах. Японии трудно рассчитывать на хорошие перспективы]. — URL: <https://www.chinanews.com/hb/2011/02-14/2841373.shtml> (дата обращения 17.11.2020)
15. 安倍對普丁：該如何理解日本「北方領土」問題？ [Абэ против Путина: как следует понимать японскую проблему северных территорий?]. — URL: https://global.udn.com/global_vision/story/8663/2158377 (дата обращения 17.11.2020)
16. 吕耀东(2019). 日俄关于领土问题的利益诉求及两国关系走向[Российско-японские интересы и требования относительно территориального вопроса, а также тенденции взаимоотношений двух держав] // 当代世界. 2. pp. 4–9.
17. Ли Юнхуэй. Влияние территориальных проблем на китайско-японские и российско-японские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История

- и современность. 2015. № 20. С. 142–153.
18. 王海濱(2014). 试析俄日关系“解冻”及其前景 [Попытка анализа «оттепели» в российско-японских отношениях и её перспектив] // 现代国际关系. 3. pp. 49–56, 64.
 19. 阎德学, 孙超(2017). 日俄接近新态势评估 [Оценка новых обстоятельств российско-японского сближения] // 国际问题研究. 5. pp. 75–87.
 20. 王景丽(2011). 历史启示——北方四岛的未来之路 [Историческое откровение — пути к будущему четырех северных островов] // 俄语学习. 3. pp. 51–59.
 21. 周敏(2017). 俄罗斯地图 [Карта России]. 北京: 中国地图出版社.
 5. Si Czin'pin pozdravil Vladimira Putina s 75-letiem Pobedy vo Vtoroj mirovoj vojne. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9357369> (data obrashcheniya 26.10.2020)
 6. Si Czin'pin provel telefonnyj razgovor s Vladimirom Putinym. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8913673> (data obrashcheniya 20.11.2020)
 7. Glumova ZH.E. Osveshchenie problemy ostrovov Kuril'skoj gryady v kitajskih i yaponskih SMI // Rossijsko-kitajskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 90–94.
 8. “对立”与“对话”揭示日俄关系困境 [Raskrytie trudnogo polozheniya rossijsko-yaponskih otnoshenij cherez «protivostoyanie» i «dialog»]. – URL: <http://japan.people.com.cn/n/2015/0612/c35469-27143965.html> (data obrashcheniya 10.08.2020)
 9. 日本首相表示欢迎普京关于北方领土问题最新发言 [YAponskij prem'er-ministr odobryaet nedavnee vystuplenie Putina o probleme severnyh territorij]. – URL: <http://cjkeizai.j.people.com.cn/98733/7748410.html> (data obrashcheniya 10.08.2020)
 10. Rossiyanam nuzhny YUzhno-Kuril'skie ostrova. – URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7869700.html> (data obrashcheniya 11.08.2020)
 11. 日俄首腦會談 北方四島未達共識 專家: 有共同開發可能 [Peregovory glav YAponii i Rossii. Po chetyrem severnym ostrovam ne dostignuto konsensusa. Eksperty: sushchestvuet vozmozhnost' sovmestnogo osvoeniya]. – URL: <http://news.wenweipo.com/2019/01/23/IN1901230062.htm> (data obrashcheniya 26.10.2020)
 1. Fan' Syuesun. Poziciya KNR po probleme prinadlezhnosti yuzhnyh Kuril // Problemy Dal'nego Vostoka. 2017. № 1. S. 121–128.
 2. Goncharov S.N., Li Dan'huej. O «territorial'nyh pretenziyah» i «neravnopravnyh dogovorah» v rossijsko-kitajskih otnosheniyah: mify i real'nost' // Rossiya i ART. 2004. № 4. S. 44–52.
 3. MID Kitaya ne kommentiruet situaciyu vokrug yuzhnyh Kuril. – URL: <https://ria.ru/20110215/334445813.html> (data obrashcheniya 11.08.2020)
 4. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o vzaimovыgodnom sotrudnichestve i uglublenii otnoshenij vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (data obrashcheniya 26.10.2020)

References

12. Ming K. Chan (1997). The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China [Vyzov reintegracii Gokonga s Kitaem]. Hong Kong: Hong Kong University Press. 244 p.
13. Japan renews claim on Russia-held Kuril Islands in foreign policy report [Yaponiya vozobnovlyaet prityazaniya otnositel'no uderzhivaemyh Rossiej Kuril'skih ostrovov vo vneshnepoliticheskom otchete]. – URL: <https://www.scmp.com/news/asia/east-asia/article/3084986/japan-renews-claim-russia-held-kuril-islands-foreign-policy> (data obrashcheniya 13.11.2020)
14. 俄日领土谈判几天共识 日难有作为 [Neskol'ko dnei vzaimoponimaniya v rossijsko-yaponskih territorial'nyh peregovorah. Yaponii trudno rasschityvat' na horoshie perspektivy]. – URL: <https://www.chinanews.com/hb/2011/02-14/2841373.shtml> (data obrashcheniya 17.11.2020)
15. 安倍對普丁：該如何理解日本「北方領土」問題? [Abe protiv Putina: kak sleduet ponimat' yaponskuyu problemu severnyh territorij?]. – URL: https://global.udn.com/global_vision/story/8663/2158377 (data obrashcheniya 17.11.2020)
16. 吕耀东(2019). 日俄关于领土问题的利益诉求及两国关系走向[Rossijsko-yaponskie interesy i trebovaniya otnositel'no territorial'nogo voprosa, a takzhe tendencii vzaimootnoshenij dvuh derzhav] // 当代世界. 2. pp. 4–9.
17. Li YUnhuj. Vliyanie territorial'nyh problem na kitajsko-yaponskie i rossijsko-yaponskie otnosheniya // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. 2015. № 20. S. 142–153.
18. 王海滨(2014). 试析俄日关系“解冻”及其前景 [Popytka analiza «ottepeli» v rossijsko-yaponskih otnosheniyah i eyo perspektiv] // 现代国际关系. 3. pp. 49–56, 64.
19. 阎德学, 孙超(2017). 日俄接近新常态评估 [Ocenka novyh obstoyatel'stv rossijsko-yaponskogo sblizheniya] // 国际问题研究. 5. pp. 75–87.
20. 王景丽(2011). 历史启示——北方四岛的未来之路 [Istoricheskoe otkrovenie — puti k budushchemu chetyrekh severnyh ostrovov] // 俄语学习. 3. pp. 51–59.
21. 周敏(2017). 俄罗斯地图 [Karta Rossii]. 北京: 中国地图出版社.

Информация об авторе

Перов Алексей Андреевич

Университет Хэйлунцзян

150080, Харбин, р-н Нанган, пр.Суэфу 74

КНР

perov_a1997@mail.ru

Information about the Author

Aleksei Perov

Institute of Government Administration

Heilongjiang University

150080, Harbin, Nangang district, Xuefu road 74

China

perov_a1997@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Сотрудничество и конкуренция Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере атомной энергетики

Cooperation and competition between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of nuclear energy

Басханов Данил Русланович

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС при Президенте РФ)*

danilbashanov8493@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-132-142

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринята попытка анализа ключевых этапов стратегического сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в области использования атомной энергии в мирных целях, что позволяет выявить дальнейшие перспективы развития совместной деятельности в рассматриваемой сфере. Также в статье уделено внимание конкурентной стороне взаимоотношений обоих государств на мировом рынке атомной энергетики, так как Китайская Народная Республика всё более активно включается в проектно-строительную гонку, участвуя в конкурсах на возведение новых атомных электростанций, что отвечает стратегическим целям страны. Цель статьи — определить, готовы ли китайские компании к усиленному соперничеству с Росатомом, отвечает ли уровень применяемых ими технологий возможности реализации долгосрочных стратегических целей в сфере атомной энергетики. При написании статьи автор опирался на различные отчёты о состоянии китайской атомной энергетики,

ABSTRACT

There is an attempt in this article to analyze the key stages of strategic cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of peaceful use of nuclear energy, which allows to identify further prospects for the development of joint activity in this area. Also, there is a focus on the competitive side of relations between the two countries in the global nuclear energy market in the article, since the People's Republic of China is increasingly involved in the design and construction race, participating in competitions for the construction of new nuclear power plants, which meets the country's strategic goals. The purpose of the article is to determine whether Chinese companies are ready for increased competition with Rosatom, whether the level of technologies they use meets the possibility of implementing long-term strategic goals in the field of nuclear energy. When writing the article, the author relied on various reports on the state of Chinese nuclear power, informational resources that contain information about strengthening Russian-Chinese cooperation in this area, as well as interstate agree-

информационные ресурсы, в которых содержится информация об укреплении российско-китайского сотрудничества в этой сфере, а также межгосударственные соглашения. По мнению автора, Китаю придётся приложить немало усилий для утверждения на рынке атомной энергетики. Вместе с тем на сегодняшний день КНР обладает целым набором качественных технологий, заимствованных в других странах и разработанных самостоятельно, который с одной стороны, усложняет подготовку специалистов и распыляет научные кадры, с другой стороны, позволит в недалеком будущем предлагать большой выбор реакторов, удовлетворяя различные вкусы международных заказчиков.

Ключевые слова: строительство, АЭС, CNNC, Росатом, сотрудничество, конкуренция, преимущество.

Для цитирования: Басханов Д.Р. *Сотрудничество и конкуренция Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере атомной энергетики. Современные востоковедческие исследования.* 2021; 3(1). 132-142

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день атомная промышленность является одной из наиболее быстро развивающихся и перспективных сфер мировой экономики. И хотя данная промышленность не сводится исключительно к энергетике, в статье будет идти речь именно о ней, так как на мировом атомном рынке может начаться очередной раунд ожесточённой конкуренции с участием новых игроков. Говоря о мирном использовании атомной энергетики, необходимо отметить, что развитие этой отрасли экономики часто приносит выгоду стране, будь то улучшение экологии, обеспечение энергетиче-

ских ресурсов. Согласно автору, Китай будет вынужден сделать много усилий, чтобы утвердиться на рынке атомной энергетики. Однако, в наши дни, Китай имеет целый набор высококачественных технологий, заимствованных из других стран и разработанных самостоятельно, что, с одной стороны, усложняет подготовку специалистов и рассеивает научный персонал, но с другой стороны, позволит предложить в ближайшем будущем больший выбор реакторов, удовлетворяя интересы международных заказчиков.

Keywords: construction, NPP, CNNC, Rosatom, cooperation, competition, advantage.

For citation: Baskhanov D.R. *Cooperation and competition between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of nuclear energy.* Modern oriental studies. 2021; 3(1). 132-142

ческой безопасности, повышение потребления электроэнергии на душу населения и так далее. Разумеется, подходы у каждого государства разные, имеются свои собственные атомные школы и стратегии развития, отличается и уровень атомной энергетики в разных странах. Так, если Китайская Народная Республика нацелена на увеличение объёмов строительства АЭС, Российская Федерация выводит из оборота устаревшие электростанции и возводит атомные электростанции замещения, то есть эти страны уже имеют собственные атомные промышленные комплексы, то такие страны, как, например, Королевство Саудовская

Аравия или ОАЭ только вступили на путь развития собственной атомной энергетики, а Федеративная Республика Германия, в свою очередь, приняла политическое решение вовсе отказаться от использования мирного атома.

В этой связи предстоит ответить на один важный вопрос, а именно: готова ли КНР к конкурентной борьбе в данной области, будут ли ее энергетические компании соперничать с госкорпорацией Росатом, которая имеет большие амбиции и нацелена на расширение проектов строительства АЭС в других странах.

Атомную энергетику Китая (без учёта острова Тайвань) представляют в общей сложности 49 промышленных ядерных реактора, которые установлены на 17 АЭС, суммарной мощностью 46518 МВт (по состоянию на ноябрь 2020 года).¹ Ещё 12 блоков в данный момент возводятся и строительство ещё примерно 30 блоков с ядерными реакторами запланировано. В 2014–2019 годах доля мирного атома в общей выработке электричества на территории Китайской Народной Республики выросла на 2,49% и достигла показателя 4,88%.²

Активно развивая атомную энергетику, руководство Китайской Народной Республики преследует следующие цели:

1) реализацию программы четырёх модернизаций социализма, принятой в конце 1978 года и направленной на реформы

в промышленной сфере, в сфере сельского хозяйства, науки и техники, а также в военной сфере;

2) исправление экологической ситуации в промышленных районах (а именно в Ляонине, Шаньдуне, Гуандуне, Цзянси, Чжэцзяне, Фуцзяне, Аньхое, Шанхае, Тяньцзине, Чунцине, Гонконге и других районах КНР),³ вызванной активным использованием угольных электростанций для обеспечения энергией развивающейся экономики Китая;

3) решение проблемы неравномерного распределения энергетических ресурсов (в восточном, северо-восточном и южно-центральных районах страны, где проживает 63% населения, располагается всего 15% энергетических ресурсов Китая) и перегрузки транспортной системы (ранее проблему неравномерного распределения электроэнергии между различными частями государства руководство страны пытались решить транспортировкой каменного угля из южных провинций Китая в северные и передачи электроэнергии с востока страны в западную часть).

Начало атомной индустрии Китая связывают с 1955 годом, так как именно тогда для было принято решение создать министерство ядерной промышленности Китая, которое в 1988 году было реорганизовано в Китайскую

¹ Operational & Long-Term Shutdown Reactors [Электронный ресурс] // Power Reactor Information System / Режим доступа: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/OperationalReactorsByCountry.aspx>

² 2019 electricity & other energy statistics (preliminary) [Электронный ресурс] // China Energy Portal / Режим доступа: <https://chinaenergyportal.org/en/2019-electricity-other-energy-statistics-preliminary/>

³ Nuclear Power in China [Электронный ресурс] // World Nuclear Association / Режим доступа: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx>

национальную ядерную компанию (CNNC). Однако только 8 февраля 1970 года был сделан следующий шаг на пути к дальнейшему стратегическому развитию атомной энергетики КНР, а именно принятие соответствующего государственного плана. В этой связи был основан важный научный центр — 728 институт, который ныне известен как Шанхайский инженерно-конструкторский институт ядерных исследований. Наконец, 15 декабря 1991 года был введён в эксплуатацию первый китайский ядерный реактор CNP-300, мощность которого составила 300 МВт, Циньшанской АЭС (городской округ Цзянсин, провинция Чжэцзян).

Примечателен тот факт, что первый китайский атомный реактор и атомная электростанция Циньшань были полностью спроектированы с применением технологий научно-исследовательских центров Китая. Так, реактор разработали специалисты из Шанхайского научно-исследовательского и проектно-конструкторского института атомной энергии (SNERDI), а турбинную часть АЭС проектировал Восточно-китайский институт проектирования электроэнергетики (ЕСЕРДИ).

Позже схожие реакторы CNP-300 были поставлены в Исламскую Республику Пакистан на АЭС Чашма, строительство которой началось в 1993 году, немного позднее, чем первая АЭС в Китае.

Через пять лет после запуска первого реактора Циньшанской АЭС в 1996 году началось строительство первого из четырёх энергоблоков второй очереди с более мощным ядерным реактором CNP-600, который также был разработан специалистами Китайской корпорации

ядерной промышленности; все четыре энергоблока со схожими реакторами были введены в эксплуатацию только в ноябре 2011 года.

Необходимо отметить, что практически в то же время с января 1998 года началось возведение третьей очереди энергетических блоков, которые были связаны с двумя реакторами CANDU 6 (мощность каждого 750 МВт), которые были разработаны специалистами из канадской компании AECL. Реакторы были введены в строй в 2002 и в 2003 годах, соответственно. Таким образом, к ноябрю 2011 года мощность Циньшанской АЭС составляла уже 4386 МВт. Вместе с тем в январе 2015, начал свою работу второй энергетический блок АЭС Фанцзяшань (оба блока, построенные французской компании Areva за 26 млрд юаней (\$3,8 млрд), имеют реакторы CPR-1000), располагающийся близко к первой очереди Циньшанской АЭС. Общая энергетическая мощность всех энергоблоков составила 6546 МВт, что бесспорно сделало данный кластер одним из самых крупных на планете.

Помимо корпорации CNNC, которая считается флагманом китайского атома и работает в основном на северо-востоке КНР, известны две другие государственные корпорации, а именно Китайская генеральная ядерная энергетическая корпорация (CGN) и Государственная энергетическая инвестиционная корпорация (SPIC), которые осваивают французские и американские технологии, соответственно. В частности, CGN работает на юго-востоке Китая. Среди наиболее значимых проектов этой госкорпорации можно выделить АЭС Линьао с двумя реакторами М310 и двумя CPR-1000

общей мощностью 4152 МВт, а также АЭС Янцзян с шестью реакторами CPR-1000 общей мощностью 6516 МВт и стоимостью капиталовложений в \$10 млрд. SPIC является основным акционером Хайянской АЭС (два реактора AP1000 от Westinghouse общей мощностью 2500 МВт) и АЭС Саньмэнь (два аналогичных реактора с общей мощностью 2314 МВт).

Необходимо признать, что сила и одновременная слабость Китая, состоит в том, что, помимо разработки собственных технологий, он осуществляет активное заимствование иностранных решений. С одной стороны, может показаться, что китайские специалисты могут использовать лучшее каждой технологии, но с другой, это оказывается практически невозможным, так как каждая научная школа имеет свои решения и специфику по многим агрегатам и основным компонентам атомных энергоблоков. Кроме того, появляется неизбежная необходимость в качественной подготовке специалистов, которые будут способны обслуживать реакторы разных проектов и атомных школ. С этой целью в стране создан целый ряд отделений (например, в Пекинском университете и Университете Цинхуа), которые уже подготовили много различных специалистов для дальнейшего обслуживания объектов и развития ядерной промышленности КНР.

Несмотря на то, что у Китая есть богатые месторождения урана, а значит, необходимая материальная база для развития ядерной энергетики, высококвалифицированные кадры и места их подготовки, а также опыт работы с иностранными технологиями, необходимо признать, что большинство заимствований

было освоено при участии иностранных компаний из Российской Федерации, Канады, Французской Республики и Соединённых Штатов Америки.

Иначе говоря, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день Китай в мировом ядерном сообществе ещё далеко не лидер. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что КНР вовлечена в крупномасштабное строительство новых АЭС в других странах (Румыния, Великобритания), а значит, Китай сделает всё возможное, чтобы усилить свои позиции в атомной сфере для реализации положений Программы среднесрочного и долгосрочного развития ядерной энергетики на 2005–2020 года.

В 2015 году «Росатом» проиграл китайским компаниям тендер на строительство шести атомных электростанций на территории Южно-Африканской Республики. Стоимость тендера составляла \$93 млрд, а конкурентами, помимо России, выступали ядерные корпорации из США, Французской Республики и Республики Корея.

Причиной победы Китая является тот факт, что Китайская Народная Республика позволила ознакомиться со своими исследованиями (в отличие от России, которая не раскрывает данные о своих разработках, в том числе и КНР) и выразила готовность внести значительные инвестиции в экономику ЮАР.

Всё это говорит о том, что победа Китая была обусловлена обещаниями дополнительного финансирования и готовностью поделиться секретами атомных мирных технологий. Более того, весной 2017 года Высокий суд ЮАР удовлетворил жалобы экологов, что вылилось

в отмену атомной программы и аннулировании большей части межправительственных соглашений из-за процедурных нарушений, то есть Китай не смог закрепиться на рынке Южной Африки.⁴

В том же году Китайская национальная ядерная компания (CNNC) создала новый тип реактора HPR-1000 и продолжила модернизацию и реализацию программы импортозамещения реактора CPR-1000, который базируется на французском М310. В последнем становится всё больше и больше компонентов китайского производства. Интересен тот факт, что CNNC разработала аналогичную трёхконтурную конструкцию CNP-1000 с другой активной зоной, что говорит о серьёзных планах Китая на мировой атомный рынок, хотя и не решает проблему зависимости от импортных технологий. Так, например, CGN оказывает влияние на энергетику Великобритании, порвавшей с Евратомом, а также подписала соглашение о строительстве второй очереди АЭС Чернавода в Румынии, что лишней раз свидетельствует о намерении Китая расширить географию строительства АЭС.

Российско-китайские отношения в области освоения мирного атома не сводятся исключительно к конкуренции. Отправной точкой сотрудничества в сфере атомной энергетики меж-

ду Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой является 25 декабря 1997 года кода был подписан контракт на строительство АЭС Тяньвань на территории КНР (г. Ляньюньган, провинция Цзянсу). Непосредственные работы по строительству объекта ядерно-энергетического сотрудничества России и Китая начались в 1999 году⁵ и уже к 2007 году строительство первого и второго блоков с реакторами ВВЭР-1000 было завершено. Начался ввод АЭС Тяньвань в коммерческую эксплуатацию, а в период с 2012 по 2018 года проходили работы по сооружению третьего и четвёртого блоков с теми же реакторами. В то же самое время китайская сторона занималась работой над пятым и шестым блоками Тяньваньской АЭС с собственными реакторами АСРР-1000.

По итогам официальной встречи между Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, которая состоялась в июне 2018 года, между Государственной корпорацией по атомной энергетике «Росатом» и Китайской национальной ядерной компанией (CNNC) был подписан важный межправительственный протокол, который сами стороны оценивают как «рекордный пакет соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере». Документ был подготовлен на основе более

⁴ ЮАР отказалась от новых АЭС [Электронный ресурс] // ИА Коммерсантъ / Режим доступа: ЮАР отказалась от новых АЭС – Газета Коммерсантъ № 133 (6371) от 30.07.2018 (kommersant.ru)

⁵ Самая крупная зарубежная стройка Росатома [Электронный ресурс] // 75 лет атомной промышленности / Режим доступа: https://atom75.ru/?utm_source=ya_poisk&utm_medium=cpc&utm_campaign=atom75&utm_content=history74&utm_term=%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D1%8D%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5&yclid=6347309224293598154#history_74

раннего совместного заявления правительств обеих стран о развитии стратегического сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях от 7 ноября 2016.⁶

Это упрочило сотрудничество двух стран в данной области и, в частности, позволило российской стороне в лице (АО «АТОМПРОЕКТ» и «Атомстройэкспорт») в будущем проектировать ядерный остров АЭС, а также поставлять ключевое оборудование для блоков №7 и №8 АЭС Тяньвань (пуск запланирован на 2026 и 2027 года), которые будут работать с российскими реакторами новейшего поколения «3+» ВВЭР-1200 (1200 МВт каждый), и для блоков №3 и №4 АЭС Сюйдапу (пуск обоих блоков запланирован на 2028 год)⁷. Руководство Росатома считает, что данный пакет соглашений самый крупный в истории сотрудничества двух государств Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере атомной энергетики, а его уникальность — кооперация сразу по нескольким проектам в области высоких ядерных технологий, у которых нет аналогов в мировой атомной отрасли.

Очевидно, что Китай заинтересован в дальнейшем взаимодействии с Россией. В интервью, которое июне 2020 года дал Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Российской Федерации Чжан Ханьхуэй было отмечено, что «сотрудничество продемонстрировало в условиях эпидемии достаточно хорошую

устойчивость и возможность противостояния рискам»,⁸ что в 2019 году был подписан «рекордный пакет» исполнительных документов (например, генеральный контракт на сооружение блоков №3 и 4 АЭС Сюйдапу российского дизайна с реакторами ВВЭР-1200). В январе 2020 года генеральный директор «Росатома» А.Е. Лихачёв прибыл на АЭС Тяньвань, для участия в торжественной церемонии ввода в эксплуатацию блоков №3 и №4 и начала строительства блоков №7 и №8. Важно отметить, что сотрудничество в области строительства блоков №3 и №4 Сюйдапу не только продолжилось, но и ускорилось, вступив в фазу полной реализации, как и работа по строительству блоков №7 и №8 АЭС Тяньвань. Российские специалисты в условиях пандемии всё время находились в КНР и до сих пор работают на Тяньваньской АЭС, что высоко оценил Посол КНР в России, ведь это, наряду с поставкой противозидемических средств, «продемонстрировало подлинный характер китайско-российского сотрудничества и дух борьбы плечо к плечу».

26 августа 2020 года была организована встреча между представителями Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) и Министерства науки и технологий КНР. Тогда же было проведено торжественное мероприятие по открытию Года китайско-российского научно-технического и инновационного

⁶ Совместное заявление глав правительств Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии стратегического сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях [Электронный ресурс] // Правительство России / Режим доступа: <http://government.ru/info/25225/>

⁷ Россия и Китай подписали рекордный пакет соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере [Электронный ресурс] // Росатом / Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-kitay-podpisali-rekordnyu-paket-soglasheniy-o-sotrudnichestve-v-yadernoy-sfere/>

⁸ Посол КНР: Китай и Россия ведут переговоры о новых крупных энергетических проектах, и не только в сфере транспортировки ресурсов [Электронный ресурс] // ИА Интерфакс / Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/713155>

сотрудничества (лето 2020 – лето 2021 года), а также было подписано соглашение, под которым подписались заместитель Министра науки и технологий КНР Хуан Вэй и первый вице-директор ОИЯИ академик Г.В. Трубников предусматривающее дальнейшее укрепление сотрудничества в областях фундаментальных научных и прикладных исследований в рамках будущего Двустороннего координационного комитета (ДКК). В сферу компетенций ДКК будут входить решения различного рода технических и финансовых вопросов участия китайских научных организаций в строительстве и эксплуатации комплекса сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов (NICA), старт которого намечен на 2023 год и который является флагманским проектом ОИЯИ, под высшим управлением и контролем Международного наблюдательного совета NICA. Также Министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков и Министр науки и технологий КНР Ван Чжиган подписали Дорожную карту российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020–2025 годов, в тексте которой отразились намерения обеих сторон поддерживать будущее сотрудничество в сфере атомной энергетики в рамках ОИЯИ.^{9 10}

Безусловно, все указанные договоры, которые Российская Федерация заключила с Китайской Народной Республикой, имеют значение для России, так как сотрудничество в данной сфере позволит укрепить энергетическую безопасность в Северо-Восточной Азии, а также

даст возможность российской стороне получить необходимую финансовую поддержку для реализации различных дорогостоящих проектов.

Нельзя забывать, что в экономической и технологической сферах продолжается российско-китайская конкуренция в области использования атомной энергии в мирных целях, так как каждая сторона преследует в первую очередь свои цели, связанные с долгосрочными планами энергетического развития. Если у Китайской Народной Республики это крайняя необходимость в поддержке постоянно растущего спроса на электроэнергию, улучшении экологической обстановки в промышленных районах страны и так далее, то Российской Федерации крайне важны развитые атомные технологии, которые могут помочь российской экономике многочисленными заказами и вывести ее на новый уровень.

Хотя часть российских экспертов отмечает, что по состоянию на 2020 год присутствует позитивная тенденция в развитии двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем и даже возможность для дальнейшей интеграции двух государств в других важных стратегических сферах, это не значит, что крупнейшая развивающаяся страна, которой несомненно является Китай, откажется от дальнейшего расширения своей деятельности, то есть проекты в ЮАР, Великобритании и Румынии — это только начало. США теперь всерьез рассматривают не только Россию, но и Китай, в качестве конкурента в борьбе за энергетический рынок,

⁹ ОИЯИ и КНР подписали соглашение по реализации проекта NICA [Электронный ресурс] // ИП Атомная энергия 2.0 / Режим доступа: <https://www.atomic-energy.ru/news/2020/08/31/106428>

¹⁰ Россия и Китай открыли Годы научно-технического и инновационного сотрудничества [Электронный ресурс] // Правительство России / Режим доступа: <http://government.ru/news/40273/>

например, в Восточной Европе, поэтому активизируют там свою деятельность. С другой стороны, российско-китайское сотрудничество со стороны КНР сводится к удовлетворению потребности страны в АЭС при помощи Росатома, который уверен в своих силах, так как его позиции на мировом ядерном рынке сильнее любой китайской атомной корпорации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Подводя итоги, можно с полной уверенностью сказать, что, Россия и Китай — это в первую очередь соперники, каждый из которых намерен увеличить свою долю на мировом рынке ядерной энергетики (из которого практически вышла Франция), что непременно приведет к борьбе государств за новые дорогостоящие контракты на строительство АЭС, а значит, России придется отстаивать свои интересы в данной экономической области. Вместе с тем у госкорпорации Росатом есть стратегическое преимущество над китайскими госкорпорациями в технологическом отношении и многолетней работе на крайне консервативном рынке. Атомная промышленность КНР до сих пор зависима от импорта технологий, а также связана с необходимостью эксплуатации ранее приобретенных ядерных реакторов производства Канады, США, Франции и России, что означает большую сложность в работе с ними. Иначе говоря, несмотря на нарастающее соперничество между двумя государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Российская Федерация приложит все возможные усилия для защиты своих экономических интересов, Китайская Народная Республика должна принять программу стандартизации ядерных тех-

нологий (реакторов) и вывести их на международный рынок, продемонстрировав успешность своих проектов и научно-технических разработок.

Литература

1. Operational & Long-Term Shutdown Reactors [Электронный ресурс] // Power Reactor Information System / Режим доступа: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/OperationalReactorsByCountry.aspx>
2. 2019 electricity & other energy statistics (preliminary) [Электронный ресурс] // China Energy Portal / Режим доступа: <https://chinaenergyportal.org/en/2019-electricity-other-energy-statistics-preliminary/>
3. Nuclear Power in China [Электронный ресурс] // World Nuclear Association / Режим доступа: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx>
4. ЮАР отказалась от новых АЭС [Электронный ресурс] // ИА Коммерсантъ / Режим доступа: ЮАР отказалась от новых АЭС – Газета Коммерсантъ № 133 (6371) от 30.07.2018 (kommersant.ru)
5. Самая крупная зарубежная стройка Росатома [Электронный ресурс] // 75 лет атомной промышленности / Режим доступа: https://atom75.ru/?utm_source=ya_poisk&utm_medium=cpc&utm_campaign=atom75&utm_content=history74&utm_term=%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8

- D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D1%8D%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5&yclid=6347309224293598154#history_74
6. Sovmestnoezayavlenieglavpravitel'stvRossijskojFederaciiKitajskojNarodnoj Respublikiorazvitiistrategicheskogosotrudnichestvavoblastiispolzovaniyaatomnojenergii vmirnyhcelyah [Joint statement of the heads of governments of the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of strategic cooperation in the use of atomic energy for peaceful purposes] [Electronic resource] // Pravitel'stvoRossii [Government of Russia] / Access mode: <http://government.ru/info/25225/>
 7. RossiyaiKitajpodpisalirekordnyjpaketsoglashenijosotrudnicestvevyadernoj sfere [Russia and China signed a record package of agreements on cooperation in the nuclear sphere] [Electronic resource] // Rosatom / Access mode: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-kitay-podpisali-rekordnyy-paket-soglasheniy-o-sotrudnichestve-v-yadernoy-sfere/>
 8. PosolKNR:KitajiRossiyavedutperegovoryonovyhkrupnyhenergeticheskikhproektah,inetol'kovsferetransportirovkiresursov [Ambassador of the People's Republic of China: China and Russia are negotiating new major energy projects, and not only in the field of resource transportation] [Electronic resource] // IAInterfax [Interfax News Agency] / Access mode: <https://www.interfax.ru/interview/713155>
 9. OIYAIiKNRpodpisalisoglashenieporealizaciiiproektaNICA [JINR and China signed an agreement on the implementation of the NICA project] [Electronic resource] // IPAtomnayaenergiya2.0 [Atomic energy 2.0 News Portal] / Access mode: <https://www.atomic-energy.ru/news/2020/08/31/106428>
 10. RossiyaiKitajotkryliGodynauchnotekhnicheskogoinnovacionnogosotrudnichestva [Russia and China opened the Years of scientific, technical and innovative cooperation] [Electronic resource] // Pravitel'stvoRossii [Government of Russia] / Access mode: <http://government.ru/news/40273/>

Информация об авторе

Студент 2 курса **Басханов Данил Русланович**
 Российская академия народного хозяйства
 и государственной службы при Президенте
 Российской Федерации (РАНХиГС при Прези-
 денте РФ)
 119571, Москва, пр-кт Вернадского, 82-1
 Россия
danilbashanov8493@gmail.com

Information about the Author

2-Year Student **Danil Baskhanov**
 International Relations Department
 The Russian Presidential Academy of National
 Economy and Public Administration
 119571, Moscow, Vernadskogo avenue, 82, b. 1
 Russia
danilbashanov8493@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Шугейз в Китае Shoegaze in China

Вахрамеева Ксения Андреевна

Уральский федеральный университет

xenivach@gmail.com

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-143-149

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена музыкальному направлению шугейз, его распространенности и особенностям на территории Китая. В материале рассматривается генезис самого жанра шугейз, его происхождение и представители в Китае. Особое внимание обращено на наиболее значимых на настоящее время китайских музыкантов жанра шугейз. Были проанализированы тексты песен групп и их визуальный стиль, на основании чего было выявлено характерные черты и отсылки на китайскую и западную культуры. Как молодое направление в Китае шугейз требует дальнейшего изучения и будет интересен специалистам гуманитарного профиля, музыкальным слушателям и экспертам.

Ключевые слова: шугейз, современная музыка, китайская музыка, китайский шугейз, синогейз.

Для цитирования: Вахрамеева К.А. *Шугейз в Китае*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 143-149

ABSTRACT

The article is concentrated on the musical genre shoegaze, its distribution and features in China. In clause examines the Genesis of the shoegaze genre itself, its origin and musicians in China. Special attention is paid to the most important Chinese musicians of the shoegaze genre at present. The authors analyzed the group's song lyrics and visual style, which revealed characteristic features and references to Chinese and Western cultures. As a young direction in China, shoegaze requires further study and will be of interest to specialists in the Humanities, music listeners and experts.

Keywords: shoegaze, modern music, Chinese music, Chinese shoegaze, sinogaze

For citation: Vakhrameeva K.A. *Shoegaze in China*. Modern Oriental studies. 2021; 3(1). 143-149

Шугейз (шугейзинг) — музыкальный жанр, зародившийся в 1980-ых годах в Великобритании. Он характеризуется плотным звуком с множеством эффектов. Свое название жанр, который дословно переводится как «пристально смотреть в пол», получил благодаря британским журналистам¹, которые так характеризовали музыкантов, которые на сцене вели себя пассивно и отстраненно, сосредотачиваясь на музыке и гитарных примочках. Постоянное использование педальных эффектов, на которые музыканты и устремляли свой взгляд, стало одной из наиболее отличительных черт в имидже шугейзеров.

Как правило, музыкально отличить шугейз от другого альтернативного рока можно очень просто. Ритм-гитары обычно играют одновременно для создания расплывчатого тембра. Риффы² в большинстве случаев, безусловно, присутствуют, однако играют не первостепенную роль. Вокал в такой музыке обычно «утопает» на фоне музыки, словно еще один инструмент, и расслышать текст проблематично. Тексты песен обычно посвящены грезам или несбывшимся мечтам, что отсылает зрителя задуматься и погрузиться в свои мысли.

На шугейз очень сильно повлияла музыка в стилях пост-панк (такие группы как The Cure, Bauhaus), нойз-рок (Sonic Youth), дрим-поп (Cocteau Twins). Первыми музыкантами, чью музыку можно охарактеризовать как шугейз, были Loop, Lush и Pail Saints. Однако наиболее яркими представителями являются группы My

Bloody Valentine, Ride, The Jesus and Mary Chain и Slowdive. Альбом "Loveless" 1991 года группы My Bloody Valentine считается культовым в своем жанре и зачастую его звучание становится наиболее ярким примером шугейза.³

В Азии жанр возник в Японии. Первые японские шугейз-группы начали возникать почти вровень с британскими — в начале 1990-ых годов. Как дань наиболее влиятельной группе, в 2013 году японские шугейзеры создали трибьют альбом группы My Bloody Valentine, который получил название Yellow Loveless⁴.

В Китае же, напротив, данный жанр не торопился проникать. Первые шугейз-группы начали появляться лишь спустя почти тридцать лет с момента возникновения жанра — в 2010-ых годах. Причиной этому мог послужить подъем распространения и написания музыки в стиле шугейз в мире в этот период. На китайском жанр переведен дословно — 盯鞋 (dīngxié, пристально смотреть на ноги), но также применительно к нему используют термин — 自赏 (zìshǎng, самолюбование), что обращено к модели поведения музыкантов на сцене.

Одна из проблем развития жанра и подобной музыки — отсутствие материальной поддержки и достаточно сильная цензура в КНР. Современная музыка выкладывается на стриминговые платформы, где предварительно проходит модерацию. В Китае же одним из наиболее важных пунктов верификации является следование коммунистическим

¹ Paul Lester "investigates" – Whatever happened to Shoegazing? URL: <https://archivedmusicpress.wordpress.com/tag/mbv/> (Дата обращения: 28.11.2020)

² Рифф — последовательность аккордов, функция которого в кратком рефрене произведения.

³ At 25, My Bloody Valentine's divisive masterpiece 'Loveless' is the 'Sopranos' finale of albums URL: <http://www.citypages.com/music/at-25-my-bloody-valentines-divisive-masterpiece-loveless-is-the-sopranos-finale-of-albums/400742541> (Дата обращения: 11.12.2020)

⁴ Various Artists - Yellow Loveless [My Bloody Valentine Tribute] [2013] [Japan] [Full Album] (Дата обращения: 28.11.2020)

принципам⁵. Некоторые музыканты уходят на западные лейблы, к примеру группа из Гонконга No One Remains Virgin выпускаются на французском лейбле Poch-Records в связи со своими провокационными темами. Другая же проблема связана с оглаской в СМИ: как утверждает основатель лейбла Luuv Лу Цзялин, поддержка от медиа получают исполнители популярной музыки,⁶ оставляя новые и малоизвестные жанры в стороне.

Примечательным является то, что большинство китайских шугейз групп сотруднича-

ют с японо-китайским лейблом Luuv, который, начиная с 2013 года,⁷ проводит ежегодный восточно-азиатский шугейз-фестиваль в Шанхае.⁸

Именно Шанхай и Пекин являются музыкальными центрами всего Китая. В этих крупных городах легче всего презентовать свою музыку широкой аудитории. Нельзя не упомянуть Гонконг и Тайвань, где данные жанры также развиваются.

Ниже приведена таблица с китайскими музыкантами, играющими в жанре шугейз:

Музыкант/группа	Лейбл	Откуда группа
City Flanker	赤瞳音乐/太合麦田	Шаосин
Daixiaole	Quince Records	Пекин
Dear Eloise	兵马司/ Maybe Mars	Пекин
DoZzz	赤瞳音乐/Indie Works	Тайвань
Forsaken Autumn	Luuv	Шанхай
Manic Sheep	самиздат	Тайвань
No one Remains Virgin	POCH Records	Гонконг
RUBUR	赤瞳音乐/Indie Works	Шанхай
skip skip ben ben	兵马司/ Maybe Mars	Тайвань
Sound of Fury	Boring Productions	Чэнду
The White Tulips	самиздат	Сямьнь
Thud	Records for Children	Гонконг
你男友系碌葛 yourboyfriendsucks!	Qiii Snacks Records	Гуанчжоу
缺省	生煎唱片	Пекин
聲子蟲 Bugs of Phonon	See music	Тайвань

Таблица 1 Китайский шугейз-музыканты

Table 1 Chinese Shoegaze-musicians

⁵ Silence is golden: China tightens screws on online music URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-music-censorship-idUSKCN0SY19120151109> (Дата обращения: 28.11.2020)

⁶ Interview Lulu (Luuv label) URL: <https://www.livechinamusic.com/interview-lulu-luuv-label/> (Дата обращения: 02.12.2020)

⁷ The First East Asia Shoegaze Festival URL: <https://www.luuvlabel.com/copy-of-the-second-east-asia-shoega> (Дата обращения: 28.11.2020)

⁸ The First East Asia Shoegaze Festival URL: <https://www.luuvlabel.com/event?lightbox=dataItem-jgxc60k51> (Дата обращения: 11.12.2020)

В своем большинстве музыканты используют большое количество звуковых эффектов, вокал звучит отдаленно, что трудно разобрать, в целом создается меланхолично-мечтательное настроение. Тексты обычно написаны на пунхуа или английских языках.

Трудно сказать есть ли определенные темы, на которые рассуждают именно китайские шугейзеры, так как центральными тематиками остаются фантазии и светлая печаль.

Рассмотрим творчество трёх центральных для китайского шугейза групп — Dear Eloise, RUBUR и DoZzz.

Объединяющим фактором для всех групп будет базирование на пионерах шугейза — My Bloody Valentine (рис.1). Это отображается не только в звучании, но и в визуальном контенте: к примеру, обложка первого альбома группы DoZzz «Poem of Love ◇ Poem of Sadness» является прямой отсылкой на культовый «Loveless» (рис.2):

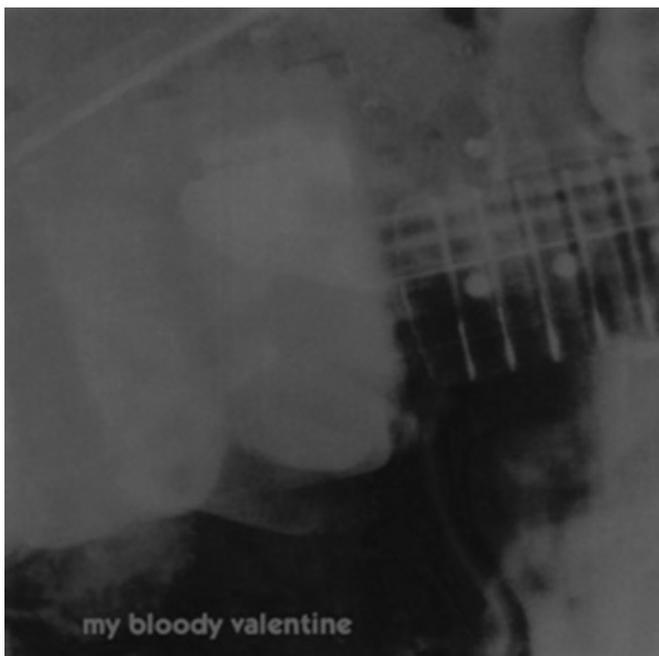

Рис.1 Loveless, My Bloody Valentine
Fig.1 Loveless, My Bloody Valentine

Рис.2 Poem of love ◇ Poem of Sadness, DoZzz
Fig.2 Poem of love ◇ Poem of Sadness, DoZzz

В своих клипах группа придерживается подобного стиля: быстрая частота кадров, сменяющаяся резкой статичностью, либо яркие, либо пастельные цвета, большое количество видеоэффектов. Такой визуальный стиль получил распространение среди шугейзеров после выхода фильма Софии Копполы «Трудности перевода» 2003 года.

Музыканты из группы RUBUR утверждают, что помимо вышеупомянутого коллектива большее влияние на них оказала японская сцена и местные группы: White Tulips и Goodbye Honey Boy.⁹ В одной из композиций группы также можно услышать диалог из классической мелодрамы «Весна в городке». Хотя группа идеологически поддерживает местную культуру, их последний альбом 珀耳塞福涅的四季 Persephone's Seasons¹⁰ посвящен древнегреческой мифологии, а также большая часть лирики написана на английском языке. Несмотря на

¹ Paul Lester "investigates" – Whatever happened to Shoegazing? URL: <https://archivedmusicpress.wordpress.com/tag/mbv/> (Дата обращения: 28.11.2020)

эти моменты, часть треков с данного альбома отсылают к буддийским тематикам: в треке Kairos (part II) упоминаются цикады, которые в буддизме считаются символами бессмертия и вечной юности, отстраненных от пороков и любовных желаний. Однако в греческой мифологии цикада также является символом бессмертия. Это наводит на мысль о том, что древнегреческая мифология интересна китайским музыкантам из-за близкого символизма. В тексте упоминаются и колокольчики на ветру, которые часто называют «музыкой ветра». Такой классический китайский образ неожиданным образом перекликается с жанром шугейза, когда на первый план выходит именно музыкаль-

ный фон, а не вокал, когда слушатель прислушивается к тому, что находится снаружи него.

К древнегреческим мифам отсылали и Dear Eloise. На своем альбоме They Slipped Away From My Mind Just Like This¹¹ у них есть композиция под названием «The River of Lethe».¹² Если в целом говорить о лирике в их творчестве, то хочется отметить постоянное чувство борьбы и неприятия себя, которое выходит на первый план в каждой композиции. Лирические персонажи из раза в раз словно обращаются к себе, пытаются найти свое место в жизни, как например это было в песнях «Escape»¹³ и «Apple»¹⁴:

如果我拥有沉默的勇气，我就把这世界抛进这身体里。如果季节注定要过去，我希望我可以告别我自己，那个找不到源头的自己，那个不知去向的自己。如果我猜到它不再回来，我也许会说，请带我离开这世界。如果时间已经算好了距离，我希望看见未来的自己，那个找不到源头的自己，那个不知去向的自己。

Если хватит мужества промолчать, я соберу в себе целый мир. Если эта пора окончится, я надеюсь попрощаться с самим собой, который не знает, кто он и куда идет. Если я догадаюсь, что он не вернется, я смогу попросить покинуть этот мир. Если время рассчитано, я хочу видеть будущего себя. Но где же найти к себе путь...

那只苹果已经变了味道
是谁给了太多的杂料
再也回不去了
多么像你
多么像是你

У яблока поменялся вкус
Кто добавил к нему приправ?
Ничего не вернется
Как и ты
Как и ты

¹⁰ Времена года Персефоны

¹¹ Таким образом они ускользнули из моей головы

¹² Река Лета, «река забвения» в древнегреческой мифологии

¹³ Спасение

¹⁴ Яблоко

Музыка и тексты альбома «Passage» группы DoZzz передают ощущение чистоты, непрочности и незащитности, можно даже услышать многообразие внешнего мира и его постоянное обновление.

Многие китайские музыканты, играющие рок, метал и подобные жанры, вплетают в западное звучание местные инструменты, из-за чего создается неповторимый колорит. Однако в шугейзе такого явления не наблюдается, музыканты пользуются только электронными инструментами. Причин этому может быть несколько. Вторая волна шугейза началась относительно недавно, десятилетие назад, и жанр вновь преобразуется в различных регионах, давая музыкантам большой простор для экспериментов с уже имеющимися возможностями. И сам шугейз, как мы уже выяснили, появился относительно недавно в Китае, и музыканты лишь только привыкают к новому материалу и его подаче. Другая же причина еще более банальна — традиционные инструменты сложно сочетать с плотным шугейзовым звучанием, из-за чего они будут выбиваться из общей стены звука.

Явление шугейза в Китае, несомненно, интересно. Пусть оно не так давно появилось в стране и у подобной музыки не так много слушателей, но в будущем китайские исполнители смогут получить и признание не только местной аудитории, но и западной, благодаря привычному звуку и привычным проблематикам в песнях. Это молодое направление появилось под влиянием Запада и Японии, где оно активно развивалось задолго до этого. Шугейз — направление, которое на данном этапе развивается в европейском стиле, без использования традиционных инструментов. В своей лирике китайские шугейзеры используют литературный язык, отсылки к древнегреческой мифологии

и буддийской символике. Наиболее частыми темами являются саморефлексия, грёзы, фонами для которых выступают вода, ночь и время.

Литература

1. 'A language we use to say sentimental things': how shoegaze took over Asia URL: <https://www.theguardian.com/music/2017/sep/13/how-shoegaze-took-over-asia> (Дата обращения: 30.11.2020)
2. At 25, My Bloody Valentine's divisive masterpiece 'Loveless' is the 'Sopranos' finale of albums URL: <http://www.citypages.com/music/at-25-my-bloody-valentines-divisive-masterpiece-loveless-is-the-sopranos-finale-of-albums/400742541> (Дата обращения: 11.12.2020)
3. Chinese Shoegaze & Noise Pop, a quick guide URL: <https://noiseartists.net/home/2017/12/15/guide-to-chine-shoegaze-dreampop> (Дата обращения: 30.11.2020)
4. For Chinese Shoegazers, the Future Is Looking Up URL: sixthtone.com/news/1000854/for-chinese-shoegazers%2C-the-future-is-looking-up (Дата обращения: 30.11.2020)
5. Interview Lulu (Luv label) URL: <https://www.livechinamusic.com/interview-lulu-luv-label/> (Дата обращения: 02.12.2020)
6. Luv Label Events URL: <https://www.luvlabel.com/event> (Дата обращения: 28.11.2020)
7. Paul Lester “investigates” – Whatever happened to Shoegazing? URL: <https://archivedmusicpress.wordpress.com/tag/mbv/> (Дата обращения: 28.11.2020)
8. The First East Asia Shoegaze Festival URL: <https://www.luvlabel.com/event?lightbox=dataptem-jxg60k51> (Дата обращения: 11.12.2020)
9. Various Artists - Yellow Loveless [My Bloody Valentine Tribute] [2013] [Japan] [Full Album] (Дата обращения: 28.11.2020)

10. 不得不認識 | 聲子蟲 Bugs of Phonon (Нельзя пройти мимо | 聲子蟲 Bugs of Phonon) URL: <https://fridaynightmusic.home.blog/2019/07/29/%E4%B8%8D%E5%BE%97%E4%B8%8D%E8%AA%8D%E8%AD%98%EF%BD%9C%E8%81%B2%E5%AD%90%E8%9F%B2-bugs-of-phonon/> (Дата обращения: 02.12.2020)
8. The First East Asia Shoegaze Festival URL: <https://www.luuvlable.com/event?lightbox=datatem-jgxcg60k51> (Дата обращения: 11.12.2020)
9. Various Artists - Yellow Loveless [My Bloody Valentine Tribute] [2013] [Japan] [Full Album] (Дата обращения: 28.11.2020)
10. 不得不認識 | 聲子蟲 Bugs of Phonon (Нельзя пройти мимо | 聲子蟲 Bugs of Phonon) URL: <https://fridaynightmusic.home.blog/2019/07/29/%E4%B8%8D%E5%BE%97%E4%B8%8D%E8%AA%8D%E8%AD%98%EF%BD%9C%E8%81%B2%E5%AD%90%E8%9F%B2-bugs-of-phonon/> (Дата обращения: 02.12.2020)
1. 'A language we use to say sentimental things': how shoegaze took over Asia URL: <https://www.theguardian.com/music/2017/sep/13/how-shoegaze-took-over-asia> (Дата обращения: 30.11.2020)
2. At 25, My Bloody Valentine's divisive masterpiece 'Loveless' is the 'Sopranos' finale of albums URL: <http://www.citypages.com/music/at-25-my-bloody-valentines-divisive-masterpiece-loveless-is-the-sopranos-finale-of-albums/400742541> (Дата обращения: 11.12.2020)
3. Chinese Shoegaze & Noise Pop, a quick guide URL: <https://noiseartists.net/home/2017/12/15/guide-to-chine-shoegaze-dreampop> (Дата обращения: 30.11.2020)
4. For Chinese Shoegazers, the Future Is Looking Up URL: sixthtone.com/news/1000854/for-chinese-shoegazers%2C-the-future-is-looking-up (Дата обращения: 30.11.2020)
5. Interview Lulu (Luv label) URL: <https://www.livechinamusic.com/interview-lulu-luv-label/> (Дата обращения: 02.12.2020)
6. Luv Label Events URL: <https://www.luuvlable.com/event> (Дата обращения: 28.11.2020)
7. Paul Lester "investigates" – Whatever happened to Shoegazing? URL: <https://archivedmusicpress.wordpress.com/tag/mbv/> (Дата обращения: 28.11.2020)

References

Информация об авторе

Студентка 3-го курса **Вахрамеева Ксения Андреевна**

Уральский федеральный университет

620002, Екатеринбург, ул. Мира 19

Россия

xenivach@gmail.com

Information about the Author

3rd Grade Student, **Kseniya A. Vakhrameeva**,

Department of Oriental and African Studies

Ural Federal University

620002, Ekaterinburg, Mira str., 19, Russia

xenivach@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

Танские новеллы в работах В.Б. Шкловского**Tang novellas in the works of V.B. Shklovsky****什克洛夫斯基批评视野中的“唐代传奇”****王秋新 (Ван Цюсинь)***Харбинский педагогический университет**1300761567@qq.com**DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-150-161***АННОТАЦИЯ**

Русский критик В.Б. Шкловский в последние годы своей жизни написал новую монографию «Теории прозы». Статья «Китайская новелла. Подступы» в книге — его великая попытка проанализировать особенности различных национальных литератур и исследовать общность человеческих путей. Танские новеллы является частью исследования Шкловского китайской литературы в целом. В своей статье критик делает акцент на сходстве и различии между новеллами династии Тан и использованием гипотетической техники «превращения» в сказках России, Аравии, Дании и других стран, а также привел множество конкретных примеров, проанализировав их. Кроме того, разработал нарративное пространство китайских и зарубежных произведений. Интерпретация танских новелл Шкловского уникальна с точки зрения перспективы, она оригинальна и интригует. В представленной статье делается попытка осмыслить и проанализировать критические взгляды Шкловского на основе их художественной ценности и недостатков, открыв, таким образом, новую перспективу исследований китайской литературы.

ABSTRACT

In the last years of his life, the Russian critic V. B. Shklovsky wrote a new monograph "Prose Theories". Article "Chinese Novella. Approaches" in the book is his great attempt to analyze the features of various national literatures and explore the commonality of human paths. Tang Novellas is part of Shklovsky's study of Chinese literature in general. In his article, the critic focuses on the similarities and differences between the novels of the Tang dynasty and the use of the hypothetical technique of "transformation" in the fairy tales of Russia, Arabia, Denmark and other countries, and also gave many specific examples, analyzing them. In addition, he developed the narrative space of Chinese and foreign works. The interpretation of Shklovsky's Tang novels is unique from the point of view of perspective, it is original and intriguing. The present article attempts to comprehend and analyze Shklovsky's critical views on the basis of their artistic value and shortcomings, thus opening up a new perspective for the study of Chinese literature.

Keywords: Shklovsky; metamorphosis of art; narrative of time; literary function, Tang novella.

Ключевые слова: Шкловский; метаморфоза искусства; нарратив времени; литературная функция, танская новелла.

Для цитирования: 王秋新. Танские новеллы в работах В.Б. Шкловского. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 150-161

For citation: 王秋新. 什克洛夫斯基批评视野中的“唐代传奇” Modern oriental studies. 2021; 3(1). 150-161

摘要: 俄国批评家什克洛夫斯基在晚年时期再著新版《散文理论》，书中“中国小说初探”一文是他分析不同民族文学特征、探寻人类道路共同性的伟大尝试。唐代传奇是什氏中国文学研究的一部分。什氏在文中聚焦于唐代传奇及其与俄罗斯、阿拉伯、丹麦等外国小说对“变形”这一假定性手法运用的异同问题，进行了诸多的具体例证分析，同时展开对中外作品叙事空间艺术的横向比较探析，并对形式以外的文学功能层面有所关注。什氏唐代传奇研究的解读视角独特、观点新颖、耐人寻味，本文力求在阐明什氏批评见解的基础上，对其诗学价值及缺陷加以诠释，旨在为什氏东方及世界文学批评研究的开展提供新的视角。

关键词: 什克洛夫斯基; 变形艺术; 叙事时空; 文学功能

引言

1982年晚年的什克洛夫斯基再著新版《散文理论》，这不仅是他对1929年版本的重新审视，更是“一个求实唯真的学者对辩证思维的遵从继而在认识上发生转变的体现”。较之旧版本，新版《散文理论》更具内容的丰富性、视角的独特性和思想的深刻性。在新版《散文理论》“中国小说初探”一文中，什氏“以一位中国文学读者的身份”专门对中国古典小说和诗歌加以解读。批评家曾言，关于中国文学，“我所处的状态正应了古人曾经说过的一句话：认识始于诧异”，“我对中国小说的研究不单纯是一个年迈老者对异国风情的雅兴，这是把不同民族、不同文化分析融合的尝试”，是对“人类道路共同性的探索”。可见，“中国

小说初探”不只是什氏对中国古典文学的概念结构与深刻矛盾的“诧异之笔”，更是什氏世界文学研究整个建筑中的一部分，是他“世界文学”意识逐渐形成、不断完善与发展的又一立足点。

什克洛夫斯基遵循历史主义原则，在其论著中分别对公元7-10世纪的唐代、蒙古入侵时期、14-17世纪的明代、17世纪初的清代这四个时段的中国文学进行了独具一格、颇有见地的阐释。本文采用文本细读法，主要从变形艺术、叙事空间、文学功能等方面梳理并分析什氏关于唐代传奇及其与俄罗斯、阿拉伯、意大利、丹麦等外国小说创作的横向比较研究，同时阐释什氏唐代传奇研究的诗学价值与缺陷，旨在为什氏东方及世界文学批评研究的开展提供新视野。

对相关概念的理解

在分析中国唐代作品时，什克洛夫斯基使用了“Танская новелла”、“китайская новелла”及“китайская сказка”这三种表述，“новелла”与“сказка”，二者无论就其基本释义、抑或是文体特征都具有明显区别，为了避免由于词汇释义造成的概念错置、体裁差异及理解混淆等情况的出现，更是为了后文的进一步论述与探讨，笔者认为理所应当，并且非常有必要对以下两个问题做出详细具体的说明。

(一)关于“Танская новелла”的释义问题

首先，笔者尝试对第一个问题做出解释：“Танская новелла”应翻译成“唐代小说”，还是“唐代传奇”？这关乎到本文题目最终到底该如何命名。

什克洛夫斯基在“中国小说初探”一文中曾表露自己不懂任何一种中国语言，并因不能从原文读这些小说而深感遗憾，后来笔者自俄文版《散文理论》中得知，批评家所读译本是1955年出版于莫斯科“文学典籍丛书”（Литературные памятники）中由费什曼（О.Л.Фишман,1919—1986）参照鲁迅的《唐宋传奇集》进而转译的《Танские новеллы》（1955）一书，有论者将此本赞誉为“该领域研究的奠基之作”。现今国内学者对《Танские новеллы》一书的译名可谓众说纷纭，陈依雯在其博士论文中提及，“女汉学家费什曼翻译的《唐代传奇集》（莫斯科科学院出版社1955年版）中有译者撰写的长篇序言……”，成文艳在其博

士论文中提到，“费什曼在《唐代小说》（1955）的后记中详细论述了唐代小说产生的历史背景……最后还论及唐传奇对后世的影响”，索嘉威在其《唐代与清朝的小说俄译：历史及影响》（2020）一文中也提到，“20世纪50年代在俄罗斯出版了两个唐代小说的俄译本选集……第二个书名为《唐代传奇》的译本遐迩闻名”，可见，“Танские новеллы”的译名呈现出多样化的特点。

笔者在本文中更倾向于将其译为“唐代传奇”。一方面，在费什曼的《唐代传奇》一书中共收录转译了20篇唐代文言短篇小说，其中有19篇均为传奇类小说；另一方面，什氏唐代文学研究均主要集中在对如《任氏传》、《柳毅传》、《李娃传》等传奇类小说的探讨。笔者这样的翻译选择虽然没有采用直译保留“новелла”一词的源语词意，但却更加准确地贴合原作内容，若将本文题目中“唐代传奇”改为“唐代小说”，难免使得论题过于宽泛，同时又与什氏唐代文学研究的内容有一定出入。

(二)关于“китайская новелла/сказка”的理解问题

在厘清“Танские новеллы”的译介之后，需要对第二个问题进行探讨：什氏为何在分析唐代作品过程中，时而称其为“китайская новелла”，又时而采用“китайская сказка”这样的表述？

成文艳在论及“传奇的体裁与概念”时曾提到，“齐一得、韦利古斯在《中国民间短篇小说的滥觞和发展》一文中将传奇定义为‘中篇小说

(повесть)’,这与当时苏联汉学界惯于把传奇称作‘短篇小说(новелла)’截然不同。”鉴于此可知,当时研究“传奇体裁”的俄国学者大多将“传奇”视为一种短篇小说体裁,也有部分人认为“传奇”的结构、篇幅等方面更贴近中篇小说或编年史的特点。我国学者侯忠义也曾言:“‘传奇’是我国小说的一种体裁,它用传奇手法来‘传写奇事,搜奇记逸’”。因而什氏在将传奇小说与别国作品进行比较研究时,有时称其为 “китайская новелла”(此处笔者将其译为“中国小说”)这并不奇怪,而什氏运用的“китайская сказка”这一表述却难免使人心生疑惑。

1962年出版于苏联科学院的《现代标准俄语词典》中“сказка”一词的释义之一即为在民间口头创作中关于虚构人物或事件的叙事作品。陈学貌在其博士论文《俄罗斯民间动物童话研究》论及“民间童话”与“民间故事”二者关系时指出,“若仅考虑在文学范围内,有些中国学者在文学译境中将‘сказка’译为‘童话’,也有人将其译作‘故事’。在文学创作与日常表达中,人们也经常把‘童话’与‘故事’这两个概念作为相互指称的词来使用。且在中国学术语境下,‘民间童话’是‘民间故事’的一个亚类,童话一开始就是一种故事,而在俄国学术语境中,‘народная сказка’大致贴近于中国学术语境中狭义的‘民间故事’这一概念,涵盖幻想故事(即(民间)童话)、生活故事、民间寓言、民间笑话四大类别。”

笔者基于上述观点对什克洛夫斯基所言的“китайская сказка”持有两种不同的理解:一方

面,如果将其中的“сказка”译为“童话”,则表明什氏在解读唐代传奇小说时对其文学体裁有自己独特的看法,但批评家在该部分并未对“传奇小说”的体裁有过相关论述;另一方面,将该词涵义理解为“故事”,这也是笔者较为倾向的一种选择,正如上文所提及的,“在俄国学术语境中,‘народная сказка’大致与中国学术语境中狭义的‘民间故事’这一概念相匹配”,再加之唐代传奇更是以传述一些情节独特、虚实相合的奇闻异事而享有盛誉,如《李娃传》、《任氏传》等传奇类小说均是现今尽人皆知并广为流传的民间故事,所以将“китайская сказка”译为“中国故事”较之“中国童话”更加准确合理,对以上两个问题的阐释是继续以下研究的基本前提与必要关键。

对“变形艺术”的关注

什克洛夫斯基在其散文体小说《马步》一书中曾提到:“马步奇特的原因多种多样,而主要的原因在于——艺术假定性”。集作家与批评家双重身份于一身的什克洛夫斯基,不仅在其文学创作中广泛运用“假定性”手法,而且也在自己的批评研究中对“假定性”颇为关注。在文学创作层面,汪媛指出,“什克洛夫斯基认为艺术的‘假定性’并不完全是自由的,它有自己的规律与法则……作家在自传三部曲之一《第三工厂》中大量运用‘梦境’、‘隐喻’、‘蒙太奇’等诸多假定性手段来完成形象构想”;在文学批评层面,泽恩津强调,“具有作者与主人公双重身份的什克洛夫斯基在自传三部曲中,以批评的视角对作家使用的‘变形’、‘讽刺’、‘对比’等手法进行一一列举并加以阐释”。

在“中国小说初探”中也有类似的情况，什氏发现“唐代文化中的假定性具有与以往所惯常的形式全然不同的特色”，并对唐代传奇与别国小说中就“变形”这一假定性手段的运用加以解读。

(一)变形本体的异同

什克洛夫斯基指出，中外作品对于“变形本体”的设置存在一定的区别，在传奇小说中多体现为“人变物”，而在别国小说中则是以“物变人”为主、“人变物”为辅。他认为，中国故事中是由动物变成人，如蛇变成女人、狐狸变成人，且精怪中狐狸精居多。而在俄国小说中，批评家认为大多数的“变形”都是由人变成动物，如公主变成青蛙、变成天鹅，人变成鹅、蛇、马、青蛙、绵羊、小鸟、鸭子，变成白桦树、刷子、苹果树、纺织锭子。在阿拉伯小说中通常是人被巫婆变成动物，如人变成猴子、《一千零一夜》中一整座城市的人变成花鱼。而在安徒生笔下既有人变成动物，如少女变成癞蛤蟆、兄弟变成天鹅，又有美人鱼变成女人。

马园萍认为，在西方文学中，“狭义变形作品（即人与非人之间发生形体上相互转化的作品）中多是人变动物的故事类型，而中国文学中则是动物变成人的作品居多”，这一观点与什氏不谋而合。此外，赵艺在其文论中提到，唐五代传奇中“人变物”类常常与“精怪类”传奇彼此混迹，该方面的相关研究对于二者的区分问题更是涉及甚少。可见，什氏认为传奇小说多体现为“物变人”的见解也较为准确合理，“人变物”类型虽然存在，但

由于数量较少，所以极易被忽视。

(二)魔法的施加与解除

什克洛夫斯基在文中还对“魔法解除”这一问题加以探讨，他认为中国精怪身上的“魔法”不会解除，而他国小说中动物或者人身上的“魔法”最终都会解除。在传奇小说中的蛇或者狐狸，这些动物幻成人型后便从未改换过自己的存在形式，此处批评家意指这些动物在变成人形后，便以人的模样生活，不再恢复自己原本的形态。俄国小说中的青蛙公主、天鹅公主，它们身上的魔法都会解除，最终都会重新再变回人。阿拉伯故事中那些被变成花鱼和猴子的人类最终也都会重新变回自己本来的状态。

阿利莫夫从变形时长的角度重新审视什氏的观点，他表示，“什克洛夫斯基强调，俄国传说中人的变形时长不长，而中国故事中的变形时长是随意愿而定的”，即指在俄国小说中那些变成动物的人或早或晚都会重新恢复为人，而中国小说中动物变成人后一直以人的样貌存在，变形时长不定。

笔者认为，什克洛夫斯基能从如此细致入微之处分析文本，并以其新颖独特的视角阐释中外作品中“变形本体的异同”与“魔法的施加和解除”问题，这足以见得这个大批评家的心思之缜密、思想之深邃。“变形故事中的‘变形’有两种，一是人类由于某种原因被迫变成其他形体，二是神类（指妖魔与精灵）按自身意愿变成其他形态”。如收录于《安徒生童话》中《野天鹅》这一名篇中的11个王子被继母施加魔法变成天鹅就是一种“被迫”的

变形，而《海的女儿》里面可爱的人鱼公主为追求美好的爱情而食用巫婆的药丸即为一种“自愿”的表现，但无论是“被迫”，抑或是“自愿”，它们身上的魔法都是短暂且被动的、带有一定限制条件的，而且最终都会消失化解，而在传奇小说《任氏传》中，由狐狸变成曼妙女子的任氏身上的魔法却是恒定且主动的，既不受到他人的操控而被迫更改自身形态，也不需要“巫婆的药丸”改变表相，可以说，这种魔法是由任氏自己随意操控的。所以，在中国小说中变形多体现为“物变人”，变形时长具有主控性；而别国故事中多体现为“人变物”，魔法持续时长具有一定限度。由此可见，什氏此处的研究是较为精确且独具一格的。

但有一处笔者与什氏持不同看法，他称唐代小说中动物在变成人类后，便“从不改变自己的存在形式”，这一点与原文内容稍有不符。如在《任氏传》中，“适值于道，苍犬腾出于草间。郑子见任氏欷然坠于地，复本形而南驰”。即指任氏在被猎狗追赶时就变回了自己的原形——狐狸。后笔者查阅什氏所读译本《唐代传奇》（《Танские новеллы》，О.Л.Фишман 著）中《任氏传》（《Жизнеописание Жэнь》）一文，发现译本与原著的情节无异，由此可见，什氏此处的阐释与原著内容略有偏差。

对叙事空间的比较

较之“变形”部分的解读，什克洛夫斯基对唐代传奇与别国小说中的“叙事空间”塑造问题阐释的更

为详细。他指出，中国小说中的“空间结构是有趣的……它似乎有一种包容一切的特性：凡人可生活在非现实的世界，精怪亦可在凡人中安居乐业”。吴晓都认为，批评家在其论著中对中国古典小说中“现实情景”与“超现实”界限的模糊特征进行了充分解读。

（一）“现实”与“超现实”的交融与分离

什克洛夫斯基指出，中国小说中精怪的生活和世界与人的生活与世界并存，这个精怪的世界并不是人人都可进入，但它是现实的，只不过是尚未被所有人见到的现实，进入其中需要一定的机缘巧合。此处批评家以《柳毅传》为研究对象，提出以上观点。

后来笔者去详细阅读该部作品，发现在《柳毅传》中的确存在两种叙事空间：一个是以“柳毅”为代表的“人类世界”，另一个便是“龙王”所居住的水下龙宫，即什氏所言的“精怪世界”。柳毅受龙女之托，给龙王带话，龙女对柳毅讲述该如何进入龙宫（女曰：“洞庭之阴，有大橘树焉，乡人谓之社橘。君当解去兹带，束以他物，然后叩树三发，当有应者。因而随之，无有碍矣），柳毅和龙女的相遇在某种程度上就是一种机缘巧合，正是此种机缘使得柳毅能够偶然进入到精怪的世界。通过研读原著，可以见得什克洛夫斯基以其敏锐的洞察力发现了中国小说中叙事空间构造的独特之处，这是极为难能可贵的。

但批评家补充道，虽然小说中精怪的世界是美妙的，但却是一处禁区，因此没有希望，如在

《任氏传》中，狐狸总是受到狗的威胁，狗追捕狐狸并且杀死她，于是残忍进入生活。

我国学者祖国颂与什氏这一观点所见略同，他指出小说中的精怪虽都表现出优于常人的特点（如《任氏传》中的任氏），但由于自身的动物本能受到自然属性的相对制约（即什氏所提到的“狐狸受到狗的威胁”），从而与人类的世界存在本质上的隔阂，最终不得不离开人的空间重新回到自己所属的世界。

什克洛夫斯基还谈到，格林的《捕鼠人》是与中国小说叙事空间结构类似的一种尝试，他认为格林在小说中也塑造出了一个完全现实的鼠国。

《捕鼠人》是德国《格林童话》中的名篇之一，笔者细读后发现在这部作品中，作家所塑造的“人类世界与鼠国”和《柳毅传》中的“人类世界与龙宫”确实如什氏所言，是极为相似的叙事空间建构模式，且两个世界彼此也具有一定的联系——吹笛人与老鼠。此外，这个鼠国与《柳毅传》中的水下龙宫一样，并不是所有人都可进入，吹笛人也是源于某种机缘巧合方能进入其中。

而在俄国故事中，什氏认为，“野兽生活在人的空间里”。由于什氏并未详细阐释，所以笔者遵循批评家之前的“人类世界”与“精怪世界”的空间形式二分法，可将其话语理解为在俄国故事中只有一个空间——人类世界，野兽与人类共存于一个叙事时空中。

对于俄国叙事空间的建构特点，批评家只是潦草带过，没有细致具体地加以分析，难免给人

一种模糊混沌之感。不过，回想俄国故事中普希金笔下的美人鱼、或者鲁斯兰与柳德米拉中的魔鬼等精怪人物，它们确实大多生活在人所在的空间里，并且有迹可循，同时不需要某种特定的机缘便能找到其所在之处。

(二)空间内部的塑造差异

什克洛夫斯基在文中还进一步阐释了《柳毅传》与《十日谈》两部小说在空间内部塑造上的区别。他认为中国小说中的“虚幻世界不仅有名称，而且被详细描写”，小说中“详细罗列建成水下宫殿的材料，这些材料人们只知其名，但在存在于故事中的另一个世界里却又司空见惯”。而在《十日谈》中，“薄伽丘笔下只有现实的国家、城市与街道。

什克洛夫斯基准确地发现并揭示了《柳毅传》中虚幻空间的内部构造特点。该部作品中的虚幻空间中的确有“龙虚宫”（即水下龙宫）、楼台殿阁、门户千万，奇花异草、无所不有的“灵虚殿”（дворец Божественной Пустоты）、洞庭龙王与太阳道士共谈大经的“玄珠阁”（павильон Непостижимого Жемчуга）、柳毅留宿之地“凝光殿”（Зал Морозного Света）、摆酒设宴用以招待柳毅之所——“凝碧宫”（дворец Морозной Лазури），还有次日再设宴席的“清光阁”（павильон Прозрачного Света）、柳毅与龙王夫人会面的“潜景殿”等处，这些都是现实生活中并不存在的地方。它们不仅有各自独一无二的名称，而且其内部建筑材料也是人们只知其名、但

在这个精怪世界中却又随处可见。笔者此处试回顾柳毅初入龙宫时的场景：毅曰：“此何所也？”夫曰：“此灵虚殿也。”谛视之，则人间珍宝，毕尽于此。柱以白璧，砌以青玉，床以珊瑚，帘以水精。雕琉璃于翠楣，饰琥珀于虹栋。奇秀深杳，不可殚言。这是柳毅在灵虚殿中所见之景，白壁雕成的柱子、青玉砌成的墙面、珊瑚做成的床榻、水晶制成的帘子……此间种种尽是世间凡人极为少见的奇珍异宝。

而在意大利小说集《十日谈》中，薄伽丘的确多以“教堂”、“宫殿”和“邸宅”等现实存在的、人们在日常生活中随处可见的建筑物作为设置故事情节的主要场所。如“教堂”除在“第五天”未被提及，其他部分均有在教堂发生或与教堂相关的事件描述（“第一天”中的“我们走进这座教堂，看到的，无非是到处都抬着尸体或病人”、“第六天”中“附近村镇的善男信女去教区的教堂看弥撒”、“第十天”中“院长和众修士点了几只火把，来到教堂”等）。

可见，什克洛夫斯基对唐代传奇与别国小说的空间形式差异及内部构造问题的比较分析是非常有趣的，尤其对《柳毅传》中空间建构特点的解读更是可见一斑。在一定程度上，什氏的见解可对中外叙事空间异同比较研究起到一定的参考与借鉴意义。

对文学功能的转向

一向“形式论宗”的什氏“走出了以往的形式主义牢笼，并开始将社会、历史等作品以外的要素

纳入自己的研究范围”。在“中国小说初探”中，什克洛夫斯基开始着手于对小说功能层面的探讨，对比分析传奇小说《任氏传》、《李娃传》与德国小说《穿靴子的猫》的作品价值取向问题。

(一)唐代小说——道德的教喻性

什氏认为，“唐代小说——不是一般意义上的小说……这是肯定另一种伦理道德的小说”，精怪的道德在故事中得到肯定。如《任氏传》中的狐狸精任氏被猎犬噬伤而亡，郑六虽知她是精怪，但因任氏心地善良、对他更是情深义重，不免心生悲痛并将她的尸骨掩埋，后在墓上“削木为记”用以纪念她。此外，故事中也有旁人发出感叹：“嗟乎！异物之情也，有人道焉！遇暴不失节，徇人以至死，虽今妇人有不如其者矣”。

他还指出，这种传奇故事中的生活是用以“矫正和美化日常生活的”，并以《李娃转》为例加以阐释：“一个青年为一歌姬耗尽全部钱财，但她见他沦为乞丐时，觉得自己有负于他并答应帮助他”，“中国故事中的世界被视为一个特别讲究公道的世界，它似乎对现实起某种平衡作用”。他认为中国唐代显然存在若干种道德，这是民族形成前期的道德，女子的命运在书中描述得比男子更为详细，同时女子的地位得到令人出乎意料的提高。

的确，道德的教喻性在唐代小说中得以彰显与体现。如《任氏传》中的任氏虽是一个狐妖，但她温婉美丽、贤惠忠贞，其品性与凡人无异，甚至过于常人，就连素不相识的人听闻她的故事都为此而感到惋惜，这无疑是对任氏道德上的一

种肯定与感叹。此外，在什氏所提到的《李娃传》中，当李娃见荥阳生因她而变得生活困窘、破败沦落之时，不免心生愧疚，便赎身与荥阳生生活在一起，对他百般照顾并鼓励他考取功名，终于荥阳生功成名就，也与李娃再续前缘。故事中李娃虽是一娼妓，但她对荥阳生颇重情义，这在现实中是极为少见、甚至寥寥可数的事例。俄国学者索科洛娃在论及传奇小说中女主人公时，也认为她们是“肉体 and 精神的完善、聪明和智慧的缔结”。这无疑也是对唐代传奇中女性角色与地位的一种肯定。

(二)《穿靴子的猫》——游戏的娱乐性

而在德国童话《穿靴子的猫》中，什氏认为作品中的世界似乎事先就已经定好是一种“游戏”。那些帮助人的动物，如穿靴子的猫帮助人，原因在于这个人它是它的主人，它的行为表现不过是在履行自己的职责。

果真，《穿靴子的猫》更加注重游戏娱乐性的感受和体验。唐传奇中任氏帮助荥阳生，是她道德上的抉择与彰显，这种故事中的生活是以现实生活为基本素材、经过完善与美化后的艺术构想，而会说话的猫帮助磨坊主的小儿子，这不过是角色上的一种本来设定。陈学貌在其论文中也提到，俄罗斯学者亚历山大·尼基福罗夫从动物童话体裁的功能入手，认为源于民间口头文学的动物童话主要功能在于消遣和娱乐。

结语

什克洛夫斯基是极其渴望了解和研读中国文

学的，“中国当被发现，正如当年美洲被哥伦布发现”，“人类有赖于那似乎来自各个星球的众多文化而生存”。中国文学是博大精深的，他号召并鼓励人们去认识和研究中国文学，这正是这个大批评家认为中国的文学宝藏值得去深入挖掘与探索的最好证明。尽管批评家在文中多将自己的观点谦称为“读者的反应”，却得到了我国学者的肯定。吴晓都表示，什克洛夫斯基的“中国小说初探”对中国古典叙事诗学进行了细致研究，这一改西方不少文艺论著中“很少提及东方文艺”的通病，在理论上积极寻求东西方的文化平衡，这是非常难能可贵的。葉可嘉也认为批评家的中西文学比较研究后来被如李福清、华克生等其他汉学家所借鉴。

虽然什氏的“中国小说初探”一文呈现出碎片化、“蒙太奇”式的特点，且部分作品缺少引文标注，在一定程度上加大了翻译和研究的难度，但什氏着手于对中国文学的解读，重视文本的诗学分析，这无疑是一个学者求知若渴、勇于尝试的探索精神的外在体现，批评家从多个视角横向比较中外文学作品，更加突显出其方法的先进性和卓越的洞察力。本文所阐释的什氏唐代传奇研究只是“中国小说初探”的冰山一角，其中仍然还有许多内容需要进一步的挖掘与探讨。

Литература

1. 吴晓都. 诗学的“散文”——什克洛夫斯基的《散文理论》[J]. 外国文学动态, 1997, (6), 22-25.
2. Jessica Evans Merrill. The Role of Folklore Study in the Rise of Russian Formalist and

- Czech Structuralist Literary Theory [M]. Berkeley: University of California, 2012.
3. 阎国栋.俄罗斯汉学三百年[M].北京:学苑出版社,2007.
 4. 陈依雯 (Tang Yee Woon).唐代小说的传播与接受[C].南京大学,2016.
 5. 成文艳.中国古典小说在俄罗斯的翻译与研究(明清以前)[C].南开大学,2017.
 6. 索嘉威.唐代与清朝的小说俄译:历史及影响[J].中国俄语教学,2020,(165),56-63.
 7. 侯忠义.隋唐五代小说史[M].杭州:浙江古籍出版社,1997,2.
 8. Галаванова Г.А., Сороколетов Ф.П. Словарь современного русского литературного языка[Z]. Москва: АН СССР, 1962, С.875-876.
 9. 陈学貌.俄罗斯民间动物童话研究 [C]. 黑龙江大学, 2020.
 10. Шкловский В.Б. Ход коня//Гамбургский счёт [C], Советский писатель,1990:118.
 11. 钱善行.苏联文艺界关于假定性的争论和当代苏联小说艺术的多样化[J]. 外国文学评论, 1989, 76-82.
 12. 黎皓智.当代苏联小说中的假定性艺术[J]. 苏联文学, 1990, 55-62.
 13. 汪媛.“陌生化”与“日常化”的交融:论什克洛夫斯基自传三部曲的叙述艺术[C].南京师范大学,2019.
 14. Зенкин С.Н. Приключения теоретика. Автобиографическая проза Виктора Шкловского[J], Дружба Народов, 2003(12).
 15. 彭昊熙.俄罗斯民间魔幻童话变形和变形者研究[C].广东外语外贸大学,2019.
 16. Алимов И.А. Бесы, Лисы, Духи в текстах сунского Китая [M]. М., Российская академия наук, 2008(54).
 17. 马园萍.追求与探寻——试论西方文学中的变形问题[C].浙江师范大学,2010.
 18. 赵艺.唐宋“变形”类传奇研究[C].北京第二外国语学院,2017.
 19. 王晓辉;邹韵勤;黄泓亮.安徒生童话中的魔法变形[J].鄂州大学学报,2013,(91),38-40.
 20. 祖国颂.唐传奇时空艺术研究[C].福建师范大学,2009.
 21. 丁国旗.什克洛夫斯基后期文艺思想探源[J].石河子大学学报(哲学社会科学版),2003,48-52.
 22. Соколова И. И. Танская новелла[M]//История всемирной литературы. Том второй. М., 1984:135.
 23. 葉可嘉.略論蘇俄漢學家研究明代文學的成果:以小說為例[J].文學新鑰,2013(18),149-202.
 24. 鲁迅.唐宋传奇集 [M]. 济南: 齐鲁书社,1997.
 25. 安徒生童话 [M]. 陕西: 陕西师范大学出版社,2010.

26. 郅溥浩等.一千零一夜 [M]. 浙江: 浙江教育出版社, 2019.
27. [意]薄伽丘.十日谈 [M]. 南京: 译林出版社, 2010.
28. [俄]普希金.普希金文集. 抒情诗二 童话[M]. 上海: 上海译文出版社, 1999.
29. [苏]维·什克洛夫斯基.散文理论 [M]. 刘宗次译.南昌: 百花洲文艺出版社, 2010:163-198.
30. [德]雅格·格林、威廉·格林.格林童话 [M]. 北京: 北京联合出版公司, 2014.
31. Танские новеллы[M]. Пер. О. Л. Фишман. М.: изд. АН СССР, 1955.
7. 侯忠义.隋唐五代小说史 [M]. 杭州: 浙江古籍出版社, 1997, 2.
8. Galavanova G.A., Sorokoletov F.P. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Z]. Moskva: AN SSSR, 1962, S.875-876.
9. 陈学貌.俄罗斯民间动物童话研究 [C]. 黑龙江大学, 2020.
10. SHklovskij V.B. Hod konya//Gamburgskij schyot [C], Sovetskij pisatel',1990:118.
11. 钱善行.苏联文艺界关于假定性的争论和当代苏联小说艺术的多样化[J]. 外国文学评论, 1989, 76-82.
12. 黎皓智.当代苏联小说中的假定性艺术[J]. 苏联文学, 1990, 55-62.

References

1. 吴晓都.诗学的“散文”——什克洛夫斯基的《散文理论》[J].外国文学动态, 1997, (6), 22-25.
2. Jessica Evans Merrill. The Role of Folklore Study in the Rise of Russian Formalist and Czech Structuralist Literary Theory [M]. Berkeley: University of California, 2012.
3. 阎国栋.俄罗斯汉学三百年[M]. 北京: 学苑出版社, 2007.
4. 陈依雯 (Tang Yee Woon). 唐代小说的传播与接受[C]. 南京大学, 2016.
5. 成文艳.中国古典小说在俄罗斯的翻译与研究 (明清以前) [C]. 南开大学, 2017.
6. 索嘉威.唐代与清朝的小说俄译: 历史及影响 [J].中国俄语教学, 2020, (165), 56-63.
13. 汪媛.“陌生化”与“日常化”的交融: 论什克洛夫斯基自传三部曲的叙述艺术 [C]. 南京师范大学, 2019.
14. Zenkin S.N.Priklyucheniya teoretika.Avtobiograficheskaya proza Viktora SHklovskogo[J], Druzhba Narodov, 2003(12).
15. 彭昊熙.俄罗斯民间魔幻童话变形和变形者研究[C]. 广东外语外贸大学, 2019.
16. Alimov I.A. Besy,Lisy,Duhi v tekstah sunskogo Kitaya [M].M., Rossijskaya akademiya nauk, 2008(54).
17. 马园萍.追求与探寻——试论西方文学中的变形问题[C]. 浙江师范大学, 2010.
18. 赵艺.唐宋“变形”类传奇研究[C].北京第二外国语学院, 2017.

19. 王晓辉;邹韵勤;黄泓亮.安徒生童话中的魔法变形[J].鄂州大学学报, 2013, (91), 38-40.
20. 祖国颂.唐传奇时空艺术研究[C].福建师范大学, 2009.
21. 丁国旗.什克洛夫斯基后期文艺思想探源[J].石河子大学学报(哲学社会科学版), 2003, 48-52.
22. Sokolova I. I. Tanskaya novella[M]//Istoriya vseмирnoj literatury. Tom vtoroj. M., 1984:135.
23. 葉可嘉.略論蘇俄漢學家研究明代文學的成果: 以小說為例[J].文學新鑰,2013(18),149-202.
24. 鲁迅.唐宋传奇集 [M]. 济南: 齐鲁书社, 1997.
25. 安徒生童话 [M]. 陕西: 陕西师范大学出版社, 2010.
26. 郅溥浩等.一千零一夜 [M]. 浙江: 浙江教育出版社, 2019.
27. [意]薄伽丘.十日谈 [M]. 南京: 译林出版社, 2010.
28. [俄]普希金.普希金文集. 抒情诗二 童话[M]. 上海: 上海译文出版社, 1999.
29. [苏]维·什克洛夫斯基.散文理论 [M]. 刘宗次译.南昌: 百花洲文艺出版社, 2010:163-198.
30. [德]雅格·格林、威廉·格林.格林童话 [M]. 北京: 北京联合出版公司, 2014.
31. Tanskie novelly [M]. Per. O. L. Fishman. M.: izd. ANSSSR, 1955.

Информация об авторе

Магистрантка Ван Цюсинь

Харбинский педагогический университет

КНР

1300761567@qq.com

Information about author

Master-degree student 王秋新

Harbin Normal University

PRC

1300761567@qq.com

基金项目: 黑龙江省哲学社会科学研究基金项目

目“什克洛夫斯基文学批评研究”【项目批

号:20WWD223】的阶段性成果。

(Fund project: Heilongjiang province Philosophy and Social Science Research Fund project "Shklovsky literary criticism research". Project lot number:20wwd223)

*Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021**Статья принята к публикации: 15.03.2021**Reviewed: 18.02.2021**Accepted: 15.03.2021*

**РЕЦЕНЗИЯ: «Трактаты о чае эпох Тан и Сун» в русском переводе
Ю. Дрейзис и изучение китайской культуры чая в России.**

**Review: «Treatises on Tea of the Tang and Song Eras»
in Russian translation by Y. Dreyzis and Study of Chinese Tea
Culture in Russia.**

Осокин Александр Владимирович

Институт литературы

Педагогический университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото (КНР)

alex.osokin2013@yandex.ru

DOI: 10.24412/2686-9675-1-2021-162-167

АННОТАЦИЯ

Не так давно в руки автора попала книга «Трактаты о чае эпох Тан и Сун»,¹ изданная Международной издательской компанией «Шанс» в ноябре прошлого года. Знакомство с этим изданием побудило вновь обратиться к тематике китайской чайной культуры и её разработки в отечественном Китаеведении, а также навело на некоторые соображения, которыми автору хотелось бы поделиться на страницах специализированного востоковедного журнала.²

Ключевые слова: китайская культура чая, эпоха Тан, эпоха Сун, трактат, перевод с китайского языка на русский.

Для цитирования: Осокин А.В. Рецензия: «Трактаты о чае эпох Тан и Сун» в русском переводе Ю. Дрейзис и изучение китайской культуры чая в России. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(1). 162-167.

ABSTRACT

Not so long ago, the author got his hands on the book "Treatises on tea of the Tang and Song eras", published by the International Publishing Company "Chance" in November last year. Familiarity with this publication prompted me to turn again to the topic of Chinese tea culture and its development in domestic Chinese studies, and also led to some considerations that the author would like to share on the pages of a specialized Oriental studies' journal.

Keywords: Chinese tea culture, the Tang era, the Song Era, treatise, translation from Chinese into Russian.

For citation: Osokin A.V. Review: *Treatises on «Tea of the Tang and Song Eras» in Russian Translation by Y. Dreyzis and Study of Chinese Tea Culture in Russia.* Modern Oriental Studies. 2021; 3(1). 162-167.

¹ Трактаты о чае эпох Тан и Сун: в переводах Ю. Дрейзис / Пер. с кит. и комм. Ю.А. Дрейзис; вступ. ст. Ю.А. Дрейзис, А.Т. Габуев, Л.В. Лемешко. Москва: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2021. 271 с.

² Предваряя возможные дальнейшие возражения, сразу же оговоримся, что на этих страницах речь пойдёт о чае именно как элементе традиционной культуры Китая, вопросы же его распространения, чаеоторговли и пр. и связанные с ними публикации не подразумеваются и не рассматриваются.

Начнём с того, что последние лет десять особенно бросается в глаза качественная неоднородность китаеведной печатной продукции в нашей стране. Наряду с серьёзными и вполне академичными работами выходит масса публикаций, в достоинствах которых не числится, увы, научная достоверность. И в этом смысле особо не повезло традиционной китайской чайной культуре. Судьба её в российской науке напоминает судьбу романа «Сон в красном тереме» (Хунлоумэн 红楼梦). К сожалению это тот случай, когда приходится согласиться с известным китайским учёным и знатоком этого великого произведения Дэн Юнь-сяном, писавшим ещё в начале 80-х гг. прошлого века: «Бывает так, что люди пишущие касаются темы питья чая в романе «Сон в красном тереме». Тема эта сама по себе интересна, но читатель, не сведущий в старинных обычаях, толкует её и так, и эдак, не затрагивая суть. Измышления эти не только бесплодны, но и наводят тоску, вызывая лишь сожаление» [1, с. 326].

Автор данных строк, долгое время исследующий эту область непосредственно на родине чайной культуры и привыкший опираться в собственных изысканиях на работы китайских специалистов, не перестаёт удивляться

довольно низким требованиям к содержанию российских публикаций о чайной культуре Поднебесной. Частичным объяснением этому служит, вероятно, то обстоятельство, что данную тематику в России уже много лет активно осваивают студенты и аспиранты из КНР. Сказываются, видимо, и недостаточная степень владения русским языком, и зачастую весьма туманные представления о предмете исследования. Но если роман отпугивал своей «мощью» и архаичным языком, то этого нельзя сказать о тематике чайной культуры. При этом представления, почерпнутые в чайных клубах и на просторах всемирной паутины, случается, проникают и на страницы серьёзных академических проектов.³

Справедливости ради необходимо отметить, что имеется также изрядное количество публикаций, в которых вполне адекватно описывается этот феномен китайской культуры. Их авторы пытаются честно разобраться в том, что представляет собой китайская чайная традиция, находят подходящий язык для её описания и демонстрируют её не только в классических формах, но и, так сказать, в синхронном срезе.⁴

³ Примером может служить уже по праву ставшее у нас «культовым» издание «Духовная культура Китая: энциклопедия», в 6-м (дополнительном) томе которого, в разделе «Культура чая» сообщены сведения требующие, мягко говоря, перепроверки (в т.ч. касательно культа Лу Юя, классификации чаёв, степени ферментации, способах обработки, хранения и пр.) [2].

⁴ Виноградская В.Б. Прекрасное дерево южной стороны, или чайное долголетие. М.: Ганга, 2007. 104 с.

Виноградская В.Б. Страна чая, или изысканность простоты. М.: Ганга, 2008. 160 с.

Виноградская В.Б. Изменчивость в культуре чая и память традиции // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. М.: ИДВ, 2009. С. 140-152

Шведов М.Н. Призрак дао: современная чайная культура Китая // Вестник Томского государственного университета. 2012, №357. С. 115-117

Шведов М.Н. «Ода чаю» Ду Юя как источник по истории чайной культуры в раннесредневековом Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013, № 6 (26). С. 165-168

Шведов М.Н. Чайная культура китайцев: истоки и эволюция. Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. Томск: 2014. 22 с.

Шведов М.Н. Некоторые аспекты средневекового китайского чаепития в контексте антропологических исследований // Вестник Томского государственного университета. 2015, № 399. С. 146-150

Пытаясь разобраться в причинах такого нерадостного положения дел, коснёмся лишь некоторых аспектов проблемы.

Во-первых, тема китайского чая стала суперпопулярна среди всех возрастных категорий, а также в изначально «нечайных» субкультурах. Стремятся приобщиться к традиции употребления древнего напитка и многие жаждущие «просветления» в различных неовосточных и полуэзотерических сообществах, популяризирующих цигун, бацзы, фэншуй и прочий «Восток». Более тесно связанная с Китаем публика также отдала чаю должное. Употребление китайского чая стало своеобразным маркером «духовного» образа жизни. Появилось изрядное количество клубов и групп, где по сходной цене можно отведать полюбившегося напитка. Также активизировались курсы, где за значительную плату все желающие могут пройти «курсы чайного мастерства» и получить соответствующий сертификат. Словосочетание «чайный мастер» стало синонимом духовного образа жизни.

Всё началось с лёгкой руки известного в России любителям Востока Бронислава Виноградского, который инициировал популяризацию китайской чайной культуры в 90-х гг. уже минувшего столетия. Чайные ритуалы и мифология, способы варки чая, предметная среда, сопутствующая его употреблению, образ и роль «чайного мастера» — всё это формировалось тогда же, и на российской почве. И сейчас уже мало кто задумывается об истоках современной «чайной» эстетики, а российская чайная культура для большинства её ценителей есть

китайская чайная традиция в своей подлинности. Но плохо это или хорошо — вопросы, с изданием переводов китайской классики имеющих мало общего, а история формирования способов репрезентации и эстетизации чайной культуры в России достойно отдельного подробного исследования.

С другой стороны, удручает отсутствие квалифицированных переводов основополагающих текстов чайной традиции. А в значимости этого направления для понимания культуры Китая не приходится сомневаться, ибо только за последние годы на Западе опубликовано несколько серьёзных работ в данной области.⁵ Об этом говорит и тот факт, что соответствующий материал включён редакционной коллегией в шестой том энциклопедии «Духовной культуры Китая».⁶

Между тем, отечественное синологическое сообщество не часто радуется переводами классики китайской чайной традиции. Так уж сложилось, что подобные тексты не являются объектом пристального внимания российских исследователей. Часто они представляют собой ботанические трактаты, лишённые того, что так привлекает читателя в сочинениях изящной прозы гувэнь или в романах на средневековом байхуа. Это, так сказать, «технические» тексты, лапидарно повествующие о сути дела: географии произрастания сортов, способах культивации, обработки, ферментирования, хранения, заваривания и питья — короче всего того, что и составляет производство чая как напитка. Кроме того, в них даются рекомендации по отбору подходящей воды,

⁵ Назовём лишь важнейшие монографии, перечисление всех работ здесь нецелесообразно: James A. Benn. *Tea in China: A Religious and Cultural History*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015. Pp. xiii+288; Bret Hinsch. *The Rise of Tea Culture in China: The Invention of the Individual*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2016. Pp. ix + 161.

⁶ «Культура чая»: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. 2010. 1031 с. С. 454-460.

разведению огня, выбору соответствующей утвари, моделированию пространства и созданию соответствующего настроения для чаепития.

О ценности подобной литературы прекрасно сказал в одной из своих статей Г. Ткаченко: «Так или иначе, внимание исследователей должно быть обращено не только к концептуальному мировосприятию и «мироконструированию», но и к самоощущению, «самочувствию» традиции, причём в этом случае наиболее ценными источниками могут оказаться не столько канонические («священные») тексты соответствующей традиции, сколько «тексты повседневности», типа медицинских трактатов, поваренных книг, инструкций по домоводству, сборников разного рода афоризмов, паремий и т.д. Содержащийся здесь материал даёт чрезвычайно много для понимания базисных установок «традиционной антропологии», то есть представлений самой традиции, особенно «низовой», о том, что есть человек, как ему следует жить ...» [3, с. 73].

В свете сказанного, вопросов о желательности подобной публикации не возникает. Так что можно лишь приветствовать инициативу компании «Шанс» по изданию ключевых трактатов китайской чайной культуры на русском языке. Общеизвестно, что такие проекты часто преодолевают в публикации не меньше препятствий, чем объёмные научные труды. А после часто не привлекают внимания специалистов, по умолчанию считаясь в определённом смысле популяризацией. Действительно, компания «Шанс» к настоящему времени широко извест-

на в России, как специализирующаяся на издании литературы китаеведческого направления, значительный объём которой составляют научно-популярные книги для широкой аудитории. Тем не менее, по её инициативе издаются и серьёзные труды признанных в Китае учёных.⁷

Что же касается «Трактатов о чае эпох Тан и Сун», то отметим следующее. Под единой обложкой объединены переводы «Канона чая» Лу Юя (陆羽 733 – 804), «Записей о чае» Тао Гу (陶谷 903 – 970), текст «О варке чая и качестве родниковой воды» Е Цинчэня (叶清臣 1000 – 1049), «Записи о чае» Цай Сяна (蔡襄 1012 – 1067), знаменитый трактат императора эпохи Сун Хуэйцзуна (徽宗, 赵佶 1082 – 1135), а также два небольших эссе, не входящих в реестр специализированных чайных трактатов.⁸ Такую подборку следует отнести к несомненным удачам авторов сборника, так как подобный выбор текстов помогает вдумчивому читателю увидеть бытование культуры чая в широком культурном контексте средневекового Китая (полагаю, свою задачу авторы могли видеть и в этом).

Все переводы снабжены самыми тщательными комментариями, сообщающими читателю исчерпывающие сведения о многочисленных реалиях, именах собственных, топонимах, исторических событиях, а также лингвистических тонкостях, необходимых для более глубокого понимания текста.

Первые полторы сотни страниц в содержательном отношении дублируют издание 2007 года,⁹ причём это также не является

⁷ Достаточно упомянуть следующие: Дуань Баолинь. Китайская народная литература / пер. с кит. Станченко Л.К. М.: Шанс, 2019. 391 с.; Чэнь Сяомин. Тенденции новейшей китайской литературы / пер. с кит. Никитиной А.А., Яковенко М.С., Батыгина К.В. М.: Шанс, 2019. 583 с.

⁸ Имеются в виду небольшие литературные миниатюры знаменитого поэта, каллиграфа, художника и государственного деятеля Су Ши (苏轼 1037-1101) и учёного поэта и чиновника Тан Гэна (唐庚 1071-1121).

⁹ Лу Юй. Канон чая / пер. с кит., введ. и коммент. А.Т. Габуев и Ю.А. Дрейзис. М.: Гуманитарий, 2007. 123 с.

минусом для книги. Нельзя сказать, что публикация памятника в 2007 году хоть как-то насытило читательский рынок. Изданная весьма скромным тиражом (всего 1000 экземпляров), книга быстро разошлась, осев в чайных клубах и библиотеках. К настоящему времени она представляет собой библиографическую редкость, и изыскать её затруднительно. Кроме того, издание 2007 года не исправило ситуацию с восприятием и пониманием этой специфической стороны китайского традиционного уклада. Читая статьи современных авторов, приходишь к выводу, что они не держали это издание в руках и ничего о нём не слышали.

Основной корпус предваряется обстоятельной вводной статьёй, посвящённой формированию целостной китайской чайной традиции в эпохи Тан (618 – 907) и Сун (960 – 1279). В первой части рассматривается личность Лу Юя, создателя первого в Китае чайного трактата, реконструируется способ заваривания и питья чая, распространённый в империи Тан. Во второй подробно анализируется культура чая периода Сун. С привлечением оригинальных источников и на широком историческом материале анализируется его бытование в среде образованной элиты того времени, уделено внимание проблеме государственного регулирования сунской чаеоторговли, подробно рассматриваются методы обработки и производства чая. Уделено специальное внимание видам чайной утвари, имевшим хождение в ту эпоху, в отдельном разделе рассматриваются способы заваривания и экспозиции готового напитка.

Ещё одна особенность книги — наличие в ней оригинальных китайских текстов на *вэнь-яне*. Во времена, когда первое русскоязычное издание трактата Лу Юя увидело свет, размещение параллельного текста оригинала могло

показаться излишним. Из среднестатистической массы чайных любителей в России, едва ли 1% владел языком настолько, что мог в нём что-то понять. Но сегодня для многих Китай перестал быть чем-то неизведанным, вчерашний любитель Китая превращается в студента востоковедческого факультета, и с китайской чайной церемонией он иногда знакомится прежде, чем попадает в 1 класс начальной школы. Так что книга может служить отличным подспорьем для пытливых студентов. Кроме того, этим авторы и издатели удачно продолжают традицию перевода и издания текстов, характерную для старой классической школы отечественного востоковедения.

Остаётся добавить, что все переводы выполнены Ю.А. Дрейзис — доцентом кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, замечательным учёным, переводчиком и исследователем классической и современной китайской литературы. Вводный раздел книги в части материалов по культуре чая эпохи Сун написан талантливой выпускницей ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова Л. Лемешко.

Доброкачественность, научная выверенность, внимательное отношение к тексту — вот неполный перечень достоинств книги. Остаётся пожелать, что она будет по достоинству оценена будущими читателями и способствует, наконец, пробуждению у наших профессиональных синологов более глубокого интереса к этому интереснейшему классу средневековой китайской литературы.

Литература

1. 邓云乡。红楼识小录。太原：山西人民出版社。(Dèng Yúnxīāng. Hónglóu shí xiǎolù). Tàiyuán: shānxī rénmin chūbǎnshè 1984.
2. Петрушкин И.Е. Культура чая // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. [Т. 6 (дополнительный):] Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. 2010. 1031 с. С. 458-460.
3. Ткаченко Г.А. Избранные труды. Китайская космология и антропология. М.: ООО «РАО Говорящая книга», 2008. 362 с. (серия «Российские Пропилеи»)

References

1. Dèng Yúnxīāng. (1984) Hónglóu shí xiǎolù. [Dèng Yúnxīāng. Notes on A Dream of Red Mansions]. Tàiyuán: shānxī rénmin chūbǎnshè. (in Chinese)
2. Petrushkin I.E. (2010) Kul'tura chaya [The Culture of Tea]. Spiritual Culture of China: encyclopedia: in 5 volumes / ch. ed. M.L. Titarenko; Institute of the Far East. Moscow: Vost. lit., 2006, [Vol. 6 (additional):] Art / ed. M.L. Titarenko et al. P. 458-460. (In Russian)
3. Tkachenko G.A (2008) Izbrannye trudy. Kitajskaya kosmologiya i antropologiya [Selected Works. Chinese Cosmology and Anthropology]. Moscow: «Govoryashchaya kniga». 362 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ассистент **Осокин Александр Владимирович**
Институт литературы Педагогического университета
Внутренней Монголии Хон-хот (КНР)
alex.osockin2013@yandex.ru

Information about author

Assistant Professor **Alexander V. Osokin**
Institute of Literature
Inner Mongolia Normal University, Hoh-hot
(China)
alex.osockin2013@yandex.ru

Статья одобрена рецензентами: 18.02.2021

Статья принята к публикации: 15.03.2021

Reviewed: 18.02.2021

Accepted: 15.03.2021

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещение основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного изда-

ния (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ШИФР (ОБЯЗАТЕЛЬНО)

Название статьи на русском

Название статьи на языке
написания статьи

ФИО (полностью)¹, ФИО (полностью)² и т.д.

Место работы¹, Место работы² и т.д.

электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Ключевые слова: слова (на языке написания
статьи (если он не русский или английский))

Abstract (in English)

Text (200-250 words)

Аннотация (на языке написания статьи
(если он не русский или английский))

Текст

Keywords: words (5-7), in English

Для цитирования: ФИО. Название статьи
(курсивом). Современные востоковедческие ис-
следования. Год публикации; Том (Номер вы-
пуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина
А.А. Динамика экономических отношений между
Россией и Японией: основные мотивы. Современ-
ные востоковедческие исследования. 2020; 1(2):

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. *Dy-
namics of economic relations between Japan and
Russia: basic motives*. Modern oriental studies.
2020; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

(Ссылки оформлять только так и никак иначе!)

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Table 1. Table's name

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

Рис. 2: Название диаграммы

Fig.2: Diagram's name

ВЫВОДЫ

Текст

Литература

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78-86.

2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуз. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.

References (производим транслитерацию всех книг из Литературы на латиницу; transliterate all references into Latin alphabet)

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati

Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

Информация об авторе (авторах)

Доцент, к.и.н. **Аликберова Альфия Рафисовна**

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлёвская, д.18

Россия

alfikas@mail.ru

Information about author (in English)

Associate Professor, PhD **Alfiya Alikberova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: (даты представляет Редколлегия)

Статья принята к публикации: (даты представляет Редколлегия)

Reviewed: (the date is put by the Editorial Board)

Accepted: (the date is put by the Editorial Board)